

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

МЕНТАЛЬНЫЕ
ДЕЙСТВИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

МЕНТАЛЬНЫЕ
ДЕЙСТВИЯ

МОСКВА
"НАУКА"
1993

ББК 81

Л 69

Редакционный совет:

член-корреспондент РАН *Н.Д. Арутюнова* (председатель)

доктор философских наук *В.В. Петров*

кандидат филологических наук *Н.К. Рябцева*

академик *Ю.С. Степанов*

Ответственные редакторы:

член-корреспондент РАН *Н.Д. Арутюнова*

кандидат филологических наук *Н.К. Рябцева*

Рецензенты:

кандидаты филологических наук *С.А. Ромашко, Т.Е. Янко*

Редактор издательства *В.С. Матюхина*

Логический анализ языка. Ментальные действия. — М.:
Л 69 Наука, 1993. — 176 с.
ISBN 5-02-011104-X

Книга посвящена новым лингвистическим проблемам: семантическому анализу структуры ментального пространства, лексикографическому описанию ментальной лексики, а также представлениям о сфере мышления в индивидуальных философских контекстах — Декарта, Платона, П. Флоренского, А. Платонова и др. Привлекается широкий лингвистический материал, приводятся конкретные примеры толкований слов ментальной сферы и концептуализации ментальных объектов.

Для лингвистов, литературоведов, логиков, философов, культурологов, специалистов в области когнитивных наук.

Л $\frac{4602000000-231}{042(02)-93}$ 447-93, II полугодие

ББК 81

Logical Analysis of Language. Mental Acts.

The book goes into new linguistic problems connected with the lexicon of the mental sphere: its semantics, structure, lexicographic representation and philosophical interpretations by Descartes, Plato, P. Florensky, A. Platonov, etc. Lexicographic and conceptual descriptions are supported by extensive linguistic examples.

For linguists, philologists, logicians, philosophers, culturologists and specialists in cognitive science.

ISBN 5-02-011104-X

© Институт языкознания РАН, 1993

© Российская академия наук, 1993

ВВЕДЕНИЕ

В 1989 г. проблемная группа "Логический анализ языка" открыла серию дискуссий, посвященных культурным концептам [1].

Обыденные аналоги философских и этических терминов образуют обширную область лексики естественных языков, отражающую практическую философию человека. Их отличает от собственно философских терминов постоянное взаимодействие с реальными механизмами жизни.

Размышляя над последним и роковым выбором Пушкина, В. Соловьев писал: "Есть предметы порядка духовного, которых жизненное значение для нас прямо определяется, кроме их собственных реальных свойств, еще и тем *понятием*, которое мы о них имеем" [2, 343]. К их числу В. Соловьев относил концепт судьбы. "Слишком очевидно, — писал Соловьев, — что власть человека, хотя бы самого упорного и энергичного, над ходом и исходом его жизни имеет очень тесные пределы. Но вместе с тем легко усмотреть, что власть судьбы над человеком при всей своей несокрушимой *извне* силе обусловлена, однако, *изнутри* деятельным и личным соучастием самого человека" [там же].

Обыденная философия есть результат взаимодействия ряда факторов, таких, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей. Понятия практической философии образуют своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром. В нем выделимы два основных полюса: объективный и субъективный. Первый — обозначим его словом ИСТИНА — объединяет эпистемические понятия, такие, как *истина* и *правда*, а также предикаты истинностной оценки: *истинно*, *верно*, *достоверно*, *факт*, *правильно*, *очевидно*, *ложно*, *неверно*, *неправильно*, *сомнительно* и т.п. Второй — обозначим его словом СУДЬБА¹ — объединяет термины, интерпретирующие все то, что происходит с человеком. Вокруг этого полюса группируются такие понятия, как *судьба*, *рок*, *фатум*, *доля*, *удел*, *жребий*, *случай*, *фортуна*, *предопределение*, *предназначение* и др., а также этические категории: *добро*, *зло*, *суд*, *приговор*, *возмездие*, *вознаграждение* и т.п.

Слова, входящие в эти две группы, обладают рядом особенностей. Для них характерна синонимия. Она вызвана возможностями разной интерпретации одних и тех же ситуаций, с одной стороны, и разнообразием интерпретируемых ситуаций — с другой.

¹ В декабре 1991 г. проблемная группа "Логический анализ языка" и "Научный совет по истории мировой культуры" РАН провели конференцию "Понятие судьбы в контексте разных языков и культур", материалы которой будут опубликованы.

Примером синонимии первого рода служат синонимы судьбы (см. выше), синонимию второго типа иллюстрируют приведенные ранее предикаты истинностной оценки.

Мировоззренческие понятия постепенно теряют статус абсолютных категорий. Они релятивизируются, их ценностный показатель существенно снижается. Так, признаки вечности, неизменности, независимости от человека, единственности и подлинности, характерные для философского понятия истины, гораздо менее значимы применительно к его обыденному корреляту. Абсолютная истина превращается в "тьму низких истин". Попадая на почву обыденного сознания, концепт судьбы становится менее "роковым".

Синтаксис мировоззренческих терминов отражает разные виды взаимодействия человека и концепта, имена которых распределены по актантным позициям, ср.: *судьба играет человеком* и *человек играет со своей судьбой*; *люди служат истине* и *истина служит человеку*. Мировоззренческие концепты приобретают функцию контрагентов, отношения которых с человеком могут складываться по-разному. Следствием этого является вхождение мировоззренческих терминов в противоречивые контексты.

Между ИСТИНОЙ и СУДЬБОЙ расположены три группы важных понятий: ДЕЙСТВИЕ², МЕНТАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ, РЕЧЕВОЕ ДЕЙСТВИЕ. Их объединяет концепт действия, формирующий мир жизни, в котором человек выступает в роли агенса сознательной деятельности. Если судьба предопределяет человеческую жизнь, то действие ее создает. Первая не терпит выбора, второму предшествует выбор цели.

В настоящем сборнике публикуются материалы конференции (май 1992 г.), посвященной ментальным актам и, шире, понятиям ментальной сферы. В проблематику конференции входили следующие темы: структура ментального поля; семантика предикатов ментального действия и воздействия, ментальных способностей и состояний; значение имен ментальных действий и их результатов; логика ментальных действий; логические парадоксы; синтаксис ментальных предикатов (отношения типа "человек — мысль", "мысль — пропозиция"); истинностная оценка суждений и др.

Обращение к рациональным категориям, казалось бы отвлеченным и отчуждаемым от человека, подтверждает антропоцентризм языка. Абстрагирующим тенденциям противостоят силы, притягивающие ментальную сферу к жизненному субстрату. Лишь ученый мыслит из стремления к истине. Повседневные мысли далеки от истины и истинности. Русское существительное *мысль* (как и его аналоги в других языках) редко употребляется в значении 'суждение'. Оно не сочетается с прилагательным *истинный*. К нему приложимы квази-истинностные оценки *верный* и *правильный*, не исключающие переоценок, оговорок, уступок и возражений. Имя *мысль* не применяется ни

² В мае 1991 г. группа "Логический анализ языка" провела конференцию, посвященную моделям действия (см.: "Логический анализ языка: Модели действия." М., 1992).

к заведомым истинам, ни к конкретной информации. Сама их истинность или возможность верификации отталкивает от них концепт мысли.

Логик и ученый формулируют мысль для того, чтобы констатировать ее истинность или ложность [4, 24 и след.]. В обыденной жизни мысли возникают для того, чтобы разрешить насущные проблемы. Они складываются в контексте практического рассуждения, планов и проектов, требующих скорее аксиологической, чем истинностной оценки. Они порождены нуждой. Одно из значений слова *мысль* — '*забота*' (ср. соответствующее понятие М. Хайдеггера). Положение мысли в обыденном сознании и само употребление имени *мысль* хорошо показывает следующее высказывание В.В. Розанова: «Ей-Богу: поспать лучше, чем управлять. Но эта мудрая мысль приходит под 50 лет; раньше все хочется "управлять" и "спасать". О планете — мысль у Бога. У нас должна быть мысль о своем обеде, своей жене, достать бы хорошего докторишку вовремя и проч. "Мы мелкие люди, и у нас мелкие мысли". Это — мудрость» [3, 296—297].

Связь мысли с практикой жизни и ее обращенность к будущему подтверждаются значениями девербативов *замысел, помысел, промысел, домысел, умысел* и тех приставочных глаголов, от которых они произведены. Глагол *мыслити* имел в древнерусском языке преимущественно значения, связанные с будущим: '*собираться*', '*надеяться*', '*злоумышлять*' ... (см. статью И.И. Макеевой в наст. сб.).

Мысли-заботе противостоит концепт ИДЕИ, ассоциируемый с общефилософскими категориями (о семантике существительных *мысль* и *идея* см. статью И.М. Кобозевой в наст. сб.). Вернемся к высказыванию В.В. Розанова: "Конечно, это скучно, если без общих идей [...]. Но для них — дружба. Мы с Павлом Александровичем могли бы отлично прожить всю жизнь бок о бок [...] под вечер предаваясь философским идеям и даже философским тревогам" [3, 297]. Идеям, однако, не только предаются, их стремятся провести в жизнь. Они вторгаются в ее естественное течение. На их основе формулируются лозунги и призывы.

Таким образом, идеям, помещенным Платоном в особый мир бестелесных сущностей, небезразлично земное существование.

Другой семантической областью, демонстрирующей роль механизмов жизни в формировании ментальных понятий, служат слова, обозначающие "идейные компоненты" личности: *убеждение, взгляд, принцип, воззрение*. Переход к ним от понятия ИДЕИ естествен. Само слово *убеждение* определяется в терминах *идеи*, а не *мысли* (ср. в словаре С.И. Ожегова: *Убеждение. Твердый взгляд на что-н., основанный на какой-н. идее, мировоззрении*). Именно идеи, укореняясь в сознании человека, становятся его взглядами или убеждениями. Они превращаются в убеждения, когда диктуют его жизненную позицию, поведение, поступки. Не случайно власти преследуют за убеждения. Убеждения выбирают. В их экстенционал входят этические правила. Проблема "слов и дел", важная для перформативов, дополняется проблемой "убеждений и дел". Фет приводит следующие

слова Л. Толстого, сказанные им Тургеневу: «Я не могу признать, чтобы высказанное вами было вашими убеждениями. Я стою с кинжалом или саблею в дверях и говорю: "Пока я жив, никто сюда не войдет". Вот это убеждение... Праздные разговоры ни от чего не могут превратиться в убеждения». Если идеи насаждают, то убеждения — это личная собственность каждого, к ним приходят в результате жизненного опыта, наблюдений и размышлений; и их отстаивают. Расширение опыта может заставить человека изменить убеждения. "Говорят, стыдно менять убеждения. А я говорю, стыдно их не менять," — писал Л. Толстой. Убеждения могут не выражаться в словах, это феномен сознания, но они должны проявляться в деле. Спонтанные действия обнаруживают природу человека, обдуманное волевое акты — его убеждения. Убеждения — это моральный кодекс человека. «Граф де Местр говорил: "Преувеличение есть правда честных людей", т.е. людей с убеждениями, потому что честный человек не может иметь их», — писал Чаадаев [5, 162].

Соответствие убеждений человека его делам не столько этическое требование, сколько семантическая характеристика, отличающая убеждения от *взглядов, идей и воззрений*.

Однако убеждения, как, впрочем, и идеи, соотносятся и с определенным речевым жанром — проповедью. Убедительность проповеди зависит не только от ораторских способностей проповедника, она требует, чтобы он подтвердил свой образ мыслей своим образом жизни. Когда А. Фет высказал Тургеневу "крайнее изумление несогласием его проповедей с делом", Тургенев ему ответил: "Faites ce que je dis, mais ne faites pas ce que je fais" 'Делайте то, что я говорю, но не делайте того, что я делаю'. Убедительность "Записок охотника" он не ставил в зависимость от благосостояния своих крестьян. Л. Толстой, как известно, думал иначе. Изменив убеждения, он изменил свою жизнь. Прагматическая конвенция требует, чтобы отношения в ряду "убеждения — слова — дела" были гармоничны. Что касается разницы в позициях Тургенева и Л. Толстого, то она сводится к вопросу о праве (или возможности) считать слова поэта его делами.

В заключение подчеркнем, что значение слов, относящихся к ментальной сфере, определяется не только и не столько структурой и формами правильного мышления, сколько теми механизмами жизни и видами человеческой деятельности, в контексте которых оно образовалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
2. Соловьев В.С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. М., 1990.
3. Розанов В.В. Мимолетное // Опыты / Литературно-философский ежегод. М., 1990.
4. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
5. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1987.

Н.Д. Арутюнова

Ю.Д. Апресян

СИНОНИМИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ: ГРУППА *СЧИТАТЬ*

Предварительные замечания

Данная работа представляет собой, в сущности, словарную статью для Нового толкового словаря русских синонимов, который составляется в Институте русского языка РАН небольшой лексикографической группой (Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон) под руководством автора. Это — написанный мной синонимический ряд путативных глаголов *думать* 2.1, *считать*², *полагать*, *находить* 4, *рассматривать* 4, *смотреть* 2, *усматривать* 2, *видеть* 3.2.

Концепция словаря была изложена в работе [3], знакомство читателя с которой предполагается. Здесь в качестве предварительных замечаний к главной теме на основании уже опубликованных работ автора будут тезисно изложены некоторые идеи системной лексикографии, которые хотелось бы реализовать и в словаре синонимов.

1. Словарный состав каждого языка, во всяком случае его ядро, распадается на лексикографические типы. Лексикографическим типом называется группа лексем с рядом совпадающих свойств, к которым обращаются одни и те же грамматические и другие достаточно общие лингвистические правила, включая семантические, прагматические, коммуникативные, просодические и сочетаемостные. Понятие лексикографического типа, таким образом, существенно отличается от понятия (лексико-)семантического класса или семантического поля. С одной стороны, оно не обязательно связано с общностью семантических свойств лексем. С другой стороны, оно определяется через грамматические и другие правила и, следовательно, приобретает смысл только в рамках интегрального описания языка (см. [2]).

2. Главный принцип системной лексикографии состоит в том, чтобы описывать каждую лексему как элемент лексикографического типа, т.е. улавливать повторяющиеся черты лексических единиц и единообразно представлять их в словаре.

3. Состав лексикографических типов данного языка определяется прежде всего тем своеобразным раскрытием представленного в нем концептуального материала, который получил название "наивной" картины мира. Лексика, тематически относящаяся к одному и тому же участку этой картины (ср. "наивную геометрию", лежащую в основе слов со значением линейных параметров [4], или "наивную психологию", лежащую в основе эмоциональной лексики [3]), имеет, как правило, много общих черт, которые должны последовательно учитываться в словаре. Подчеркнем, что большинство этих черт носит, видимо, универсальный характер, т.е. свойственно человеческо-

му языку вообще, и лишь немногие особенности "наивной" картины мира национально-своеобразны.

4. С другой стороны, состав лексикографических типов данного языка определяется своеобразием его формального раскроя, например особенностями его словообразовательных моделей [2]. Лексикографические типы, определяемые формальными особенностями языка, наоборот, в большинстве случаев национально-своеобразны, хотя и они могут обнаруживать интересные универсальные черты. Примером последних может служить полисемия основных глаголов перемещения, в структуре которой легко обнаруживается типичная для связи комбинация трех значений — классифицирующего (собственно связочного), локативного и экзистенциального (см.[2]).

5. Важный принцип системной лексикографии состоит в том, чтобы при толковании лексических значений последовательно сводить сложные значения ко все более простым вплоть до элементарных, т.е. до так называемых семантических примитивов. Такая стратегия толкований, характерная для работ Московской семантической школы [9], позволяет явно представить все семантические связи между отдельными лексемами и большими группами лексем.

В связи с пониманием семантических примитивов полезно обратить внимание на то, что они не обязательно обладают свойством принципиальной семантической неразложимости. 'Хотеть', например, безусловно является семантическим примитивом, хотя теоретически в нем может быть выделена более простая часть, общая для глаголов *хотеть*, *хотеться* и *желать*. Примитивность 'хотеть' создается тем, что эта общая часть не может быть названа никаким другим словом русского языка. Дело в том, что каждый из трех глаголов имеет особенности, отличающие его от других глаголов. *Хотеться* обозначает менее определенное желание, чем *хотеть*, которое ощущается человеком не столько как состояние его воли, сколько как состояние его тела. Любопытно, что, в отличие от *хотеть*, *хотеться* никогда не обозначает намерения (о значении намерения у *хотеть* см. [7, 87]). *Желать*, как и *хотеть*, описывает именно состояние воли. Однако если в случае *хотеть* реализация воли связывается прежде всего с действиями самого субъекта, то в случае *желать* она в большей степени связывается с возможными действиями других лиц.

Полезно обратить внимание и на то, что в других языках — это прямо вытекает из характерных для них особенностей концептуализации мира — слова, описывающие приблизительно тот же фрагмент внеязыковой действительности, могут отличаться друг от друга по совсем другим признакам. Так, в английском языке состояния воли описываются глаголами *want*, *wish* и *desire*. Два последних глагола близки к русскому *желать*, однако отсутствует аналог очень русского глагола *хотеться*, а главный глагол — *want*, — сопоставимый с русским *хотеть*, отличается от последнего тем, что указывает дополнительно не на намерения субъекта, а на его потребности.

Из сказанного следует, между прочим, что семантические примитивы национально-специфичны: что, поскольку на роль примитивов могут

претендовать лишь слова "первого плана", очень тонко разработанные в любом языке и во всей его национальной культуре, примитивов в собственном смысле слова (простейших семантических элементов, имеющих однословное выражение во всех человеческих языках) вообще быть не может и что, следовательно, задача построения универсальной семантики отодвигается в неопределенное будущее.

6. Системная лексикография — это концепция словарей активного типа. Словарь активного типа должен содержать полную информацию о лексеме, необходимую не только для ее правильного понимания в любом контексте, но и для ее правильного употребления в собственной речи говорящих. Такие словари существенно уступают традиционным пассивным словарям по объему словника, но должны намного превосходить их по объему информации о лексеме и детальности ее разработки. Поэтому понятие лексикографического типа — лишь одна из существенных опор системной лексикографии. Другой такой опорой оказывается понятие лексикографического портрета [2; 4] — исчерпывающей и неизбыточной характеристики всех лингвистически существенных свойств данной лексемы в рамках интегрального описания языка. Лишь словарь активного типа позволяет адекватно решить две главные задачи, стоящие перед каждым лексикографом, — задачу унификации (лексикографические типы) и задачу индивидуализации (лексикографические портреты).

После этих предварительных замечаний можно перейти к представлению синонимического ряда основных путативных глаголов русского языка. Из большой литературы вопроса были так или иначе учтены работы [1; 5; 6; 8—10]. Однако для решения поставленной задачи потребовалось заново обследовать, осмыслить и описать весьма значительный материал. Некоторые детали описания были уточнены на основании критических замечаний О.Ю. Богуславской, М.Я. Гловинской, И.Б. Левонтиной и Е.В. Урысон в ходе обсуждения ряда на рабочем заседании нашей группы. Многим я обязан и участникам семинара Н.Д. Арутюновой, на котором этот ряд был доложен.

По соображениям места синонимический ряд излагается в сокращенном виде; в частности, целиком снята зона иллюстраций и сведено до минимума число примеров в зонах К и С. Структура словарной статьи и технические приемы подачи материала не поясняются; необходимые сведения на эту тему читатель найдет в работе [3].

Синонимический ряд

ДУМАТЬ 2.1[≈СОВ *подумать*], **СЧИТАТЬ**²[≈СОВ *счесть, посчитать*], книжн. **ПОЛАГАТЬ** [СОВ нет], книжн. **НАХОДИТЬ 4** [СОВ *найти*], **РАССМАТРИВАТЬ 4** [СОВ нет], **СМОТРЕТЬ 2** [СОВ *посмотреть*], книжн. **УСМАТРИВАТЬ 2** [СОВ *усмотреть*], **ВИДЕТЬ 3.2.** [СОВ *увидеть*] 'иметь в сознании результат, какой бывает, когда человек думает 1.1 о чем-л.' [таким результатом является мысль о чем-л.].

||3|| Синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) наличие квалификации (оценки, интерпретации, клас-

сификации) объекта, о котором идет речь, со стороны субъекта мысли (*думать* обычно вводит простую констатацию, а *рассматривать* — квалифицирующее суждение); 2) участие воли в возникновении мысли (*считать*, особенно в форме *счесть*, предполагает участие воли в формировании мнения, а *думать* — нет); 3) доля уверенности и предположения в составе мысли, с чем связано представление субъекта о степени ее истинности (наибольшей в случае *считать*); 4) наличие—отсутствие непосредственного восприятия ситуации, являющейся предметом мысли (*думать*, *считать* и *полагать* можно заочно, а для *находить* необходимо непосредственное восприятие или созерцание объекта); 5) обязательность—необязательность внешнего наблюдателя (для *находить* в ряде случаев внешний наблюдатель необходим, а для *полагать* — нет); 6) объем и мера тонкости проведенной при формировании мысли интеллектуальной работы (в случае *считать* она больше, чем в случае *находить*); 7) возможность мыслить результат интеллектуальной работы как процесс его получения (в *рассматривать* и *смотреть* процессуальный компонент представлен в большей мере, чем в *усматривать* и особенно *видеть*); 8) отношение мысли к общей системе взглядов человека (в случае *смотреть* конкретное суждение может опираться на всю систему взглядов, а в случае *усматривать* оно обычно является продуктом анализа текущей ситуации); 9) характер ситуации, являющейся предметом мысли (уже состоявшееся событие, т.е. факт, или только предстоящее событие; ср. глагол *усматривать*, который вводит суждения о фактах, и *видеть*, который возможен и в высказываниях о будущих ситуациях).

В зависимости от того, какова доля той или иной квалификации объекта в содержании мысли о нем (ср. простое суждение *Я считал, что он уже приехал* и отчетливо оценочное или интерпретирующее суждение *Я считаю это недоразумением*), весь ряд делится на две большие группы: *думать, считать, полагать, находить*, с одной стороны, и *рассматривать, смотреть, усматривать, видеть* — с другой.)

Синонимы первой группы могут вводить и простые констатации какого-то положения вещей, и квалифицирующие суждения. Простые констатации: *Софа пала наравне со всеми и, когда думала, что я не вижу, украдкой косила на меня большими светлыми глазами* (Ю. Домбровский); *Каждый третий житель Москвы считает, что в существующих условиях Россия не должна поддерживать политику Фиделя Кастро, а около 40% полагают, что ее можно поддерживать только в той степени, в какой это не вредит России* (Моск. новости. 1991. 8 дек.); *Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее* (П.Я. Чаадаев). Квалифицирующие суждения: *Вы чересчур плохо о ней думаете, она не согласится на эту сделку; Пусть сочтут признание [М. Зощенко] недостаточным, неважно, меры приняты, можно доложить (Д. Гранин); Президент полагал необходимым провести реформу исполнительной власти; Вдвойне удивительным кажется это, если*

учесть, что военная прокуратура проводила расследование в отношении С. Матевосяна и не нашла его поведение в период плена предосудительным (К. Смирнов).

В отличие от этого синонимы второй группы — **рассматривать, смотреть, усматривать и видеть** — всегда вводят только квалифицирующие суждения, в которых какой-то объект определенным образом оценивается, интерпретируется или классифицируется. Это подчеркивается тем обстоятельством, что ни один из синонимов второй группы не используется в канонической для простых констатаций конструкции с союзом *что*: *Я рассматриваю интеллектуальную свободу как необходимое условие научного творчества; Владелец дома — старик и старуха — изголодались и смотрели на квартирантов как на единственный источник пропитания* (А. Попов); *Никто не усматривает в этом злого умысла; Мы видели в нем настоящего друга.*

Внутри первой группы синонимов **думать** в наименьшей степени предполагает квалификацию предмета мысли и употребляется главным образом в конструкции вида **думать, что** Р. Квалификация возможна только в конструкции *хорошо* <плохо> **думать о** ком-л. Она вводит чисто оценочные суждения, предметом которых является, как правило, человек, ср.: *Ты чересчур плохо думаешь о своих коллегах, но не *Ты чересчур плохо думаешь об этих книгах.* **Находить**, наоборот, в большинстве употреблений вводит квалифицирующие суждения и поэтому чаще используется в обслуживающих такие суждения конструкциях вида **находить кого-что-л. каким-л.** **Считать** занимает промежуточное положение между этими двумя полюсами. Что касается **полагать**, то в современном русском языке он в этом отношении ближе всего к **думать**, хотя в языке прессы для него до сих пор характерны гиперкнижные или архаичные квалифицирующие употребления в конструкции **полагать кого-что-л. каким-л.** (примеры см. выше и ниже).

Думать противопоставлен **считать** прежде всего по признаку 'предположение' — 'уверенность'. Высказывания типа *Я думаю, что завтра все выяснится; Друзья больного думали, что кризис позади* обозначают предположения. Обычно субъект сам отдает себе отчет в их гипотетичности. Высказывания типа *Я считаю, что завтра все выяснится; Врачи считали, что кризис позади* обозначают уверенность в том, что дело обстоит именно таким образом. Они уместны в ситуациях, когда в поле зрения субъекта нет никаких фактов, которые бы им противоречили. Недостоверное или неполное знание может составлять содержание мысли, но не мнения. На вопрос *"Вы не знаете, на какой путь приходит поезд из Варшавы"* я могу ответить: *"Думаю, что на первый"*, но не *"Считаю, что на первый"*.

Это различие связано с тем, что мысль (продукт **думания**) может возникнуть в нашем сознании без участия воли, при непродолжительном и однократном восприятии какого-либо объекта. Можно попробовать воду в ванне и сказать: *Думаю, что градусов тридцать пять будет.* **Считать** в этом контексте менее уместно, потому что для выработки мнения (того, что мы **считаем**) требуются

более серьезные условия. Мнение обычно является результатом достаточно длительного и тщательного продумывания всех доступных наблюдению фактов (ср. первоначальную идею счета в значении **считать**), взвешивания альтернативных возможностей их интерпретации и выбора той интерпретации, которая в наибольшей мере соответствует накопленному субъектом личному опыту и которую он готов защищать как истинную. Ср.: *Для США, Англии и Франции вряд ли будет достаточно идущих из Триполи обещаний, чтобы считать, что Ливия отвергает терроризм* (Известия. 1991. 29 нояб.), потому что в их распоряжении имеются результаты многолетнего тщательного расследования, с несомненностью свидетельствующие об ответственности Ливии за акты терроризма.

Вообще, чем сложнее какое-либо положение вещей, чем больше различных интерпретаций оно допускает, чем труднее найти истину, тем больше оснований для употребления **считать**. Наоборот, чем оно проще, очевидней, тривиальней, тем больше оснований для употребления **думать**. Ср.: *Как вы знаете, Шаламов считает лагерный опыт — полностью негативным. Я немного знал Варлама Тихоновича. <...> Это был поразительный человек. И все-таки я не согласен* (С. Довлатов). **Думать** здесь было бы менее уместно. (Можно сказать *Я считаю, что он подобрел*; *Я считаю его кумиром молодежи*; *Я считаю, что он любит свою жену*, потому что по этому поводу возможны и другие мнения. Гораздо хуже фразы: *"Я считаю, что он покраснел"*; *"Я считаю его своим кумиром"*; *"Я считаю, что я люблю свою жену*. То, что он покраснел, является непосредственно наблюдаемым фактом, а то, что он мой кумир или что я люблю свою жену, есть элемент моего знания о самом себе. Чтобы прийти к таким выводам, не требуется никаких интеллектуальных выкладок: любые альтернативные суждения на этот счет исключены. Приведенные выше фразы могут быть правильными только в следующем несколько необычном смысле: 'я считаю допустимым описывать словами *покраснеть, кумир, любить* то, что я вижу в действительности или в себе'.

По указанным причинам то, что человек **считает**, может быть частью его мировоззрения, системы взглядов, ср.: *Платон считал, что душа бессмертна* (излагается философия Платона) — *Платон думал, что душа бессмертна* (излагается одно из предположений Платона, скорее всего ошибочное, с точки зрения говорящего). Когда говорят *Он никогда не считал, что споры можно разрешать силой*, речь, скорее всего, идет о его убеждениях и о том, что в данном случае спор, с его точки зрения, не был или не будет разрешен. Когда говорят *Он никогда не думал, что споры можно разрешать силой*, речь, скорее всего, идет о его ожиданиях и о том, что, к его удивлению, спор в данном случае был разрешен таким образом. Ср.: *Твой Ницше хоть страдал, хоть с ума сходил и сошел все-таки. А те вот не страдали, с ума не сходили, а сидели у себя в фатерланде в кабинете да на машинках отстукивали. И никто никогда не думал, что они понадобятся для мокрого дела* (Ю. Домбровский).

Еще один признак, по которому **думать** противостоит **считать**, —

возможность мыслить одновременно с результатом еще и процесс размышлений. Наиболее отчетливые синтаксические контексты для реализации этого компонента смысла следующие: а) псевдосочинительная конструкция со словами типа *стоять (и), сидеть (и), лежать (и)* и т.п.; ср.: *Лежу и думаю, что мне надо искать новую работу; Стоим и думаем, что колбасы на нашу долю не хватит*; б) вводная конструкция с глаголом *думать* в личной форме и опущенным подлежащим, ср.: *Ну, думаю, сейчас я тебя удивлю*; в) вводная конструкция с глаголом *думать* в личной форме и с постпозицией подлежащего по отношению к *думать*, ср.: *Нет, думал я, мир, в котором создана такая песня [песня Сольвейг]... имеет право на счастье и будет счастлив* (Ф. Искандер). Во вводной конструкции с препозицией подлежащего у *думать* восстанавливается значение чистого состояния и, следовательно, предположения: *Вы, я думаю, забыли меня, Вера? — спросил он [Райский]* (И.А. Гончаров).

В трех указанных выше случаях употребления *думать* имеет место как бы прямой репортаж о том, что происходит в сознании субъекта. Предметом этого репортажа может быть только чистая мысль в процессе ее окончательного оформления, а не предположение, потому что предположение — событие мгновенное. Глагол *считать* в таких случаях либо невозможен, либо по-прежнему обозначает ментальное состояние: **Лежу и считаю, что мне надо искать новую работу; *Ну, считаю, сейчас я тебя удивлю; Мир, в котором создана такая песня, считал я, имеет право на счастье [состояние]*.

По признаку 'предположение' — 'уверенность' *полагать* сближается с *думать*, а *находить* — со *считать*. Первые два синонима могут обозначать настолько гадательные суждения, что часто их истинность ставится под вопрос непосредственно при их изложении, ср.: *Он думает, будто все им восхищаются; Эти люди полагают, будто они могут чего-то добиться, действуя порознь*. Использование *считать* в таких контекстах стоит на грани допустимости, а *находить* совсем в них невозможно: **Он считает, будто все им восхищаются; *Он находит, будто все им восхищаются*.

С другой стороны, *полагать* сближается со *считать*, потому что предполагает определенную интеллектуальную работу, предшествующую выработке мнения. *И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский* (А.С. Пушкин). Его отличие от *считать* заключается, скорее, в прагматической позиции субъекта по отношению к возможному собеседнику и рельефно проявляется в высказываниях от первого лица. В случае *считать* субъект более категоричен, менее уступчив, в меньшей мере допускает, что прав может оказаться его собеседник. Субъект *полагать* более скромно и, может быть, более вежливо заявляет свою точку зрения, в большей мере готов к тому, что ближе к истине может быть точка зрения собеседника, а не его собственная. Легко представить себе ситуацию, в которой естественно сказать: *Я считаю, что вы лжете*.

Высказывание *Я полагаю, что вы лжете* в точно такой же ситуации звучало бы гораздо менее естественно, потому что в нем возникает несоответствие между силой утверждения и нерешительным способом его представления.

Думать, считать, полагать, с одной стороны, и **находить** — с другой, противопоставлены прежде всего по признаку необязательности — обязательности непосредственного восприятия объекта или ситуации. **Думать, считать и полагать** мы можем заочно — на основании той информации о предмете мнения, которая была нам так или иначе сообщена, а для **находить** необходимо непосредственное восприятие или созерцание объекта, предшествующее формированию мнения или протекающее одновременно с ним. Можно сказать *Когда мне сообщили об отказе фирмы предоставить нам компьютер, я счел это нарушением нашего джентльменского соглашения*, но не **Когда мне сообщили об отказе фирмы предоставить нам компьютер, я нашел это нарушением нашего джентльменского соглашения*. Указание на непосредственность восприятия особенно сильно именно в форме СОВ, ср.: *А как вы нашли нашего губернатора?* — *спросила Манилова*. — *Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек* (Н.В. Гоголь); *Как вы нашли Андрея?* — *спросила она...* — *Доктор сказал, что он должен ехать лечиться* (Л. Толстой). В обоих этих примерах, несколько устаревших с точки зрения современной нормы, речь идет о впечатлениях, полученных во время свиданий.

Непосредственность восприятия, включенная в значение синонима **находить**, препятствует его употреблению в ситуациях, когда речь идет о трудно наблюдаемых свойствах объектов. Это в особенности касается формы НЕСОВ. Можно сказать *Я считаю его чужим*, *Я считаю его человеком не нашего круга*, но не **Я нахожу его чужим*, **Я нахожу его человеком не нашего круга*.

По той же причине **находить** в форме НЕСОВ обозначает, как правило, мнение по поводу такой ситуации, которая является фактом. Поэтому **находить** не может управлять предложением в будущем времени и предложением с модальностью возможности, ср.: *Я думал <считал, полагал>, что он вам поможет <что я сумею вам помочь>*, но не **Я находил, что он вам поможет <что я сумею вам помочь>*. Модальность долженствования, семантически более близкая к понятию факта, чем модальность возможности, в большей мере допустима в контексте **находить**: *Я нахожу, что вы должны ему помочь лучше, чем *Я нахожу, что вы можете ему помочь*.

Еще одно различие между **находить** и остальными синонимами этой группы связано с обязательностью — необязательностью внешнего наблюдателя. Можно сказать *Я считаю себя скучным*; *Я считаю <думаю, полагаю>, что не лишен способностей*, но не **Я нахожу себя скучным*; **Я нахожу, что не лишен способностей*. Ср. вполне правильные высказывания: *Я нахожу его скучным*; *Я нахожу, что он не лишен способностей*. Объясняется это тем, что **находить** всегда требует наличия внешнего наблюдателя. Именно

поэтому, глядя на себя в зеркало (т.е. со стороны), можно сказать: *Я нахожу, что сегодня я выгляжу неплохо* <что это платье мне идет>.

В ряде контекстов, за счет подавления тех или иных смысловых компонентов, происходит значительная, хотя и неполная, нейтрализация смысловых различий между синонимами. Так, компонент 'предположение' в значении *думать* подавляется в квалифицирующих синтаксических конструкциях вида *думать как-л. о ком-л.* или *думать что-л. о ком-чем-л.*: *Не думайте обо мне плохо* <хуже, чем я заслуживаю>; *Что ты думаешь о нашем директоре* <об этой книге>? В таких контекстах *думать* семантически допускает замену на *считать*, хотя синтаксическая конструкция должна быть изменена, ср.: *Не считайте меня хуже, чем я есть*. Формальными и семантическими условиями, благоприятствующими нейтрализации смысловых различий между всеми синонимами первой группы, является форма НЕСОВ и контекст модального суждения или суждения о наличии — отсутствии чего-л., ср.: *Я думаю* <считаю, полагаю>, *что пора* <надо, можно, невозможно, трудно, обязательно> *принимать окончательные решения*; *Я думаю* <считаю, полагаю, нахожу>, *что не стоило* <не следовало> *этого делать*; *Ваш руководитель находит* <думает, считает, полагает>, *что у вас есть талант*.

Во второй группе синонимов главное противопоставление проходит между *рассматривать*, *смотреть*, с одной стороны, и *усматривать*, *видеть* — с другой. Первые два глагола (в особенности второй из них) помещают предмет размышлений в более крупный контекст и предполагают попытку осмыслить его на фоне общей системы взглядов субъекта. Именно оставляемая "за кадром" принципиальная позиция или некий общий подход служит основой для выработки отношения субъекта к конкретному факту или большому классу явлений: *Западная Европа рассматривала агрессию Ирака против Кувейта как прямой вызов мировому сообществу*; *Как вы смотрите на нарушение супружеской верности?* Вторые два синонима предполагают более спонтанные оценки, в меньшей мере или совсем не мотивированные общей системой взглядов субъекта: *Газеты усмотрели в последнем выступлении президента признаки готовности к компромиссу*; *В преподавании он видит свое призвание*; *Не вижу в этом большой потери*.

Кроме того, *рассматривать* и *смотреть* в большей мере, чем *усматривать* и особенно *видеть*, позволяют мыслить мнение или оценку как процесс их получения. Иными словами, они сохраняют, хотя и в ослабленном виде, процессуальный компонент, присущий их основным значениям. Об этом свидетельствует тот факт, что *рассматривать* и *смотреть* вполне свободно используются в форме ПОВЕЛ, полностью сохраняя при этом свое значение: *Рассматривай это как свое первое поручение*; *Смотри на вещи проще*. Для *усматривать* образование формы ПОВЕЛ затруднено, а для *видеть* она совершенно недопустима.

В первой паре синонимов *рассматривать* описывает более объектив-

ное и бесстрастное суждение, чем **смотреть**; в **смотреть** больше доля личного мнения и личной заинтересованности. Поэтому субъектом **рассматривать** могут быть большие группы людей, органы печати или даже общество в целом, так что нередко отпадает необходимость в его упоминании, между тем как нормальным субъектом **смотреть** является отдельный человек: *Не только после революции, но и задолго до нее церковь в России рассматривалась как прямой инструмент государственного вмешательства в жизнь общества; Ученые рассматривают Вселенную как результат длительной эволюции; Я смотрю на ранние браки просто <без всякой предвзятости>.*

В подгруппе **усматривать** и **видеть** синонимы отличаются друг от друга прежде всего тем, что выдвигают на первый план разные компоненты значения. **Усматривать** фокусирует внимание на интеллектуальной работе, необходимой для выработки мнения, между тем как **видеть** — на самом мнении. Поэтому **усматривать** уместно использовать тогда, когда нужно подчеркнуть значительный объем произведенной интеллектуальной работы, ее тонкость или, наконец, то, что эта работа производится на ходу, т.е. одновременно с созерцанием или восприятием какой-то конкретной ситуации. Ср.: *Сколько я ни думаю об этом, я не могу усмотреть здесь никакого подвоха; Я усматриваю в его действиях попытку уйти от ответственности.* **Видеть** предпочитается в тех случаях, когда речь идет об уже сложившихся мнениях по самым общим вопросам: *В работе он видел смысл жизни; В искусстве <в воспитании детей> она видела свое призвание; Чтобы не было так обидно жить, мы заранее тешим себя смертью и — чуть что — говорим: "Пусть я умру, плевать!" Вероятно, за эту дерзость, которая видит в смерти выход из игры, с нас крепко спросится (А. Синяевский).*

Еще одно отличие **усматривать** от **видеть** состоит в том, что первый синоним вводит суждения о фактах, т.е. уже состоявшихся или имеющих место в момент высказывания событиях, между тем как второй синоним возможен и в высказываниях о будущих ситуациях. Ср.: *Я вижу выход в немедленной приватизации, где усматривать было бы менее уместно.*

В текстах, где речь идет о конкретных фактах, происходит частичная нейтрализация смысловых различий между **видеть** и **усматривать**: *Я не вижу <не усматриваю> в этом состава преступления; В чем вы усматриваете <видите> своеобразие художественного метода Набокова <новизну этой диссертации>? Даже в таких высказываниях какая-то доля различий между **усматривать** и **видеть** сохраняется. В частности, вопрос *В чем Вы усматриваете своеобразие художественного метода Набокова?* может быть задан студенту на экзамене, если ему впервые предлагается подумать на эту тему. Вопрос *В чем вы видите своеобразие художественного метода Набокова?* естественнее в устах слушателя, желающего получить эту информацию от хорошо подготовленного и заранее обо всем подумавшего докладчика.*

Ни один из синонимов этого ряда не может нести главного фразового ударения иначе как в конце предложения. Однако *думать* и *считать* легко приобретают контрастное (логическое) ударение, особенно в контексте противопоставления мнения и знания: *Вы "думаете" <"считаете">, что Ирак разрабатывает химическое оружие, или вы это "знаете"?*

ПРИМЕЧАНИЕ: В XIX в. и в начале XX в. синонимами *считать* были ныне устаревшие глаголы *почитать* 2 и *мыслить* 1.3: — *Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле* (М.Ю. Лермонтов, Герой нашего времени); *Те, которые почитают себя здешними аристократами, примкнули к ней* (там же); *Открыть им [антропософам] глаза на Россию почитал он [Белый] своею миссией, а себя — послом от России к антропософии* (В. Ходасевич, Некрополь); — *Глеб Мироныч, Как мыслишь ты? — Спроси-ка Василька. Пусть скажет он, а я потом отвечу* (А.К. Толстой).

В близком значении 'неправильно считать' в XIX в. использовался глагол *мнить*: *Не то, что мните вы, природа / Не слепок, не бездушный лик* (Ф.И. Тютчев).

В современном просторечии и сленге в качестве синонима *считать* в оценочном употреблении используется лексема *держать* 3.2 — преимущественно в словосочетаниях типа *держать кого-л. за дурака* <за полного идиота>, ср.: *Я в точности понимаю, за кого их и нас держат. Не за подростков — за идиотов. За ДЕБИЛОВ. Которые в купле-продаже еще что-то секут, но в высоких материях — [ничего]* (Ю. Гладильщиков).

Значение, в точности синонимичное *смотреть*, выделяется словарями у глагола *глядеть*, ср.: *Гляди на вещи просто* (А.П. Чехов); *Инженеры и студенты-практиканты глядели на дом Зиненко как на гостиницу* (А.И. Куприн). Однако это значение для *глядеть* скорее потенциальное, выводимое по аналогии со *смотреть*. В современном узусе оно не представлено.

У глагола *думать* есть близкое к рассматриваемому просторечное значение 'подозревать, считать виновным в чем-л.', реализующееся в конструкции вида *думать на кого-л.*: — *Неужто ты до сих пор не знал, кто на тебя донес? — Нет, я все на брата думал.*

||Ф|| В форме ПРОШ *считать* не обязательно значит 'на основании наблюдений и размышлений', ср.: *Всю жизнь Сергей считал его своим отцом.*

У синонима *считать* форма СОВ *счесть* отчетливо противопоставлена форме СОВ других синонимов по признаку участия воли в ментальном акте. Ср.: *Прокурор счел, что собранных улик достаточно для предъявления обвинения* ~ 'Прокурор решил предъявить обвинение на основании уже имеющихся улик' и *Прокурор подумал, что собранных улик достаточно* ~ 'У прокурора появилась такая мысль, может быть, без достаточных к тому оснований'.

У синонима *смотреть* форма СОВ грамматически, лексически и синтаксически ограничена: она обычно встречается в форме БУД в вопросительных или "сомнительных" высказываниях, преи-

мущественно в сочетании с наречиями *как, плохо*, когда предметом мнения является целая ситуация: *Как он посмотрит на отсрочку защиты диссертации?*; *Боюсь, он плохо на это посмотрит* [ср. похожее словосочетание *Он может плохо о вас подумать* с принципиально другим смыслом; см. выше].

Из всех синонимов ряда только **рассматривать** и **смотреть** вполне свободно используются в форме ПОВЕЛ, полностью сохраняя при этом свое значение (примеры и объяснение см. выше). Синонимы **думать** и **считать** формально допускают употребление в форме ПОВЕЛ (**думать** — преимущественно в составе фраземы *думай что хочешь*), но при этом слегка изменяют свое значение: *Думай что хочешь* 'можешь думать что хочешь; мне безразлично, что именно ты думаешь'; *Считай, что тебе повезло <что мы договорились>* 'Несмотря на некоторые оговорки, которые есть у меня [говорящего], можешь считать, что тебе повезло <что мы договорились>', ср.: *Если угодно, считайте это пропагандой в пользу венецианских лавок, чьи дела идут оживленнее при низких температурах* (И. Бродский, *Fondamenta degli incurabili*). **Считать** в форме ПОВЕЛ употребляется еще в функции вводного слова, имеет в этом случае значение 'можно считать' и стилистически является просторечием: *Трофим, считай, всю жизнь прожил тут, а не знает, где кончается эта топь* (В. Тендряков — МАС); *Про него надо бы сказать особо, потому что он в этой истории, считай, главный человек* (В. Чивилихин — МАС). Для остальных синонимов ряда форма ПОВЕЛ затруднена (**полагать, усматривать**) или вовсе невозможна (**находить, видеть**).

||К|| Наиболее разнообразны синтаксические свойства синонимов **считать, полагать** и **находить**. Подобно глаголу **думать**, они управляют констатирующим придаточным предложением, вводимым союзом *что*, а глагол **полагать** управляет и придаточным предложением с союзом *будто* (см. выше и ниже). С другой стороны, они употребляются в квалифицирующей конструкции типа *считать кого-что-л. каким-л.*, причем **полагать** приобретает в ней гиперкнижную окраску (см. выше).

Для всех трех синонимов возможны варианты этой конструкции, когда в позиции вин. падежа появляется инфинитив или целое придаточное предложение (при условии, что в позиции твор. падежа выступает прилагательное типа *нужный, правильный, сомнительный, возможный, ясный* и т.п.): *Директор полагал <не считал, не находил> нужным проверить эти сведения; Я считаю в высшей степени сомнительным, что он согласится на это предложение*. Для синонима **считать** возможен вариант этой конструкции, когда в позиции твор. падежа выступают существительные типа *честь, удача, радость, ошибка* и ряд других, ср.: *Я считаю для себя большой честью разговаривать с вами <большой удачей, что я встретил вас здесь>*.

Три синонима первой группы — **думать, считать, полагать** — используются в разного рода вводных конструкциях: *Вы, я думаю,*

забыли меня; Осетровые рыбы, считают знатоки, утратили свой былой вкус; Об этом, я полагаю, нужно спросить директора; Полагаю, наше сочинение движется к финалу (С. Довлатов). Для синонимов думать и полагать возможна вводная конструкция с модальным словом надо: Его семья, надо полагать <думать>, приехала надолго. Синоним считать в контексте слова надо избегается: *Его семья, надо считать, приехала надолго. При этом глагол думать в разговорной речи свободно используется с опущенным подлежащим в форме 1-го и 2-го лица: Думаю, это решение еще не окончательное; А он, думаете <думаешь>, согласится? Для считать и полагать опущение подлежащего, особенно в форме 2-го лица, менее характерно. Для синонима находить затруднены или невозможны все вообще вводные конструкции, ср.: *Об этом, я нахожу, надо спросить директора; *Его семья, надо находить, приехала надолго; *Нахожу, это решение еще не окончательное.

Конструктивные возможности синонимов второй группы — рассматривать, смотреть, усматривать и видеть — гораздо беднее. За ними закреплены единственные или почти единственные конструкции. Для рассматривать и смотреть — это трехчленные конструкции с союзом как или его эквивалентами (рассматривать кого-что-л. как кого-что-л., смотреть на кого-что-л. как на кого-что-л.), а для усматривать и видеть — это предложная конструкция усматривать <видеть> что-л. в ком-чем-л. Смотреть, кроме того, используется в конструкции смотреть на кого-что-л. как-л. (см. выше и ниже).

Для ряда синонимов возможны конструкции, не свойственные другим членам ряда.

Для глагола думать — это конструкции типа думать что о ком-чем-л. и думать хорошо <плохо> о ком-л. Последняя конструкция, но с более широким классом оценочных или квалифицирующих наречий или наречных оборотов, свойственна и глаголу смотреть: Смотреть на вещи просто; Самая эта миссия <...> может показаться делом настоящим. Но Белый смотрел иначе, а нам важна психология Белого (В. Ходасевич, Некрополь). Для глагола считать — это конструкция типа считать кого-что-л. за кого-что-л., семантически весьма близкая к конструкции считать кого-что-л. каким-л., но лексически и стилистически гораздо более ограниченная: считать за честь (быть приглашенным) [книжн.], не считать кого-л. за человека, считать кого-л. за дурака [разг.]. Для глаголов считать, находить и рассматривать — это пассивная конструкция, причем первые два синонима допускают ее только в форме СОВ: Его работа была сочтена <найдена> вполне удовлетворительной; Хотя формально церковь была отделена от государства, фактически она рассматривалась как его орган. Наконец, для глагола видеть — это отрицательное предложение с союзом чтобы: Не вижу, чтобы вам что-нибудь угрожало.

Синоним полагать не допускает употребления в отрицательных предложениях: *Судья не полагал, что эти сведения нужно проверить.

||С|| Синонимы считать, видеть и рассматривать свободно сочетают-

ся с названием коллектива (государства, страны, правительства и т.п.) в качестве субъекта мнения: *Комиссия видит залог успеха в готовности всех стран региона к компромиссам; Республики считают, что следует искать политическое решение всех возникающих проблем; Индия всегда рассматривала Кашмир как свою неотъемлемую часть.* Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны.

В конструкции типа *считать кого-что-л. каким-л.*, характерной для синонимов **считать**, **полагать** и **находить**, позиция твор. падежа может быть заполнена прилагательным со значением свойства или с модальным значением, но не со значением состояния. Можно сказать *Я считал его злым*, но не **Я считал его злым на вас*. При этом **считать** и **находить** с одинаковой свободой сочетаются с обоими семантическими классами прилагательных, а **полагать** — преимущественно с модальными прилагательными типа *нужный, необходимый, обязательный*. Ср.: *Редакция считала <полагала, не находила> нужным помещать опровержение*, но только *Его считали <находили> хладнокровным и мужественным*. Встречающиеся в текстах сочетания типа *Его полагали хладнокровным и мужественным; Неужели президент полагал демократические силы столь слабыми и беспомощными* (А. Гельман) отклоняются от нормы.

Большинство синонимов ряда сочетаются с наречиями *как, так, иначе* и т.п., обозначающими содержание мысли или мнения (примеры см. выше). Для **находить** из всех указанных сочетаний возможно только сочетание с *как* (*Как вы меня находите после санатория?*). Для **усматривать** и **видеть** такие сочетания невозможны.

Все синонимы ряда, за исключением **находить**, сочетаются с наречиями и наречными оборотами типа *верно, правильно, справедливо* и с их неточными антонимами *напрасно, зря*, имеющими истинностные значения: *Вы верно <правильно, справедливо> считаете <думаете, полагаете>, что худшее еще впереди. Вы совершенно справедливо рассматриваете его действия как должностное преступление; Он справедливо усматривал <видел> в этом покушение на свою свободу; Вы напрасно думаете <считаете>, что либерализация цен может чему-то помочь.* Для **находить** такие сочетания невозможны: **Вы верно <правильно, справедливо, напрасно> находите, что худшее еще впереди.*

Синонимы **считать**, **полагать** и **думать** сочетаются со словами и оборотами, указывающими на фактическое основание для вводимого ими суждения: *Что дает тебе основания считать <полагать, думать>, что они откажутся от своих намерений?; Почему он думает <считает>, что его все боятся?* Для других синонимов ряда такие сочетания нехарактерны или невозможны.

Синонимы **думать** и **считать** сочетаются с фазовым глаголом *начинать* (только в форме НЕСОВ, преимущественно с местоимением 1-го лица или когда говорящий становится на точку зрения субъекта мнения), образуя относительно устойчивые выражения: *Я начинаю думать <считать>, что он не так прост, как кажется.* Такие выражения обозначают не простое начало ментального состояния, т.е.

не возникновение мнения, а уже состоявшийся волевой акт по пересмотру прежних мнений, к которому вынуждают говорящего некие новые обстоятельства. Сочетания тех же двух синонимов с фазовым глаголом *продолжать* (*Я продолжаю думать <считать>, что вы не правы*) тоже обозначают не простое продолжение ментального состояния, а волевой акт, предпринятый на основании имеющихся у говорящего фактов и вопреки каким-то другим противодействующим обстоятельствам. Для остальных синонимов ряда такие сочетания нехарактерны (ср.: *Я начинаю <продолжаю> усматривать в этом злой умысел*) или затруднены (*Я начинаю <продолжаю> полагать, что вы не правы*), для слова **находить** они невозможны.

Все синонимы ряда, за исключением **находить**, сочетаются с предикатным словом *склонен*, обозначающим выбор определенной интеллектуальной позиции из нескольких возможных: *Я склонен считать <думать, полагать>, что это — обычная халатность; Я склонен рассматривать это как проявление халатности, а не как акт саботажа <смотреть на это как на обычное проявление халатности>; Я не склонен видеть <усматривать> в этом что-л. предосудительное*.

Для **считать** характерна еще одна конструкция со значением выбора, формируемая глаголом в будущем времени: *Будем считать, что сумма углов треугольника не равна 180 градусам; Будем считать, что этого не было <что в этом никто не виноват>*. Во всех таких случаях сочетание *Будем считать* является не формой БУД, а особым оборотом со значением допущения или доброй воли.

Для ряда синонимов возможны лексически или семантически специфичные словосочетания.

Для глагола *думать* в форме СОВ — это словосочетание *Можно подумать*, которое, вопреки ожиданиям, значит не 'есть основания подумать', а 'на самом деле не следует думать': *Можно подумать, что вы не устали*. Для глагола *смотреть* — это словосочетание со словом *глаза* в форме ТВОР и с определением: *Теперь я совершенно другими глазами смотрю на это*.

||**ФРАЗ СИН**|| *держаться мнения, иметь мнение; иметь такой-то взгляд на вещи*.

||**АНАЛ**|| *верить; допускать, предполагать; подозревать; представлять, воображать; знать; понимать; решить (Дверь хлопнула, и я решила, что он ушел); ждать 2 (Он ждал, что на семинаре его доклад разнесут в пух и прах); ожидать 2 (Вот уж никак не ожидал, что вы позовете таких неинтересных гостей); думать 1.1 (о чем-л.), размышлять (о чем-л.); оценивать (как-л.), расценивать (как-л.); судить (о ком-л. как-л.), отзываться (о ком-л. как-л.), квалифицировать (как-л.), характеризовать (как-л.); относиться (как-л.); признавать, принимать; сомневаться; предвидеть (Предвижу, что он будет возражать)*.

||~**КОНВ**|| *считаться, слыть; казаться, представляться*.

||**ДЕР**|| *мысль; мнение; взгляд; точка зрения; воззрения*.

||**БИБЛ**|| *Апресян Ю.Д. Синтаксическая информация для толкового*

словаря // *Linguistische Arbeitsberichte*. Leipzig, 1986. 54/55; *Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. М., 1988; *Арутюнова Н.Д.* "ПОЛАГАТЬ" и "ВИДЕТЬ" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М., 1989; *Зализняк Анна А.* *Считать и думать: два вида мнения* // *Логический анализ языка: Культурные концепты*. М., 1991; *Ruwet N.* The "epistemic dative" construction in French and its relevance to some current problems in generative grammar // *Festschrift Manfred Bierwisch*. Dordrecht, 1981.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Синтаксическая информация для толкового словаря // *Linguistische Arbeitsberichte*. Leipzig, 1986. 54/55.
2. *Апресян Ю.Д.* Лексикографический портрет глагола *выйти* // *Вопросы кибернетики: Язык логики и логика языка*. М., 1990.
3. *Апресян Ю.Д.* О новом словаре синонимов русского языка // *Изв. РАН. Сер. лит. и яз.* 1992. № 1.
4. *Апресян Ю.Д.* Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // *НТИ*. Сер. 2. 1992. № 3.
5. *Арутюнова Н.Д.* "ПОЛАГАТЬ" и "ВИДЕТЬ" (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // *Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М., 1989.
6. *Дмитровская М.А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. М., 1988.
7. *Зализняк Анна А.* Признаки "контроль" и "желание" в семантике предикатов внутреннего состояния // *Семантические проблемы речевой деятельности*. М., 1984.
8. *Зализняк Анна А.* *Считать и думать: два вида мнения* // *Логический анализ языка: Культурные концепты*. М., 1991.
9. *Мельчук И.А., Жолковский А.К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
10. *Ruwet N.* The "epistemic dative" construction in French and its relevance to some current problems in generative grammar // *Festschrift Manfred Bierwisch*. Dordrecht, 1981.

В.Г. Гак

ПРОСТРАНСТВО МЫСЛИ (ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СЛОВ МЕНТАЛЬНОГО ПОЛЯ)

Пространство, охватываемое мыслью, безгранично. Мысль — связующее звено между действительностью и языком. Все идет от действительности через мысль в язык, и все от языка возвращается через мысль в действительность. Декарт говорил, что мысль — это все, что в нас, и противопоставлена она только пространству и материи. Все лексические единицы, соотносящиеся с понятием "мыслить", образуют ментальное поле. Для определения границ поля, его внутренней структуры и соотносительности с другими семан-

тическими полями необходимо, так же как и при исследовании любых других полей в языке, идти в двух противоположных направлениях: со стороны содержания и со стороны языковой формы.

В плане содержания (это особенно важно для установления внутренней структуры поля) следует принимать во внимание труды по философии и психологии, рассматривающие проблему мышления, его содержание, генезис и аспекты.

В плане языковой формы необходимо выявить все слова и значения слов, связанные с понятием мысли. С этой целью исследуются: 1) слова с первичным ментальным значением, со всей их многозначностью; 2) переносные значения слов иных семантических полей; 3) словопроизводство; 4) словосочетания со словами ментального поля; 5) этимология слов ментального поля.

Ментальное поле представляет собой нечетко очерченное поле, имеющее, однако, достаточно четкое ядро. Вследствие этого оно может быть представлено в плане радиальной типологии, при которой в центре поля оказывается наиболее репрезентативный элемент, которому — на основании различных признаков основного явления — противопоставлены другие элементы поля. Каждая оппозиция формирует определенный сектор поля. Находящиеся внутри секторов элементы могут подвергаться различным типовым модификациям, по которым противопоставляются элементы уже внутри секторов. Поле ментальности взаимодействует с другими полями, создавая перекрывающиеся друг друга ареалы. Эти другие поля образуют "ближнее и дальнее зарубежье" ментального поля. Взаимодействие ментального поля с другими идет в двух направлениях: слова ментального поля приобретают значения, свойственные другим полям, и слова иных полей приобретают ментальные значения. По техническим причинам мы не можем представить здесь графически структуру ментального поля и поэтому перечислим еще раз его компоненты: 1) центр поля; 2) секторы, определяемые основными параметрами мышления; 3) модификации внутри секторов; 4) ближние соседи; 5) дальние соседи.

Центр поля. В центре ментального поля в русском языке находится глагол *думать* и существительное *мысль*, соответственно в английском *to think* и *thought*, *idea*, во французском *penser* и *pensée*, *idée*. Обращает на себя внимание лексический супплетивизм центрального элемента. Это явление, более частое, чем думается, особенно в аспекте речи, характерно для ментальных лексических единиц, у которых объем значения более зыбок и сдвиги в значениях особенно легки. Ср. формальное соответствие *думать* — *дума*, *мыслить* — *мысль* и реальное наиболее частое *думать* — *мысль*. В английском и французском языках мы имеем дело с частичным супплетивизмом (частичной асимметрией): одному глаголу соответствуют два имени, из которых одно того же корня, что и он.

Уже в семантической структуре ядерных слов, в их различных значениях, заложены многие из тех секторов ("субполей"), которые в составе всего ментального поля представлены многочисленными

лексическими единицами. У глаголов *думать*, *to think*, *penser* словарники выделяют следующие значения: 1) мыслить, размышлять; 2) иметь мнение; 3) полагать, считать, предполагать; 4) намереваться, собираться делать что-л., замышлять; 5) представлять себе, воображать; 6) подозревать; 7) помнить о; 8) рассчитывать; 9) заботиться.

Основные параметры и секторы поля. Рассмотрим основные параметры, определяющие оппозиции элементов ментального поля. Эти параметры и оппозиции лежат в основе выделения секторов поля. Абсолютно четкая классификация здесь невозможна ввиду того, что признаки субполей во многих случаях пересекаются. В целом можно отметить следующие параметры мыслительного процесса и их отражение в группировке лексических единиц:

1. Ситуация ментального процесса. Мышление представляет собой процесс и как всякий процесс предполагает такие компоненты, как субъект, сам процесс, объект, второй объект (бенефициент), место, орудие, характеристика процесса, временной параметр. Исходя из трех основных компонентов: субъекта — процесса — объекта, формируются две базовые модели:

а) безобъектная модель. Описывает процесс мысли: мыслить (*cogito*); *размышлять*; *иметь знания*; *медитация* (+ "интенсивность"); *мечтание* (+ "интенсивность" + "несоответствие действительности").

Иногда синтаксически объектная структура выражает, по сути дела, безобъектный процесс. Это имеет место в случае так называемого внутреннего дополнения, тавтологического по своей природе: *Думаю думу свою*. Тавтологическое дополнение позволяет выразить интенсивность либо использовать для характеристики процесса прилагательное, располагающее большими возможностями, чем наречие;

б) объектная модель. В принципе возможны четыре вида объектных конструкций, которые могут выражать: (а) создание или уничтожение объекта; (б) его изменение; (в) его перемещение; (г) его аффицирование (действие затрагивает объект). С глаголами мысли возможны только структуры (а) и (г);

— создаваемый объект (а) — результат процесса мышления. Это понятие, суждение, умозаключение, формулировки, классификации и системы, а также мысли, сентенции, афоризмы и т.п. Само ментальное понятие в этом случае, как правило, заключено в именном дополнении, в качестве глагола используется глагол-оператор, описывающий создание и выражение мысленного объекта: *сформулировать мысль*; *высказать суждение*; *прийти к умозаключению*; *разработать классификацию* и т.д. Глаголы нередко составляют с именем фразеологизированные словосочетания;

— затрагиваемый объект (г) — предмет мыслительного процесса. Таким может быть: а) собственно объект: *думать о ком-л.*; *узнать новости*; б) качество, местоположение объекта: *считать кого-л. каким-л.*; в) ситуация: *думать, что случилось то-то*. Ментальное понятие в этих случаях заключено в самом глаголе. Разумеется, оба типа структур и соответствующие им слова могут подвергаться более дробным классификациям.

Дальнейшие секторы поля выделяются на основании анализа структуры процесса мышления, устанавливаемой психологией.

2. Познание. Этот параметр включает в себя и понятие новизны. Сюда относятся такие слова, как *узнать, придумать, выдумать* и т.п. с различными модификациями. Само слово *мысль* может употребляться, когда речь идет именно о новизне знания: *мне в голову пришла мысль; у него в работе нет никаких мыслей.*

3. Сохранение познанных: *знать, память.*

Мыслительная деятельность ориентирована не только на поиски фактов, но и на выявление отношений между ними. Отсюда еще два параметра:

4. Соотнесенность фактов по их признакам, поиск сходств и различий: *различать, сравнивать, обобщать, опознавать, идентифицировать, классифицировать.*

5. Выявление причинно-следственных связей. *Понимать, делать вывод, объяснять.* Объяснение всегда осуществляется через связь с другим явлением.

6. Степень адекватности действительности. Это можно рассматривать как *техническую оценку* знания. Здесь выделяются обычно три основные рубрики:

— соответствие знания действительности (объект реален): *знать, истина, правда;*

— неопределенность (объект недостоверен): *сомневаться, верить* (признать что-л. истинным), *считать, полагать, предполагать, судить, иметь мнение.* Последние два выражения имеют также оценочный субъективный компонент. Вместе с тем следует отметить двоякий характер субъективности. Субъективность первого рода заключается в неопределенности по отношению к действительности (*полагать, предполагать*); субъективность второго рода выявляется по отношению к другим членам социума (субъект мыслит не так, как другие): *мнение;*

— несоответствие знания действительности (объект нереален): *придумывать, лгать, ошибаться, воображение, иллюзии* и т.п. Многочисленные лексические единицы этой группы различаются по ряду модификаций, о которых речь будет идти дальше. Отметим, однако, уже здесь, что различие ошибки и лжи есть различие между неконтролируемым и контролируемым действиями с добавлением актантных преобразований: *ошибаться* — значит заменить один объект другим ненароком для себя; *лгать* — значит создавать несуществующий объект или заменить один объект другим умышленно для другого; *воображать* — значит создавать несуществующий объект для себя.

7. Временной аспект. Здесь различаются:

а) направленность в прошлое, ретроспективный процесс: *вспомнить, узнавать* (сопоставление нового знания с прежним);

б) направленность в будущее, проспективный процесс: *предвидеть, предусматривать.* Первый глагол указывает на неконтролируемое действие, второй — на контролируемое. Кроме того, *предвидеть* соотносится одновременно частично и с прошлым, так как

предвидение есть "информационный эквивалент результата, извлекаемый на основании прошлого опыта".

К проспективному плану относится большой круг лексических единиц — мысль необходима для определения деятельности: *намереваться, собираться* (+ деятельность, воля), *план, проект, рассчитывать*; *замышлять* (+ новизна), а также серия слов с оценочной характеристикой: *надеяться, предвкушать* (+ получить удовольствие), *опасаться, бояться* (+ неудовольствие).

8. Характеристика. Этот параметр многопланов и мог бы стать предметом специального, углубленного анализа. Ограничимся некоторыми деталями. Процесс мышления может получать различные характеристики и оценки: индивидуализирующую характеристику (*образ мыслей, подход*), "техническую" характеристику (*думать вслух; думать по-английски*), качественную и субъективную оценку (*здравомыслие, думать разумно*). Следует заметить, однако, что этот аспект выражается в основном в оттенках значений слов, а не в особых лексемах.

Модификации. Независимо от своего конкретного содержания процессы могут подвергаться различным модификациям, которые могут касаться как модуса высказывания, так и диктума, иначе говоря, как отношения говорящего к событию, так и самого события. Эти модификации проходят через лексические единицы всех секторов поля, но не обязательно образуют оппозиции для каждой отдельной единицы. Выше, приводя примеры единиц различных секторов, мы упоминали некоторые из этих модификаций. Рассмотрим их в некоторой системе.

А. Модификации, относящиеся к диктуму, характеризующие сам процесс.

1. Фазы процесса. Модификации могут указывать на начало, продолжение или конец процесса. Продолжение процесса нередко равнозначно состоянию, например: *узнать — знать — забыть; запомнить — помнить — забыть*.

2. Временная протяженность. И.М. Сеченов говорил, что мысль — это рефлекс с замедленным концом. Следовательно, мышление может характеризоваться протяженностью и результативностью, подобно другим процессам. Эти аспекты мышления могут получать специальное отражение в значениях некоторых лексем. Например, протяженность — органическая или длительная — представлена в глаголах *размышлять, подумать немного*; завершенность и результативность отражаются в словах *додумать, догадаться, решить, прийти к правильному заключению*.

(3.) Интенсивность. Она отличается от временной протяженности направленностью внутрь самого процесса и представлена в словах: *продумывать, думы, мечтания, медитация*.

4. Актантные и залоговые модификации. Они играют важную роль в дифференциации слов ментального поля. В процессе мышления и особенно в процессе передачи мысли помимо 1-го лица может участвовать и 2-е. 1-е лицо может получать инфор-

мацию, но оно может и передавать ее. Актантно-залоговые модификации различают глагольные пары: *помнить* — *напоминать*; *знать* — *сообщать*; *ошибиться* — *запутать*; *понимать* — *объяснить*; *думать*, *иметь мнение* — *наводить на мысль*, *убеждать*. Иногда мы имеем дело с более сложными актантными отношениями. *Соглашаться* — значит не просто 'знать, верить', но 'верить в правильность того, что исходит от другого лица', *убедить* 'заставить согласиться другого'.

5. **Интерперсональность.** Эта модификация указывает на соучастие разных субъектов в одном процессе. Соучастие может быть солидарным или антагонистичным. Оно может быть частичным (типа 'помочь') или полным (типа 'сотрудничать'). Так, глагол *советовать* указывает на частичное соучастие. Слова *обсуждение*, *обмен мнениями*, *совещание* указывают на полное и равноправное соучастие в мыслительном процессе. *Спор* обозначает полное, но антагонистическое соучастие в процессе достижения истины.

Б. Модификации, относящиеся к модусу и характеризующие отношение субъекта к процессу.

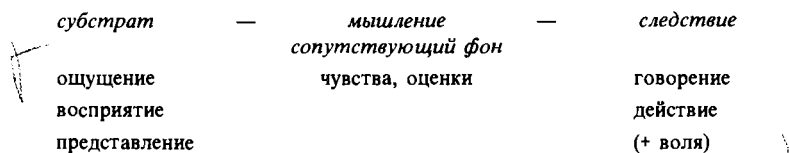
6. **Отрицание.** Эта модификация затрагивает в одних случаях модус, в других — в большей степени диктум. Таковы оппозиции: *согласие* — *отрицание*, *возражение*; *внимание* — *пренебрежение*; *надеяться* — *отчаиваться*.

7. **Эмоционально-оценочный компонент.** С мыслью об объекте могут быть связаны положительные или отрицательные эмоции субъекта. Этот компонент лежит в основе оппозиции многих слов ментального поля, их значений: *подозревать*, *думать на кого-л.* (видеть плохое в объекте); *уверенность*, *надежда* (предполагается нечто хорошее) — *отчаяние* (будущее несомненно плохое); *вспоминать* (нейтральное) — *сожалеть* (выражается хорошее отношение к утраченному прошлому). Оценочный компонент представлен в глаголах *считать кого-л. каким-л.*, *судить о ком-л. как-л.*, *думать о ком-л. как-л.*

8. **Отношение.** Эта модификация тесно переплетается с предыдущей. Но все же ее можно выделить в отдельную сущность. Отношение может быть индивидуальным и социальным. Первое отражает позицию говорящего относительно какого-либо факта, например: *Что вы думаете о нем?* (= как вы относитесь к нему?). Последние примеры в предыдущем параграфе, по сути дела, выражают такое же индивидуальное отношение. Социальное отношение указывает на положение мыслящего определенным образом индивидуума в обществе с точки зрения общепринятых норм. Этот компонент представлен в словах: *свобodomыслие*, *инакомыслие*, *конформизм*, а также *оригинальность*, *пошлость* (об оригинальной или пошлой мысли).

Ближайшие соседи. Семантические поля, составляющие ближайшее окружение ментального поля, определяются генезисом мысли, ее положением в общей структуре деятельности человека, этапами речемыслительного акта. Всякий процесс имеет свою причину (субстрат) и следствие, а также сопутствующие обстоятельства. С этой

точки зрения мыслительный процесс может быть представлен следующим образом:

Лексические единицы, относящиеся к каждому из шести элементов, окружающих процесс мышления, тесно соприкасаются с единицами ментального поля, легко переходят в зону самого мышления, а ментальные единицы, в свою очередь, приобретают вторичные значения, относящиеся к этим полям. Так, глагол *думать* может выражать ощущение: *он подумал было, что* (= у него было такое ощущение, что...). Слово *представление* может выражать мысль, знание в ослабленной форме: *у него нет никакого представления об этом*.

Но особенно тесны связи между глаголами мышления и глаголами восприятия. Глаголы зрительного восприятия очень часто используются для выражения мысли: *как вы смотрите на это?* (= что вы думаете об этом); *он усматривает в этом...* (= он думает, что это...); *я вижу это иначе* (= я думаю об этом по-другому) и т.п. Французское *voir* и особенно английское *to see (I see)* являются ходовыми аналогами глагола 'думать'. Слова, обозначающие слуховые ощущения, также могут переходить в ментальное поле. Русский глагол *внимать* значит 'слушать', но его производное *внимание* уже целиком относится к ментальному полю, обозначая мысль, направленную на объект. Французский глагол *entendre* значит и 'слышать' и 'понимать'. Такую же эволюцию могут претерпевать и слова, обозначающие вкусовые ощущения. Латинский глагол *sapere* 'ощущать вкус чего-л.' в романских языках приобрел значение 'знать' (ср. фр. *savoir*).

Мышление практически неотделимо от говорения, о чем свидетельствуют такие поговорки, как *говорить не думая; сначала подумай, потом говори*. Связь мышления с говорением проявляется в наличии значительного числа единиц, выражающих синкретично оба значения: *заявлять, уверять, уговаривать* и т.п. В употреблении многих глаголов говорения "мысль вытесняет речь". Например: *Гегель говорит, что...* значит фактически *Гегель считает (думает), что...* Выражение *по его словам* фактически значит часто *по его мнению; он думает, что...*

Наконец, поскольку мысль является "преддверием" действия, ментальные слова приобретают значение определенного действия. Так, 'думать' во многих языках приобретает значение 'заботиться': *ты думаешь только о себе*. Особенно наглядно связь между мыслью и действием проявляется в проспективных лексических единицах: *решить, намереваться* означают 'подумать, чтобы сделать', такое же значение имеет и сочетание *он думает сделать*.

Наш перечень ближайших соседей ментального поля оказался бы

неполным, если бы мы не отметили названия частей тела, с которыми связывается процесс мышления и которые предстают одновременно как орудия и место этого процесса. Прежде всего это касается слов *голова*, *мозг*. Они широко используются для обозначения процесса мышления или различных его характеристик в составе фразеологизированных речений или метонимически: *прийти в голову*; *где была твоя голова?*; *блестящий ум*; *у него мозги набекрень*; *безголовый* и т.п.

Дальние соседи. Сюда относятся семантические поля, которые непосредственно с ментальным полем не связаны, но могут все же взаимообмениваться с ним.

Движение и местопребывание. Глаголы этого поля широко используются для выражения развития мысли, динамики мыслительного процесса: *пришло в голову* — *держат в голове* — *выскочило из головы*. Также: *вбить в голову* — *выбить из головы*. Иногда слова получают новые значения: *до него не доходит* значит 'он не понимает'.

Обладание со всеми производными значениями: *иметь*, *брать*, *хватать*, *схватывать* и др., например: *откуда вы это взяли?* (= *откуда вы это узнали?*; *что вы это придумали?*). Известно, что латинский глагол *comprehendere* от значения 'охватывать' перешел к значению 'постигать'. Современный французский глагол *comprendre* совмещает эти два значения, которые, видимо, так неразрывно связаны в сознании, что французский разговорный глагол *piger*, первоначально значивший 'поймать в ловушку', приобрел значение 'понимать', т.е. повторилось то же самое семантическое развитие: 'хватать' — 'понимать'.

Конкретные действия также могут пересекаться с ментальным полем. В русской разговорной речи глаголы *сечь*, *рубить*, *тянуть* приобретают значения 'понимать', 'иметь умственные способности'; даже "кулинарные" глаголы втягиваются в орбиту мысли: *это трудно переварить*; *ему надо все разжевывать*. С другой стороны, глаголы мышления могут обозначать действие, например: *это хорошо продумано* (= *это хорошо сделано*).

К самой дальней периферии интересующей нас области слов относятся междометия и междометные речения, образованные от слов ментального поля, такие, как *подумаешь!*; *подумать только!*; *а ты думал!*; *что ты себе думаешь?* В подобных речениях глаголы мысли употребляются семантически избыточно и служат для выражения эмоций. И наконец, поскольку мысль не есть действие, а нечто нереальное, на основе слов ментального поля могут образоваться наречия, обозначающие приблизительность. Ср. англ. *a thought shorter* 'чуть-чуть короче', фр. *un soupçon de lait* 'чуть-чуть молока'.

Итак, поле ментальности не только имеет сложную внутреннюю структуру, но и пересекается с другими семантическими полями, в чем отражается непосредственно связь мыслительных процессов с другими аспектами человеческой деятельности.

ТАКСОНОМИЯ И АКСИОЛОГИЯ В ЯЗЫКЕ И ТЕКСТЕ (ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ)

Введение

Смысловое содержание, формальную структуру и механизмы синтагматического развертывания связного текста в значительной степени определяют разнотипные таксономические предложения, без которых в принципе не может обойтись ни один текст. Компоненты таксономических предложений, относящиеся к сфере бытования индивидуальных имен и имен классов, допускают широкое варьирование в зависимости от условий, характера, предмета, жанра и задач повествования. Вместе с тем все такие предложения объединяет наличие семантического и функционального инвариантов. Это — отношение включения объекта в более широкий класс (составляющее для одних разновидностей таксономических предложений ассерцию, а для других — пресуппозицию) и возможность построения на базе каждого типа таксономических предложений предложений характеристики. Последние могут быть поэтому названы предложениями таксономической характеристики.

В логике, которой принадлежит приоритет в установлении таксономических отношений и их отделении от других отношений между объектами или классами, таксономические предложения и предложения характеристики, как правило, не различаются. Так, логики обычно говорят, что индивидуальный объект может быть охарактеризован двумя равносильными способами: предиктированием признака (*Снег белый*) и отнесением к классу (*Снег принадлежит классу белых предметов*) (см., например, [5]).

Такой анализ вызывает серьезные возражения, даже если оставить в стороне явно метаязыковой характер высказываний последнего типа. Так, абсолютно не ясно, что тогда может означать сочетание *белый предмет* или фраза *Этот предмет белый*. Далее, таксономические предложения, в которых утверждается или отрицается принадлежность объекта к некоторому классу, с языковой точки зрения всегда предполагают существование этого класса, т.е. нахождение его в некотором пространстве¹, между тем как для предложений характеристики типа *Снег белый*, т.е. с собственно характеризующими предикатами, наличие класса не предполагается. Об этом, в частности, свидетельствуют такие тексты, как: *Где вы видели хороших терапевтов? У нас в больнице, что ли?* (Ю. Крейдлин) <то ли в больнице есть хорошие терапевты, то ли их нет (что, видимо, скорее) — ос-

¹ Мы вполне разделяем неоднократно высказанную точку зрения, согласно которой в семантической структуре языка существование объекта представлено как локализация его в пространстве (см. [2; 3; 4; 12; 13; 14] и особенно работы О.Н. Селиверстовой [7; 8; 9]). Подчеркнем, что само пространство в каждом конкретном случае может интерпретироваться по-разному.

тается неясным>, и такие нередко встречающиеся в математических текстах построения, как: *Назовем натуральное число, большее двух, хорошим, если сумма любых двух его делителей нечетна. Доказать, что хороших чисел не существует.* Наконец, логику, за редким исключением, мало интересовали ситуации предикцирования объекту оценочных признаков. Но если фразы *Наш учитель — хороший* или *Эта блузка — некрасивая* вполне допустимы и семантически легко интерпретируемы, то, что собой представляет класс хороших людей или некрасивых предметов (одежды), остается загадкой. Иными словами, для оценочных предикатов таксономические предложения, построенные на их основе, невозможны, и, например, фраза *Наш учитель — хороший человек*, так же как и *Наш учитель — хороший*, относится к разряду собственно характеризующих. Кроме того, оценочное употребление именных групп не требует, чтобы их референтом был какой-нибудь класс. Так, предложение *Послы — это дипломаты* имеет два смысла: характеризующий (оценочный) и таксономический (неоценочный), и в первом случае послы вовсе не обязательно входят в класс дипломатов (ср. [6]).

Аксиологические предложения таксономической характеризации

Любопытную разновидность предложений таксономической характеристики составляют аксиологические предложения, сформировавшиеся непосредственно на базе таксономических. Речь идет о предложениях вида *X <есть> настоящий (подлинный, истинный, образцовый, идеальный, совершенный, исключительный, незаурядный, форменный, сущий, типичный, чистый, чистой воды и др.) Y*, а также о предложениях вида *X <есть> простой (рядовой, обычный, обыкновенный, будничный, нормальный, непримечательный и др.) Y*. К этим высказываниям примыкают фразы со "скрытыми смыслами", условно называемые нами 'настоящий' и 'простой': *X — не Y (Художник — это не профессия!; Курица — не птица!); X — тоже мне Y! (Художник — тоже мне профессия!); X <с большой буквы> (Наш командир — это Человек; Василий Иванович — это Герой с большой буквы); Всем X-ам X! (Рим — это всем городам город!; Наш Рэм — всем собакам собака!); X X-ов (Учебник учебников — это мыслящий дух учителя (Дистервег); Философия — это наука наук; Библию называют Книгой книг); X — вот <это> Y! (Математика — вот это наука!; Habeas corpus act — вот это закон!); Из всех X-ов X! (Масленок — это из всех грибов гриб!); с другой стороны, это конструкции X как X (Завод наш как завод, ничего особенного; Ночь как ночь; Настроение как настроение); X не X, Y не Y (День выдался неважный: весна не весна, осень не осень) и др. Близки к выделенному подклассу аксиологических предложений и фразы с оценочными классификаторами: *X — образец Y; X — образчик Y; X порода Y (Гусары — это порода ловеласов); X — эталон Y-а**

(Честность — эталон добродетели); *X* — пример *Y* (Ее жизнь — это пример мужества).

Итак, каждый объект может быть охарактеризован либо непосредственно — путем приписывания ему признака, либо косвенно — через включение его в некоторый класс (идентификацию с одним из членов класса)². Оценочные предложения, возникающие на базе таксономических отношений, после того как объекту будут приписаны признаки, относящиеся ко всему классу, содержат оценку объекта не самого по себе, а именно как представителя данного класса.

В предложениях непосредственной характеристики и в предложениях косвенной характеристики выступают разные по значению связки. Так, в предложениях *Мяч круглый* и *Он был достойным соперником* связка *быть 1*, представленная соответственно нулевой формой и формой *был*, имеет классифицирующее связочное значение, а в предложениях *Это был Пента* и *Кит — млекопитающее* связка *быть 2* имеет идентифицирующее связочное значение. Подробнее о значениях лексемы *быть* см. [1].

Имена, стоящие в позиции присвязочного члена в контексте классифицирующей и идентифицирующей связок, имеют разный денотативный статус. В предложениях *Маша — красавица* и *Чейн и Стокс — ребята надежные* (Ю. Алешковский) связка *быть 1* — классифицирующая, а именные группы *красавица* и *надежные ребята* имеют предикативный статус. В предложениях тождества типа *Дама в малиновом берете была Татьяна Ларина* связка *быть 2* имеет идентифицирующее значение, а именная группа *Татьяна Ларина* — референтна. В таксономических предложениях типа *Этот цветок — роза* или *Верже — это сорт бумаги* именные группы *роза* и *сорт бумаги*, стоящие в позиции присвязочного члена идентифицирующей связки *быть*, имеют родовой статус. Поэтому фразы *Терапевты — это врачи* и *Терапевты — это настоящие врачи*, несмотря на внешнее сходство, имеют серьезные смысловые различия. Первая фраза, по крайней мере в своем исходном понимании, представляет собой таксономическое суждение с нулевой связкой *быть* в ее идентифицирующем значении, а именная группа *врачи* в ней — родовая. Второе, оценочное, предложение представляет собой разновидность предложений таксономической характеристики. Связка *быть* в нем имеет классифицирующее значение, а именная группа *настоящие врачи* — предикативное.

² В этом отношении собственно признаковые прилагательные отличаются от многих оценочных прилагательных. Еще фон Вригт отмечал, что функциональная и деятельностная оценки объектов всегда логически вторичны. Так, *хороший нож* характеризует объект как член класса, т.е. 'хороший как нож', *хороший солдат* должен отвечать всем требованиям, предъявляемым к солдатам, *хорошее сердце* — это хорошо работающее сердце, *никудашная память* отличает человека, который не может ничего запомнить, у которого память очень плохо выполняет свои функции (см. об этом также [3, 66 и след.]).

Оценочные предложения X — *настоящий* <подлинный, истинный и т.п.> Y и X — *простой* <заурядный, рядовой, обычный и т.п.> Y при некоторых фиксированных значениях оценочных прилагательных могут быть отнесены к внутреннереферентным предложениям, или, в терминологии Д. Болинджера [10], к предложениям, в которых стоящие при Y прилагательные обладают свойством “reference-modification” (в отличие от прилагательных, имеющих свойство “referent-modification”). Такие прилагательные не обозначают конкретных свойств объекта и не выводят объект за пределы класса, к которому он отнесен. Они лишь указывают на меру полноты обладания объектом родовыми свойствами класса или оценивают ее относительно других элементов того же класса. Из всех внутреннереферентных прилагательных больше всего повезло слову *настоящий* — именно оно чаще всего подвергалось анализу. Впрочем, обычно рассматривались лишь одно-два значения этого слова вне связи с другими значениями и, главное, с близкими, но не полностью тождественными ему другими словами. Из всех известных нам толкований слова *настоящий* в интересующих нас значениях, а также попыток экспликаций и выделения существенных компонентов толкования (см. [1]) наиболее точным представляется определение Ю.Д. Апресяна: X — *настоящий* Y = ‘ X обладает всеми родовыми свойствами объектов, принадлежащих классу Y -ов, и не обладает никакими родовыми свойствами объектов других классов’.

Приведем несколько примеров предложений с этой лексемой:

(1) *Они все настоящие фламандцы, упрямые и напористые* (Г. Дюрпе).

(2) *Сказка — это настоящее искусство* (М. Гефтер).

(3) *Стань настоящим моряком, сынок!* (Н. Старцев).

(4) *Он отстаивал простые, настоящие ценности — молодость, любовь, наслаждение от искусства, близость людей и радость общения* (С. Бочаров).

(5) *Толстой объединил человека и природу — это настоящий реалист* (И. Анненский).

(6) *Знание фактов, не объединенных и не объясненных соответствующей им концепцией, не есть настоящее знание* (А. Мень).

В смысловой структуре лексемы *настоящий* Y следует, на наш взгляд, указать пресуппозицию ‘ X входит в класс Y в качестве элемента’ и отдельно выделить компонент сопоставления: ведь утверждение об обладании всеми родовыми свойствами объектов, входящих в класс, можно строить только на основании сопоставления свойств X -а со свойствами других элементов класса Y , т.е. X — *настоящий* Y Y = [пресуппозиция] объект или класс X входит в класс Y в качестве элемента; [утверждение] сопоставляя свойство объекта или класса X со свойствами других элементов того же класса Y , говорящий считает, что X обладает всеми родовыми свойствами объектов класса Y и не обладает никакими родовыми свойствами объектов других классов’.

Свойства, на основании которых объекту или классу *X* приписывается оценка *настоящий*, могут быть указаны в самом тексте, а могут домысливаться из общего контекста ситуации или знаний о мире. То, что слово *настоящий* выражает интегральную характеристику свойств класса, показывает возможность — в последнем случае — задать вопрос типа *В каком смысле (отношении) настоящий?* Ср. неправильный диалог: *Петя — болезненный мальчик. — В каком смысле болезненный?*

В примерах типа (1) — (6) *У* рассматривается как имя класса, элементы которого суть либо индивидные объекты, либо семантически содержательные подклассы. Интерпретация, или, правильнее сказать, способ представления имени *У*, зависит от того, осмысляем ли мы *X* как индивидный объект или как класс; ср. (5) и (2).

Остановимся на некоторых особенностях поведения самого слова *настоящий* 1 и предложений с этим словом.

а. Для тех предложений, в которых *У* — имя собирательного множества, нечленимого на части, употребление прилагательного *настоящий* 1 в позиции атрибута при присвязочном члене невозможно:

(7) **Перед нами — настоящая пионерия; *Мы — настоящее студенчество.*

б. Во фразах *X — настоящий* 1 *У* лексема *настоящий* 1 всегда ударна; она является носителем главного фразового ударения (см. [1]). На этом свойстве слова *настоящий* мы остановимся чуть подробнее ниже.

в. Если имя *У* — неоценочное, то стоящее при нем прилагательное *настоящий* 1 имеет коннотацию 'хороший'; см. предложения (8, 9);

(8) **Петр Иванович — настоящий врач, но (и притом) хороший* (ср. правильное *Петр Иванович — врач, притом очень хороший*).

(9) **Он — настоящий и, следовательно, посредственный писатель* (при нормальном *Он настоящий и, следовательно, хороший писатель*).

Перейдем теперь к другим значениям слова *настоящий*. *X — настоящий* 2 *У* = 'сопоставляя *X* с объектами класса *У*, говорящий считает, что *X* не обладает основным родовым свойством этих объектов и потому не является членом класса *У*, но *X* обладает очень многими свойствами этих объектов и потому воспринимается как полное подобие такого объекта' (с незначительными изменениями толкование воспроизводится по работе [1]).

Примеры предложений с лексемой *настоящий* 2:

(10) *Наши медведи — настоящие артисты: они и акробаты, и клоуны, и музыканты* (Ю. Никулин).

(11) *Этот мальчик — настоящая ртуть, он ни минуты не может сидеть на месте* (А. Кузнецова).

(12) *Мадам, Вы — настоящая богиня!* (А. Дюма).

(13) *Муж мой — настоящий ребенок, он верит во все, что сам же придумывает* (из газеты "Московский комсомолец").

(14) *Она ему настоящая мать* (ср. *Она его настоящая 4 мать*, т.е. 'не ложная, не фальшивая, родная по крови, подлинная'; о лексеме *настоящий* 4 см. ниже).

Элемент *У* в предложениях с *настоящий 2* всегда выступает не в прямом значении, а в переносном, метафорическом: 'похожий на *У*, как бы *У*'. Следовательно, замещать переменную *У* в толковании могут лишь те слова, которые имеют такое значение или по крайней мере обладают способностью к метафорическому переосмыслению. В частности, как совершенно справедливо отмечает Ю.Д. Апресян, эта способность присуща большинству предметных существительных, и он приводит такой пример: *Это — настоящий стол (о каком-нибудь большом пне с плоским верхним срезом, вокруг которого туристы располагаются на завтрак)*. Сюда же можно добавить собственные имена известных лиц (*он — настоящий Шаляпин*), городов и стран (*Поезжайте в Зарасай, увидите настоящую Швейцарию*) и нек. др.

Прилагательное *настоящий 2* в предложениях *Х — настоящий 2 У* всегда безударно; главное фразовое ударение падает на *У*.

В отличие от Ю.Д. Апресяна мы считаем оба значения слова *настоящий* компаративными. Однако в случае с *настоящий 1* сопоставление свойств *Х-а* происходит в пределах того множества, к которому принадлежит *Х*, точнее, свойства объекта *Х* сравниваются со свойствами класса или всех членов класса *У*, а *Х* сам при этом входит в *У*. Отсюда именно предложения с лексемой *настоящий 1* (1)–(6) и им подобные являются предложениями таксономической характеристики. В собственно характеризующих предложениях с *настоящий 2* референт именной группы *Х* отличен от референтов — объектов класса *У*. Единственный показатель в поверхностной структуре предложения, подчеркивающий выделенность *Х* среди других элементов того же множества *У*, — это прилагательное *настоящий 1*. Естественно поэтому, что оно-то и является носителем главного фразового ударения и ремой в предложениях *Х — настоящий 1 У*. В предложениях *Х — настоящий 2 У* главным является утверждение об идентичности *Х* некоторому объекту, входящему в класс *У*, и здесь главной ремой и носителем главного фразового ударения является *У*.

Если из смысла имени *Х*, из контекста или знаний о мире известно, что объект *Х* входит в данный класс *У*, то при присвязочном *У* возможно употребить лишь *настоящий 1*. Впрочем, вместо этой лексемы для выражения того же смысла часто используются другие формальные средства (некоторые из них могут также сопутствовать слову *настоящий 1*): интонация (*Он был человек!*), на письме — заглавная буква (здесь как бы проявляется иконичность знака большой буквы), нередко со словами *с большой буквы*, ср.: *Пирогов был Хирург!*; *Солженицын — это Писатель с большой буквы*. Сочетание *с большой буквы* является фразеологической единицей. Любопытно, что в МАСе *большая буква* толкуется как 'прописная буква', однако сочетания *хирург с большой буквы* и — если такое вообще возможно — *хирург с прописной буквы* не равны по смыслу. Вообще слово *прописной* в одном из своих значений передает как раз почти противоположную идею — 'лишенный оригинальности, общеизвестный

и потому тривиальный'; ср.: *прописная истина* (мораль, гипотеза, идея). Наконец, для выражения смысла 'настоящий' могут быть использованы некоторые синтаксические конструкции и предложения из числа тех, которые были указаны выше, однако и они лишь квазисинонимичны предложениям X — *настоящий* 1 Y .

Слово *настоящий* и смысл 'настоящий'

Предложениям с *настоящий* 2 близки предложения со словом *большой*, которое в своем основном значении передает идею очень большого внешнего сходства X с некоторым объектом Y , не являясь тождественным ему, ср.:

(15) *Мама! До чего Вера Муромцева на Вас похожа: Вылитая Вы! Ваш нос, Ваш рот, и глаза светлые, а главное, когда улыбается лицо совершенно серьезное, точно не она улыбается* (из письма М. Цветаевой В. Муромцевой [Буниной]).

(16) *А я вас сразу признал — вылитый папаша* (К. Федин).

Разумеется, говоря X — *вылитый* Y , мы можем в своем сознании фиксировать и другие признаки сходства, но те всегда отмечаются как вторичные, на фоне уже отмеченных внешних сходств, ср.:

(17) *Тимоша замирает, ровно барышня. Черноглаз, несдержан, насмешлив, но добр, ну, вылитая мамочка* (Б. Окуджава).

Обсуждая оценочные предложения таксономической характеристики и слово *настоящий*, нельзя пройти мимо предложений типа *Курица — не птица; 100 рублей — не деньги*. Отрицание в них — смещенное: по смыслу 'не' присоединяется к 'настоящий', и эти предложения являются отрицательными для предложений типа *Курица — птица; 100 рублей — деньги*, но не в собственно таксономическом, а в аксиологическом значении, т.е. отрицанием предложений таксономической характеристики. При синтезе такого рода фраз слово *настоящий* с большой степенью обязательности опускается. С другой стороны, есть предложения, подчеркивающие именно смысл 'настоящий': *Вот физики — это ученые!; Старцев — вот это герой!* [о некоем сержанте Старцеве, накануне совершившем подвиг на поле боя] (С. Попов). Хотя в таких предложениях смысл 'настоящий' весьма трудно отличить от смыслов 'идеальный' или 'совершенный'.

Завершая обсуждение слова *настоящий*, укажем ряд других его значений. Так, в предложении *Настоящим удостоверяю настоящий* 3 — 'этот'. В примере *В настоящий момент он торжествовал* выступает лексема *настоящий* 4, значение которой можно представить следующим образом: *настоящий* 4 $X P$ = ' X такой, который совпадает со временем и местом предиката P '. (В приведенном примере P = 'торжествовал'.) Ср. также правильное *Вы сейчас уедете?* и неправильное **Вы в настоящую минуту уедете?* Особо интересными являются значения *настоящий* 5 и *настоящий* 6. *Настоящий* 5 = 'неискусственный, натуральный'; ср. сочетания *натуральный шелк* и *настоящий алюминий* (уголь, золото и т.п.). *Настоящий* 5 сочетается с именами естественных классов и включает эти имена в бинарное противопоставление 'натуральный' vs. 'искусственный'. *Настоящий* алю-

миний и есть алюминий, *фальшивое золото* вообще не есть золото. Поэтому у лексемы *настоящий* 5 аксиологическое значение стерто; она, так же как и *настоящий* 2, не имеет коннотации 'хороший', ср.: *Это хоть и настоящий мех, но плохой <из него воротник лучше не делать>*. В близкую, но несколько иную систему противопоставлений включает абстрактные имена слово *настоящий* 6: *Настоящее слово чувствует себя живым и подвижным, когда оно не само по себе, а когда оно — к людям* (М. Панич); *Настоящая противоположность — это та, которая стоит между добром и злом, любовью и ненавистью, светом и тьмой* (Ф. Достоевский); *Настоящему художнику цельность метафоры важнее личной репутации* (Ф. Искандер); *Настоящий страх — это когда люди к нему привыкают и видят только через него, что происходит и как надо действовать* (А. Терц). Здесь *настоящий* 6 *X* означает 'высший, в самой полной мере обладающий признаками *X*' и противопоставлен всем "ненастоящим" (ложным, ср. *ложный страх*; *фальшивым*, ср. *настоящие* vs. *фальшивые* причины; обычным или обыкновенным, ср. *настоящий* vs. *обыкновенный писатель*). Лексема *настоящий* 6 близка по значению словам *идеальный* и *подлинный* (*подлинный* 2), имеющим значение 'такой, которого нет лучше', ср.: *Вишня, клеванная воробьями, еще больше похожа на вишню, так сказать, идеальная вишня*. Комментируя эту фразу Ю. Олеши из "Ни дня без строчки", М. Панич пишет: "Я так понял, что идеальная вишня — это вишня самая совершенная, самая настоящая".

То же значение, на наш взгляд, имеет слово *настоящий* и в предложении *Папа, это настоящий солдат?*, т.е. в вопросе, заданном ребенком отцу, когда они вдвоем смотрели на солдат, стоящих в карауле у маззоля. Дети, начиная с определенного возраста, перестают воспринимать игрушечного солдата (а также тигра, волка и т.д.) как солдата (тигра, волка и т.д.); для них приобретает значимость противопоставление 'такой, как в жизни' — 'не такой, как в жизни', т.е. оппозиция 'настоящий' — 'игрушечный (ненастоящий)'.

Вообще в контексте разных семантических типов имен, точнее, в разных семантических пространствах, задаваемых этими именами, оппозиция 'истинный' — 'ложный' по-разному преломляется. Она принимает следующие частные виды: 'настоящий' — 'ненастоящий', 'природный' — 'искусственный', 'подлинный' — 'поддельный (копия)', 'оригинальный' — 'фальшивый'. Устанавливая правила перехода от одних семантических пространств (или от одних семантических классов имен) к другим, можно установить при анализе конкретный смысл, конкретное смысловое воплощение исходного противопоставления.

Слова класса *настоящий*

Для естественных классов их, так сказать, природное происхождение подчеркивается словом *натуральный*: *натуральный мед* в противоположность *искусственному*, *натуральное золото* в противовес *фальшивому* или — в другой системе признаков — *искусственному*.

Для важнейших свойств человека, определяющих его статус и ценность именно как человека, используются слова *врожденный* (*врожденный ум, врожденное доброе сердце*) или *природный* (*природный ум, природный талант, природная страсть к науке*), а для тех свойств, которые в полной мере обеспечивают выполнение человеком тех или иных социальных функций или реализацию какой-либо деятельности, — слово *прирожденный* (*Был он прирожденным бойцом, сообразительным и смелым; Вы же — прирожденный учитель!*).

Слово *истинный* подчеркивает соответствие Высшей Истине и противостоит *ложному*³ (*Истинное христианство познается прежде всего опытом и притом — личным* (Ельчанинов); *Истинным интеллигентам больно не только тогда, когда им наступили на ногу*) или, смещаясь ближе к реальной жизни, адекватность действительному положению вещей (*Найти истинного виновника было очень трудно*).

Слово *подлинный* акцентирует 'неискусственность' или 'неподдельность', 'не имитацию': *Клянись перед иконой, что ты подлинный царь; А это что, подлинный текст?*; см. также высказывание известного искусствоведа М. Дмитриевой: "Можно, казалось бы, разделить подлинное от поддельного, настоящее произведение искусства от изделия эпигона и шарлатанства, однако сделать это часто бывает чрезвычайно сложно". Кроме того, *подлинный* может передавать смысл 'тот, который должен быть в действительности или в данной ситуации' и противопоставляться *притворному, показному или лицемерному*, ср.: *подлинный героизм, подлинная роскошь, подлинное равнодушие* (ср. *показное равнодушие*), *подлинная культура*.

Для многих имен способ выражения при них смысла 'настоящий' следует фиксировать прямо в словарной статье, ср. *натуральные слезы* и *притворные слезы*, *натуральный цвет* (ср. также: *Эта комната — натуральное общежитие* (разг.), т.е. 'полностью подобное общежитию'), но *истинный, подлинный друг* (плохо **натуральный друг*); *истинный, подлинный, натуральный страх*; *истинная, подлинная, натуральная величина* = 'полностью соответствующая действительности'; *натуральный, подлинный* (но не **истинный*) *лоск*; *наслаждение* бывает *истинным* и *подлинным*, а *молитва* — *истинной*, но не *подлинной* или *натуральной*. В то же время все эти существительные легко сочетаются со словом *настоящий*.

Соединение в слове *настоящий* разных смысловых нюансов неоднократно обыгрывалось в литературе. Это и *вкус настоящего хлеба* вместе с *запахом бывшего кофе* у Дж. Оруэлла. Это и выдержка из интервью А. Меня: "*Вы говорите, наука не отрещивается от старых парадигм в пользу новых. Наверное, вы имеете в виду настоящую науку?*" Это такой текст: "*Только в Спарте мужья слушаются жен*", — сказали спартанцы. — "*Потому что только спартанские жены рожают настоящих мужей*", — ответили

³ Ср.: "Забота истинного христианина распространяется и на то, чтобы, когда говорят об Отце, речь шла об истинном отцовстве. Есть и ложное отцовство" (Р. Гуардини).

спартанки (перевод с древнегреческого М.Л. Гаспарова). Приведем также следующую фразу, принадлежащую Ф. Искандеру (из выступления на вечере в Доме литераторов в Москве): "*Пафос Ленина — не Истина, не настоящая истина, а цель, понятая как истина*".

Если слова *настоящий, подлинный, истинный* имеют достаточно широкую сочетаемость, то близкие им по смыслу оценочные прилагательные *сущий и форменный*, во-первых, характерны для разговорной речи, а во-вторых, имеют довольно ограниченную сочетаемость: *сущий ад, сущая правда, сущий пустяк* и нек. др. За исключением сочетания *сущая правда*, где слово *сущая* еще хранит в себе "отголосок" устаревшего значения 'имеющийся в действительности' (*Отче наш, сущий на небесах; ...И назовет меня всяк сущий в ней язык*), согласованного со значением слова *правда* (ср. невозможность **сущая истина*), лексема *сущий* присоединяется к именам со значением 'малозначительный' или к словам, референты которых оцениваются как 'плохие'. Ср.: *сущий подлец, сущий негодяй, сущий бездельник и сущий пустяк, сущая ерунда, сущая мелочь*. Впрочем, как говорилось выше, сочетаемость слова *сущий* с оценочными именами достаточно причудлива. Можно сказать *сущее безобразие*, но плохо **сущее фарисейство*, можно *сущий дьявол*, но сомнительно ?*сущий оборотень*, допустимы *сущая бездельица, сущий мерзавец* (Гоголь), но едва приемлемы ?*сущий лицемер, *сущий нонсенс, *сущая частность*. Отметим в этой связи, что пример из "Попрыгуны" А.П. Чехова, приводимый в МАСе: "*Всякое новое знакомство было для нее сущим праздником*", с нашей точки зрения, не отвечает современной норме.

Также только с отрицательно оцениваемыми словами сочетается слово *форменный*, да и то далеко не со всеми, ср.: *форменное безобразие, форменное распутство, форменный зверь, форменное чудовище*, но плохо **форменная подлость, *форменный волк* (о человеке), возможно *Он — форменный осел*, но едва ли **Он — форменный столб*. Во всех этих примерах *форменный* квазисинонимично *настоящий* 2: *форменный* = 'самый настоящий 2'. Примеры со словом *форменный* в сочетании с оценочно-нейтральными именами, приводимые в словарях БАС и МАС без пометы "устар.", следовало бы, как нам кажется, снабдить таковой: *Через полчаса в городе шел форменный бой* (Н. Островский); *У меня инфлюэнца была форменная. Три дня валялась* (П. Боборыкин).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико-семантические проблемы). М., 1976.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
4. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
5. Берка К. Функции глагола *быть* с точки зрения современной формальной логики // Логико-грамматические очерки. М., 1961.

6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
7. Селиверстова О.Н. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // ВЯ. 1973. N 5.
8. Селиверстова О.Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи. М., 1983.
9. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи. М., 1988.
10. Bolinger D. Adjectives in English: Attribution and predication // *Lingua*. 1967. Vol. 18, N 1.
11. Herskovitz A. Language and spatial cognition: An interdisciplinary study of the prepositions in English. L., 1986.
12. Kahn Ch.H. The Greek verb 'to be' and the concept of being // *Foundations of language*. 1966. Vol. 2, N 3.
13. Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // *Foundations of language*. 1967. Vol. 3, N 2.
14. Talmy L. How language structures space // *Spatial orientation: theory, research and application* / Eds. H. Pick, L. Acredolo. N.Y., 1983.

И.И. Макеева

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В большую группу ментальных предикатов входят глаголы, обозначающие мыслительную деятельность и мнение. В древне- и старорусском языке их было достаточно много: *мыслити, думати, гадати, мудрити, мудрствовать, мудровати, мнити (мьнити, мьнѣти)*. У некоторых глаголов, не принадлежащих к собственно ментальным, мыслительный процесс, познание, понимание обозначали отдельные значения. У глагола *глумитися* было значение 'размышлять, рассуждать', когда он выступал эквивалентом греческого *ἀδολεσχέω*. Глагол *полагати* при основном 'класть, помещать' и целом ряде производных имел значение 'считать, полагать'; глагол *постичи (постигнути)* — 'понять, уяснить' при первичных 'догнать, настичь' 'схватить' и др. Судьба таких значений была различна: у *глумиться* оно утратилось, у глаголов *постичь (постигнуть)* и *полагать* они вышли на первый план. Изучение значения эпистемических глаголов, к которым принадлежит *полагать, думать, верить, считать*, относится больше к собственно лингвистической проблематике, чем к философской или психологической [4, 22].

Глаголы *думать, мыслить, мнить, гадать* имеют в современном русском языке семантическую структуру, значительно отличающуюся от их структуры в древнерусском языке. Помимо утраты прежних и появления новых значений следует отметить, во-первых, семантическое сходство глаголов *мыслити* и *думати* в древнерусском языке и различие в современном русском, во-вторых, семантическое противопоставление *мыслити* и *думати*, с одной стороны, и *мнити* — с другой.

1.1. Глагол *мыслити* был известен еще в старославянском языке, где он имел значения 'мыслить, размышлять, думать' и 'иметь намерение, замышлять' [6, 247].

Те же значения были у него и в древнерусском языке, где слово встречается с XI в. (Изб. Св. 1076 г., 34 об.; (Мф. IX. 4)

Остр. ев. 1056—1057 гг.)*. В значении 'намереваться' он обычно употреблялся с инфинитивом: Черниговци же... глаголюще: "Мыслиши бѣжати въ половци... Луче остави своего высокоумия... (Соф. I лет.², 161 под 1136 г.). Редко, но все же возможна конструкция без инфинитива: Приѣха князь Наримантъ Гедимановичъ в Новѣгород на пригороды на томъ, что ему не мыслить в Литву... (Моск. лет. 171 под 1333 г.). В переводных источниках он выступает в этих случаях эквивалентом греч. *βούλομαι* 'хотеть, желать'.

Третье значение глагола *мыслити* в древнерусском языке — 'злоумышлять': Игорь же... нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большую дань (Лавр. лет. 54 под 6453 г.). Конструкции в таком случае могут быть различные: мыслити на (кого-л.), мыслити зло (злая, зла) на (кого-л.), мыслити злая (лиха) (кому-л.) или лихо над (кем-л.) и др.

Все три значения сохраняются у слова в течение всего рассматриваемого периода, а именно по XVII в. включительно.

1.2. Глагол *думати* имел те же три значения: 'думать, размышлять', 'намереваться' и 'злоумышлять'. Параллелизму в семантике соответствовал параллелизм в конструкциях. В значении 'злоумышлять' *думати* также употреблялся с предлогом *на* и в конструкциях *думати лиха*, *думати лихо на* (кого-л.). В значении 'намереваться' помимо обычных употреблений с инфинитивом возможны случаи его отсутствия: Откуда придеть — Куда думаетъ — Домой (Лудольф. 47).

Параллелизм в семантике этих глаголов был таков, что у обоих отмечено, правда редко встречающееся, значение 'заботиться, беспокоиться': И вамъ бы великимъ посломъ великому гсдрю своему Владиславу... о том известит и думати, чтоб они межевыхъ судей выслали чстных (Моск. а. № 7, сст. 12); А мнѣ что ясти и пити постригшися, то тебѣ онъ ж мыслить (Изм. 339).

Существовавшее между этими двумя словами различие заключается в следующем. Как известный еще в старославянском языке, глагол *мыслити* в древнерусском представлен в источниках церковнославянского извода и переводных. Напротив, *думати* в старославянском языке не встречался, хотя он и принадлежит общеславянскому лексическому фонду. Сфера его употребления — прежде всего русские летописи и преимущественно памятники XI—XVII вв.

Только в значении 'злоумышлять' *мыслити* и *думати* конкурировали друг с другом. Они оба употреблялись и в летописях, и в памятниках других жанров. Можно было бы предположить, что это собственно русское значение. Однако подобное употребление глагола *мыслити* было в старославянском языке. Позднее всякая зависимость употребления от жанров исчезла.

Конструкция *думать на* (кого-л.) есть в современном русском языке, однако она значит не 'злоумышлять против кого-л.', как раньше, а 'считать виновным, подозревать в чем-л. плохом'.

* Приведенные примеры взяты из КДРС Института русского языка РАН. Расшифровку названий см. в работе [2].

1.3. Главное же различие между современным русским и древнерусским языком заключается в следующем. Можно утверждать, что в прошлом оба слова имели одно и то же значение 'думать, размышлять'. Особо следует подчеркнуть это в отношении глагола *мыслити*: Антоний же приде Киеву и мысляше, кдѣ бы жити (Лавр. лет., 156 под 1051 г.); Никтоже не вѣсть, еже мыслиши, но еже твориши, то вси видять (ѿ воѣѣ; Менандр, 185). В современном русском языке значение *мыслить* определяется как 'рассуждать, сопоставляя явления объективной действительности и делая выводы', а 'думать, размышлять' тоже возможно, но лишь как устаревшее употребление слова. Таким образом, в древнерусском языке акцент был сделан не на способности мыслить, а скорее на мысли о чем-л., на самом предмете мысли. Уже много позднее, в XVIII в., у *мыслить* появилось то значение, которое слово имеет сейчас. См., например, у Лукина: А мыслить всѣ люди могутъ (Лукин, I, XVIII).

2.1. Таким образом, главное значение глаголов *думати* и *мыслити*, от которого произошли остальные, — 'думать, размышлять'. В нем они были противопоставлены глаголу *мнити* (*мынѣти*), известному еще в старославянском языке, основное значение которого 'полагать, считать': Дѣло законное мыни чѣтение книжное (Изб. Св. 1076 г., 68); Азъ тачехъ епископъ не мню, иже всѣмъ угодыа творять (РИБ VI (доп.), 363, Поуч. Ильи). В этом случае акцент делается не на самом мыслительном процессе, не на размышлениях о предмете, а на той или другой точке зрения, на том, что относительно чего-л. существует некое мнение. Противопоставление между *думати* и *мыслити*, с одной стороны, и *мнити* — с другой, было выражено также тем, эквивалентом каких глаголов в переводных памятниках они были. Глагол *мыслити* передавал греч. *воѣω* 'замечать, видеть, думать', *λογίζομαι* — 'рассуждать, думать, обдумывать, полагать', *ἐν υμῶμαι* — 'иметь в душе или на душе, обумывать, взвешивать', *φρονέω* 'мыслить, обладать умом, думать'. Глагол *мнити* обычно соответствовал греч. *νομίζω* 'полагать, думать признавать, считать', *δοκέω* 'полагать, думать', *οἶμαι* 'полагать, думать, предполагать, предчувствовать', *ᾔσέομαι* 'полагать, считать', *ὀλοαμβάνω* 'понимать, разуметь; полагать, думать, верить'.

Со временем, а иногда уже только в конце XVII в., значение 'полагать, считать' стало свойственно также глаголу *думати*. Его употребление в этом случае было достаточно близко к современному. Например, различаются говорящий и субъект: Люди думаютъ, что полно, естли въ церкви ходять (putant; Лудольф, 71); выражается неистинность пропозиции: Мамка объявила ей: думала, что она такая же девица как и протчия (Фрол Скобеев, 67).

2.2. Представление содержания некоего предложения или части полипредикативного предложения как неистинного было присуще глаголу *мнити*. Случай, когда глагол *мнити* относился к ложной точке зрения, не соответствовавшей действительности, были многочисленны и известны уже в XI в.: Начняше мынѣти мужа ю суца (Патерик Печ., 144); Ни жена зла, но блуд, ни богатство зло, но сребролюбие... ни разум, но мнети себе ведца (Васс. Патр., 564).

Именно здесь находятся истоки того, что в современном русском языке *мнить* — это 'полагать, считать (обычно ложно, напрасно)'.

В значении 'полагать, считать' глагол *мнити* употреблялся с дополнением, которое было четырех типов: предложение в составе полипредикативного предложения, причастный оборот, инфинитивный оборот и безглагольная конструкция, когда дополнением являлось словосочетание в вин. падеже [3, 160—163]. Дополнением последнего типа обусловлено иногда выделяемое в словарях как самостоятельное значение 'считать кого-л. кем-л.' Очевидно, для предшествующего периода развития языка, когда была большая диффузность в семантике слов, значение 'полагать, считать' включало и подобные случаи.

Глагол *мнити* передавал не только правильное или ложное мнение, но и предположение, имея значение 'предполагать': Князь же велики блюдашеся ѣхати, мня измѣну его (Соф. врем., 220). Кроме того, он имел значение 'думать, размышлять'. Не вызывающие сомнения случаи редки. Подавляющее большинство употреблений представляет собой нечто среднее между 'думать, размышлять' и 'считать, полагать'. Как правило, в этих случаях речь идет о процессе формирования какого-либо мнения, о размышлениях, в результате которых у субъекта (как совпадающего с говорящим, так и нет) формировалась определенная точка зрения: Мню бо, яко не хотя богъ по грѣхѣмъ нашимъ дати намъ на утеху гроба (Новг. I лет., 141).

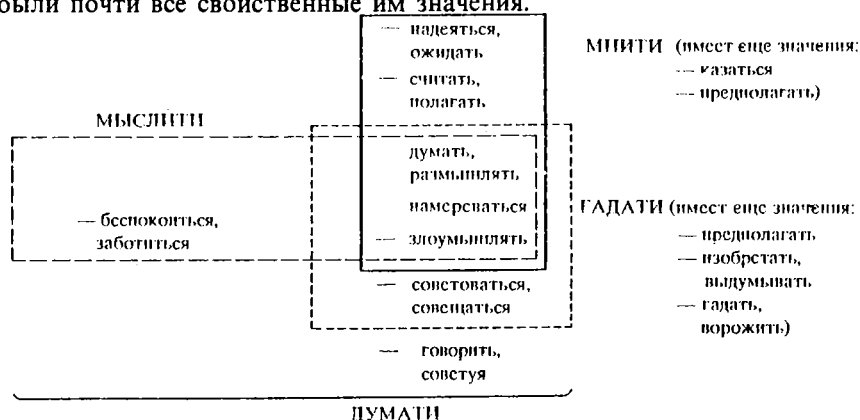
2.3. Остальные значения глагола *мнити*, также развившиеся из 'думать, размышлять', — это 'казаться', 'ожидать, надеяться' и 'намереваться'. Первое из них передает то же предположение, но относящееся не к мысли, разуму, а к чувству. Речь идет о произведенном впечатлении: Узрѣ же блжѣнии чѣловѣка... зѣло уныла... и плакаше сицею образъ, яко же мнѣти ꙗко с нимъ плачуще (vorίζειν; Ж. Нифонта, 275). Обычно глагол имеет форму инфинитива. Возможно, она эквивалентна современному безличному *казалось*. Значение 'ожидать, надеяться' может быть представлено как думать, предполагать, что желаемое может или должно осуществиться: Азъ мнѣхъ въ бързѣ узрѣти лице твое ангѣльское (Ж. Бор. Глеб., 20). Значение 'намереваться' — это являвшееся результатом размышлений заключение о необходимости, целесообразности какого-л. действия: — Како мниши ныне? — Царю в лекарство место подносити сей смертоносный яд (Артакс. действо, 24). В этом случае, как и при глаголах *мыслити* и *думати*, возможен пропуск инфинитива, называющего само действие.

3.1. С этимологической точки зрения глагол *думать* изначально не принадлежал к ментальным глаголам. Однако уже достаточно рано в его семантике произошли значительные изменения. Праславянское **duma* связывают с **dux-* / **dyx-* / **dъx-* и с **dъmg*, **dpti*, **dumati*. Г. Якобсон установил следующее направление семантического развития слав. **duma*: 'дыхание' → '(произнесенное) слово', откуда затем значения 'совет' и 'мысль' [5]. При этом глагол был первичным.

Древнерусское *думати* имело значения 'говорить, советую' (Князя не гораздо учинили, что ему так думали. Крым. д. I, 98) и 'советоваться' (3 добрымъ бо думцею думая, князь висока стола

добудеть. Сл. Дан. Зат., 26). В последнем глагол чаще всего употреблялся с предлогом *съ*, реже без предлога и с предлогом *о*: Началь самъ [Петр I] въ думу входитъ, гдѣ въ палатѣ она царевна [Софья] и бояре собирались и думали о управлении государственным (Зап. Матвеева, 52). Думой в Древней Руси был назван верховный совет из бояр, окольничих и думных. "Есть у государя важное дело, он призывает на думу или одних ближних комнатных бояр и окольничих, или всех бояр, окольничих, дворян... Когда все усядутся, государь объявляет свою мысль и приказывает, чтоб бояре и думные люди, помысля, к тому делу дали способ. Тут всякий, кто имеет способ в голове, объявляет свою мысль... Состоится приговор, и государь и бояре приказывают думным дьякам пометить и приговор написать" [1, 63].

3.2. Глагол *думати* в древнерусском языке являлся своего рода центром глаголов, обозначавших мыслительную деятельность. У него были почти все свойственные им значения.

3.3. Параллелизм в семантике слов, создавшийся в языке на рубеже XVII—XVIII вв., перед началом нового этапа его истории, в дальнейшем был устранен. В основном устранение идет за счет сокращения семантического объема каждого глагола, ликвидации дублирования в значениях и очерчивания специфического, свойственного ему одному.

Главным для глагола *мыслить* становится обозначение мыслительного процесса, способности мыслить. Позднее у него появились значения 'рассчитывать, предполагать' (разг.) и 'мысленно воображать'.

Главным для глагола *думать* является, как и прежде, указание на размышления, обычно о каком-л. предмете. Помимо основного 'думать, размышлять' сохранились значения 'полагать, считать', 'намереваться' и 'беспокоиться, заботиться'.

Главным для глагола *мнить* осталось указание на наличие какой-либо точки зрения, мнения, которое, как правило, является ложным. Сохранилось также значение 'надеяться, ожидать'.

Главным для глагола *гадать* стали значения 'ворожить, гадать' и 'строить предположения, догадки'.

Как и прежде, *думать* остается центральным и наиболее семантически сложным.

1. Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1991. Т. 13.
2. Указатель источников картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. М., 1984.
3. Фролова И.А. Структурные разновидности предложений с *мынѣти* в древнеславянских текстах XI века // Slavica. Praha, 1977. Roč. 46, Seš. 2.
4. Шатуновский И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка: Знание и мнение. М.: Наука, 1988.
5. Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1978. Вып. 5.
6. Slovník jazyka staroslověnského. Praha: Academia, 1968. Seš. 18.

Е.В. Муравенко

ЕЩЕ РАЗ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ

Посвящается памяти Альфреда Наумовича Журинского

В этой работе речь пойдет об особом жанре лингвистического исследования — самодостаточных задачах. Что это такое? В термине "самодостаточная задача" определенную смысловую нагрузку несут оба составляющих его слова. Это задача, потому что, в отличие от разного рода упражнений и заданий, ее нужно решать, т.е. ответ не лежит на поверхности, а достигается в результате определенных логических операций, при этом решающий может (с известной степенью строгости) доказать правильность ответа. Самодостаточность задачи проявляется в том, что весь материал, необходимый для ее решения, содержится в условии и от решающего не требуется специальных знаний и подготовки.

Жанр самодостаточной лингвистической задачи впервые был представлен задачиком Глисона [10] в 1955 г., а в нашей стране — серией задач А.А. Зализняка, опубликованных в 1963 г. [8]. Теоретическая и практическая разработка этого жанра связана с традиционной олимпиадой по лингвистике и математике для школьников и неотделима от имени А.Н. Журинского. Именно по инициативе А.Н. Журинского, тогда студента 4-го курса, в 1965 г. в МГУ была проведена I олимпиада. Им же были подготовлены и почти все задачи этой олимпиады. С тех пор А.Н. Журинский участвовал в подготовке задач для всех олимпиад, включая XXII, которая проводилась совместно МГУ и РГГУ в 1992 г., уже после его смерти, и была посвящена его памяти. Помимо олимпиадных задач, предназначенных для старшеклассников, А.Н. Журинский сочинял и более простые задачи для школьников средних классов — "задачата", и шуточные задачи, и менее строгие, но увлекательные задачи для участников летних олимпиад по лингвистике, и целые серии задач, требующие соблюдения определенной последовательности в их решении. А.Н. Журинскому принадлежит не одна сотня задач. Он обладал удивительной способностью представить в виде самодостаточной задачи практически любое лингвистическое явление. Разработка жан-

ра самодостаточной лингвистической задачи всегда сопровождала его другие научные занятия. Так, большое место в публикациях А.Н. Журина занимают вопросы африканистики (ряд статей и разделов в коллективных монографиях, а также кандидатская диссертация). Эта тематика широко представлена и в его "задачном" творчестве: ему принадлежит не один десяток задач на материале различных африканских языков, а в книге "Классы слов в языках Африки" целый раздел, посвященный адаптации европейских заимствований в африканских языках, написан в виде задач и их решений [3]. Многие годы А.Н. Журиный занимался проблемами семантики фольклорных текстов. И это тоже отразилось в его задачах. Многие задачи построены на материале загадок [6: № 38, 81], пословиц [6: № 2], сказок [6: № 15, 17, 73, 80, 100], анекдотов [6: № 67]. Выпустив книгу о семантической структуре загадки [4], А.Н. Журиный составил задачу на формулы, отражающие особенности смыслового перехода от разгадки к вопросительной части загадки [6: № 48]. Его увлечение поэзией и занятия поэтикой также нашли отражение в задачах (см., например, задачи на стихосложение [6: № 83, 84]).

А.Н. Журиный является одним из составителей и авторов сборников задач [1; 7; 9]. Теории лингвистических задач посвящены его статьи [2; 5] и книга [6].

А.Н. Журиный всегда активно участвовал в обсуждении чужих задач, готовящихся для олимпиады, и охотно помогал начинающим авторам.

В качестве иллюстрации жанра я хочу предложить вниманию читателя несколько своих задач. Принося благодарность всем членам "задачной" комиссии, решавшим и рецензировавшим их, я не могу не сказать, что больше всего я обязана А.Н. Журинскому, который первым решал мои задачи и благодаря советам и замечаниям которого задачи приобрели свой окончательный вид.

Указания к решениям и ответы приведены после условий всех задач с тем, чтобы не лишать заинтересовавшегося читателя возможности самостоятельно решить задачи.

Одним из наиболее распространенных типов самодостаточной лингвистической задачи является билингва. Условие такой задачи имеет вид предложений на незнакомом языке с переводом на русский. Билингва иллюстрирует какое-либо грамматическое явление незнакомо-го языка, которое решающему предлагается обнаружить самому в результате анализа материала из условия. Правильность проведенного анализа проверяется выполнением контрольных переводов — с русского на незнакомый язык и с незнакомо-го на русский. Задача № 1 представляет собой классический тип билингвы.

Задача № 1 ("Именные послелог").

Даны японские предложения (в русской транскрипции) с переводом на русский язык:

1. сару-ва дзю:тан-но уз-дэ ассбу.

Обезьяна играет на ковре.

2. нэко-ва хако-но нака-дэ каку.

Кошка скребется в коробке.

3. гакусэй-ва кабан-но нака-кара хако-о тору.
Студент берет коробку из портфеля.
4. гакусэй-ва цукуэ-но уэ-о фуку.
Студент вытирает верх стола.
5. дзю:тан-но уэ-но до:буцу-ва нэко да.
Животное на ковре — кошка.
6. сару-ва цукуэ-но сита-ни гакусэй-но кабан-о оку.
Обезьяна кладет портфель студента под стол.
7. сару-ва хако-но фута-но уэ-ни хон-о оку.
Обезьяна кладет книгу на крышку коробки.
8. гакусэй-ва цукуэ-но сита-но кабан-но нака-ни кё:касё-ё какусу.
Студент прячет учебник в портфель под столом.

Задание 1. Переведите на русский язык:

1. гакусэй-ва цукуэ-но сита-кара кабан-о тору.
2. гакусэй-но кабан-но нака-но хон-ва кё:касё да.
3. хако-но уэ-ва фута да.

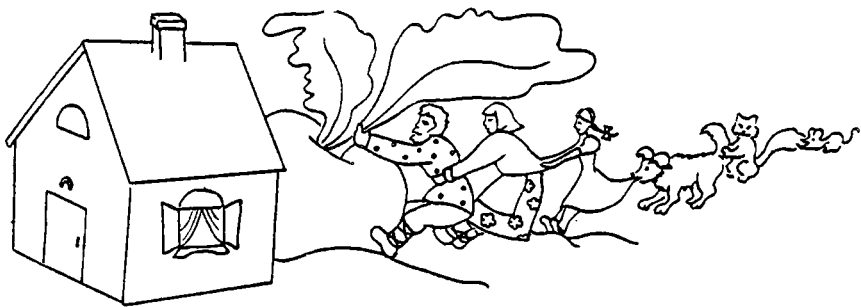
Задание 2. Переведите на японский язык:

1. Кошка играет под столом.
2. Обезьяна берет книгу со стола.
3. Студент кладет портфель на ковер.
4. Обезьяна прячет книгу в коробку на столе.

Следующая задача также является билингвой, однако имеет нестандартную форму.

Задача №2 ("Репка").

Взгляните на иллюстрацию к хорошо знакомой Вам сказке "Репка" (см. рис.).

Ниже на японском языке (в русской транскрипции) даны вопросы о взаимном расположении участников сказки и исчерпывающие ответы на эти вопросы. Все вопросы и некоторые ответы переведены на русский язык.

1. кабура-но маз-ни дани-га
аримас ка?
асоко-ни из-га аримас.
2. нэко-но маз-ни нани-га
аримас ка?
асоко-ни из-то кабура-га
аримас.

Что находится перед репкой?

...

Что находится перед кошкой?

3. маго-но маэ-ни дарэ-га
имас ка?

Кто находится перед внучкой?

асоко-ни дзидзи:-то
оба:сан-га имас.

Там находятся дед и бабушка.

4. маго-но усиро-ни нани-га
имас ка?
асоко-ни дзутика-то нэко-то
нэдзуми-га имас.

Кто находится за внучкой?

5. нэко-но усиро-ни нани-га
имас ка?
асоко-ни нэдзуми га имас.

Кто находится за кошкой?

6. нэдзуми-но усиро-ни дарэ-га
имас ка?
асоко-ни дарэ-мо имасэн.

Кто находится за мышкой?

Там никого нет..

Задание 1. Переведите на русский язык все остальные ответы.

Задание 2. Переведите следующие вопросы на японский язык и дайте на них исчерпывающие ответы на японском языке. Если возможно, дайте несколько вариантов перевода и ответов:

Что находится за репкой?

Кто находится за репкой?

Задача демонстрирует категорию одушевленности в японском языке. Первоначально задача на это явление имела более стандартную форму билингвы. Идея обратиться к персонажам сказки принадлежит А.Н. Журиному. Задача стала значительно интересней и оригинальней. Кроме того, удалось привлечь рисунок, что имеет несколько плюсов: 1) привлекательность; 2) возможность не давать в условии переводы всех японских предложений, а оставить это для задания; 3) возможность спросить перевод слова "дзутика" (пример 4); общему решению задачи не мешает перевод *собака*, однако более внимательный решающий поймет, что это заимствованное имя собственное *Жучка*.

Особый тип представляют собой задачи на русский язык. Кроме данных, содержащихся в явном виде в условии, решающий может пользоваться информацией, которой он располагает как носитель языка. Эти задачи должны затрагивать темы, не изучаемые в школе, привлекать внимание решающего к таким явлениям в родном языке, о которых ему не приходилось задумываться раньше.

Задача № 3 знакомит решающего с некоторыми фактами исторической грамматики русского языка и позволяет обнаружить следы древнего состояния языка в современном языке.

Задача № 3 ("Рога и копыта").

В древнерусском языке для обозначения более чем одного предмета каждое существительное имело две разные формы. Одни существительные чаще употреблялись в одной форме, другие — в другой. В дальнейшем в качестве формы множественного числа для каждого существительного, как правило, утвердилась одна из этих двух форм. В значительном числе случаев сохранилась та форма, в которой существительное употреблялось чаще. Ниже приводятся некоторые из существительных современного русского языка, форма

множественного числа которых восходит к "победившей" древней форме .

1. Существительные
на -а/-я:

*рога, копыта, бока, лица,
чада, глаза, берега, поля,
моря, рукава*

2. Существительные
на -ы/-и:

*столы, соседи, кони, языки,
волосы, плечи, ногти, уши,
очи, колени, овраги*

Задание 1. Для приведенных выше слов определите, какими особенностями существительного объясняется его попадание в группу 1 или 2.

Задание 2. Как Вы думаете, каково было различие в значении двух упомянутых форм древнерусского существительного?

Задача № 4 демонстрирует явления синтаксической омонимии в русском языке.

Задача № 4 "Рабочие бригады")*.

Некоторые русские предложения неоднозначны. Укажем ряд способов, с помощью которых можно показать различные смыслы таких предложений: 1) установление связи между словами, например: *После зарядки на палубе матросы пьют чай (зарядки на палубе или пьют на палубе);* 2) постановка вопроса от главного слова к зависимому, например: *Им (кем? или кому?) оказана экстренная помощь в этом деле;* 3) перифразирование, например: *Ему нельзя читать это (Он не должен читать это или Ему не должны читать это).* Рассмотрим теперь фразу: *Письма знакомой из Киева едва ли заменят фотографии его любимой и милой дочери Марии.*

Задание. Покажите, что эта фраза имеет не менее двухсот смыслов.

Указания и ответы к задачам

Задача № 1. Задача иллюстрирует выражение пространственных отношений в японском языке. Для этого используются особые слова, в традиционной японистике называемые именными послелогом, которые, по сути дела, являются существительными со значением части пространства: *уэ* 'верх', *нака* 'место внутри', *сита* 'низ'. Существительное, предшествующее именному послелогу, ставится в род, падеже (показатель *-но*), сам послелог может принимать форму того или иного падежа, так что в целом сочетание "существительное + именной послелог" выступает в роли того или иного члена предложения, что и демонстрируется в задаче.

Задание 1. 1. *Студент берет портфель из-под стола.* 2. *Книга в портфеле студента — учебник.* 3. *Верх коробки — крышка.*

Задание 2. 1. *нэко-ва цукуэ-но сита-дэ асобу.* 2. *сару-ва цукуэ-но уэ-кара хон-о тору.* 3. *гакусэй-ва дзю:тан-но уэ-ни кабан-о оку.* 4. *сару-ва цукуэ-но уэ-но хако-но нака-ни хон-о какусу.*

Задача № 2. Категория одушевленности/неодушевленности в япон-

* Названием задачи послужила часть многозначной фразы (сама имеющая два значения), приведенной в одной из работ Ю.Д. Апресяна: *Сплочение рабочих бригад вызвало осуждение товарища министра.* Эта фраза и послужила стимулом к составлению задачи.

ском языке отражается в сочетаемости существительных с глаголами бытия и местоимениями. Выбор вопросительных местоимений и глаголов осуществляется по приведенной ниже таблице.

люди	дарэ	имас
животные	нанн	
предметы		аримас

Ответ на задание 2: 1. кабура-но усиро-ни нани-га аримас ка? — асоко-ни нани-мо аримасэн. 2. А. кабура-но усиро-ни дарэ-га имас ка? — асоко-ни дзидзи-то оба:сан-то маго-га имас. Б. кабура-но усиро-ни нани-га имас ка? — асоко-ни дзутика-то нэко-то нэдзуми-га имас.

Задача № 3. Сложность этой задачи состоит в том, что для разбиения существительных на две группы требуется применение не одного, а двух критериев разных уровней: морфологического (род существительного) и семантического. Итак, в 1-ю группу попадают существительные мужского рода, обозначающие парные предметы, и существительные среднего рода, не имеющие значения парности; во 2-ю группу попадают существительные среднего рода со значением парности и существительные мужского рода без такого значения.

Выполнив задание 1. можно сделать вывод о том, что в древнерусском языке употреблялись разные формы для обозначения двух предметов (двойственное число) и большего числа предметов (множественное число). Существительные, обозначающие парные предметы, чаще употреблялись в форме двойственного числа, и именно эта форма у таких существительных сохранилась в качестве современной формы множественного числа.

Задача № 4. По моим подсчетам, фраза имеет более 800 смыслов. От решающего требуется, во-первых, найти в составе фразы неоднозначные фрагменты; во-вторых, учитывая неоднозначность фрагментов, подсчитать общее количество смыслов фразы. Это тоже нетривиальная задача, так как общее число вычисляется не простым перемножением разных смыслов фрагментов: не все смыслы фрагментов совместимы.

Укажу здесь лишь основные неоднозначные места фразы, не вызывавшие сомнений ни у кого из носителей русского языка.

Для разбора дано простое предложение со сказуемым, выраженным глаголом *заменят*. *Заменят* — трехвалентный глагол, имеющий валентности субъекта, объекта и адресата. Адресат может вычленяться шестью способами, включая его нулевое выражение: (*его (любимой (и милой (дочери (Марии))))*)).

Для каждого из шести способов вычленения адресата заполнение валентностей субъекта и объекта проводится двумя способами: и субъектом, и объектом может быть как именная группа слева от сказуемого, так и именная группа справа (это фраза типа *Мать любит дочь*).

В именной группе слева от сказуемого содержится двусмыслен-

ности двух типов: 1) *письма знакомой* (чьи? или кому?); 2) *письма из Киева* или *знакомой из Киева*.

В части фразы справа от сказуемого можно выделить следующие неоднозначные словосочетания:

1) *дочери Марии* — *дочери* (чьей?) *Марии* или *дочери по имени Мария*;

2) *любимой и милой дочери* — (*любимой и милой*) *дочери* или (*любимой*) и (*милой дочери*);

3) слово *его* может относиться как только к ближайшему слову *любимой*, так и ко всей последующей группе слов;

4) конструкция *фотографии X-а* имеет три смысла: а) 'фотографии, которые сделал X'; б) 'фотографии, которые имеет X'; в) 'фотографии, на которых изображен X'.

ЛИТЕРАТУРА

1. 200 задач по языковедению и математике. М., 1972.
2. *Журицкий А.Н.* Лингвистические задачи как форма проблемного обучения // Лингвистические основы преподавания языка. М., 1983.
3. *Журицкий А.Н.* Морфология языков банту в лингвистических задачах // *Аксенова И.С., Ветошкина Т.Л., Журицкий А.Н.* Классы слов в языках Африки. М., 1984.
4. *Журицкий А.Н.* Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. М., 1989.
5. *Журицкий А.Н.* О самодостаточных лингвистических задачах // Лингвистические проблемы преподавания русского языка как неродного. М., 1989.
6. *Журицкий А.Н.* Слово, буква, число: Обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. М., 1993.
7. Задачи по лингвистике. М., 1991. Ч. 1.
8. *Зализняк А.А.* Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. М., 1963.
9. Лингвистические задачи. М., 1983.
10. *Gleason H.A.* Workbook in descriptive linguistics. N.Y., 1955.

Н.К. Рябцева

МЕНТАЛЬНЫЙ МОДУС: ОТ ЛЕКСИКИ К ГРАММАТИКЕ

1. **Виды ментального модуса.** Ментальный модус — обязательный компонент научного текста, в нем сосредоточивается субъектность познания. Главное предназначение модуса — воплотить отношение субъекта к диктуму, придать ему необходимую эпистемическую определенность.

Субъект ментального мира может присутствовать в научном тексте явно или неявно, причем чем менее явно он присутствует, тем больше его вклад в организацию текста. Явное присутствие субъекта связано с ментальной лексикой, имплицитное — с "ментальной грамматикой". Ментальная лексика — это прямой способ референции к своим ментальным состояниям, "ментальная грамматика" — косвенный.

Рефлексия над своими текущими ментальными состояниями и составляет сущность ментального модуса. В научном тексте ментальный модус квалифицирует эпистемические сущности: объекты, намерения, действия по их воплощению и способ изложения содержания. Соответственно ментальный модус распадается на интенциональный, интенциональный, операциональный и коммуникативный.

Все эти четыре вида ментального модуса эпистемичны потому, что идентифицируют и квалифицируют элементы интеллектуальной деятельности — научного познания. Явное присутствие субъекта этой деятельности в тексте связано с эксплицитным ментальным модусом.

2. Экспликация модуса. Пиком, или "пределом", явного присутствия ментального субъекта в научном тексте выступает автореференция к своему ментальному миру, к текущему, актуальному ментальному состоянию. Автореференция — самый прототипический способ экспликации ментального состояния, ср.:

Как я думаю (считаю, полагаю); Насколько мне известно; Я ничуть не сомневаюсь в том, что Р. Пример: "Я считаю, что этнический юмор тоже связан с механизмом фреймов" (М. Минский).

Это эксплицитный интенциональный модус. Он однозначно квалифицирует интенциональное состояние субъекта: придает ему эпистемическую определенность, "выбранность", разграничивает знание и мнение, незнание и предположение.

Эксплицитный интенциональный модус — это самоквалификация и актуализация своих эпистемических намерений, потребностей, целей, рефлексия над интенциональным состоянием. Она разграничивает вынужденность ментальных действий или сознательно поставленную цель, ср.:

Я вынужден (должен), Мне необходимо — Моей целью является Р. Пример: «Я склонен считать, что человеческий разум состоит из множества более мелких "разумов"» (М. Минский).

Эксплицитный операциональный модус — это актуализация ментальных эпистемических действий: когнитивных — познавательных, и когитативных — мыслительных; "ментальная перформативность" (см. [8]; ср.[1]), демонстрация выполнения эпистемических действий, ср.:

Я предлагаю (отвергаю, изменяю) следующее определение этого явления: Р. Пример: "Я назову такую точку зрения точкой зрения энтузиаста компьютеризации" (Дж. Лакофф).

Эксплицитный коммуникативный модус — это кросс-референция к своей речи, к организации изложения, явное задание его рекурсии — линейной упорядоченности и прогрессии — вертикальной связности, организация изложения в единое целое, в рассуждение, ср.:

Как я уже говорила, Р; Я посвятил этому вопросу отдельный раздел; Об этом я скажу особо. Пример: "Я дал довольно общее определение сферы действия. Далее я рассматриваю конкретные случаи..." (М. Бирвиш).

Это метатекст в чистом виде.

Психологически прототипические формулы ментальных модусов не всегда уместны (см. [11]), обычно они редуцируются: автореференция к субъекту избегается, ср.:

Думаю, что уже пора идти; Представляю, как он обрадуется; Иначе говоря, Р и т.д. Пример: *"Полагаю, что самым общим элементом для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов"* (М. Минский).

3. Редукция эксплицитного модуса. Чаще всего модус редуцируется до формально бессубъектного или до безличного. Прототипические формулы, преобразуясь, приобретают дополнительные смыслы — оценочные, квалификативные, эмоциональные и пр., не теряя тем не менее исходного. Предикаты расщепляются на имена ментальных состояний и их лексические параметры (в смысле И.А. Мельчука) или превращаются в аксиологические операторы. Редуцированный ментальный модус часто употребляется вводно.

Интенциональный модус редуцируется до моделей вида:

Как представляется (считается); Как известно; Вызывает сомнения; Сомнительно (интересно, удивительно, важно, ясно, верно, понятно), что Р; Естественно (очевидно, неверно), что Р; Кажется (наверное, скорее всего), Р;

Эти сомнения (предположения, убеждения, взгляды) основаны на том, что Р; Гипотеза (концепция, постулат, тезис, факт, прогноз, заблуждение, парадокс, проблема) состоит в следующем: Р. Пример: *"К сожалению, рассуждения Фрейда не столь хорошо прилагаются к остроум-бессмыслицам"; "Главный тезис таков: логика здравого смысла зачастую оказывается ненадежной"* (М. Минский).

Интенциональный модус редуцируется до моделей вида:

Есть (возникла, существует, ощущается, назрела) необходимость (потребность, задача, проблема); Цель заключается в том, чтобы: Целесообразно (необходимо, нужно, желательно, стоит), что/чтобы Р. Пример: *"Недостаточно просто знать принципы построения рассуждений, надо знать, как их применять"* (М. Минский).

Операциональный модус редуцируется до моделей вида:

Предлагается (получается, выдвигается, отвергается) следующее определение: Р; Докажем (проанализируем, рассмотрим, вспомним) следующее положение: Р; Можно предположить (предложить, ввести, привести, построить, наметить) следующую гипотезу: Р; Вероятно (логично, следовательно, действительно), Р. Пример: *"Итак, мы можем сделать следующий вывод: шутки на самом деле вовсе не являются такой уж смешной вещью, — они отражают стремление человека к разумности"* (М. Минский).

Коммуникативный модус редуцируется до выражений вида:

Как уже говорилось (отмечалось, подчеркивалось), Р; Об этом речь пойдет ниже; Иначе (короче, проще, точнее) говоря, Р и т.п.

4. Импликация модуса. Ментальный модус может быть выражен не только эксплицитно, но и имплицитно. Импликация модуса исключает ментального субъекта из числа "действующих лиц": он уходит

"со сцены", но не выходит "из игры" — он становится "режиссером". Его ментальные состояния не актуализируются и не раскрываются, но это не значит, что они вовсе не присутствуют в тексте и не участвуют в его организации. Ментальный модус перехода в диктум и преобразует его: логический субъект высказывания изменяется, ментальный модус понижается в ранге, ментальная лексика переходит в ментальную грамматику.

Интенциональный модус, переходя в диктум, становится модальностью, ср. эксплицитно: *Я думаю, что пойдет дождь* — имплицитно: *Может пойти дождь; Я не думаю (сомнительно, есть серьезные аргументы против того), что у языка много предназначений — У языка не много предназначений.*

Импликация интенционального модуса сопровождается обнажением истинностного значения суждения с далеко идущими последствиями: его надо обязательно обосновать. В эпистемический фокус выводит-ся существо дела.

Интенциональный модус — явное указание на цель, намеренность, осмысленность, разумность эпистемических действий субъекта, имплицитно, заменяется на оценку последствий этих действий, ср. эксплицитно: *Нужно (следует, необходимо, целесообразно) / Цель состоит в том, чтобы разграничить явления А и В* — имплицитно: *Явления А и В не следует/нельзя отождествлять, потому что (иначе, в противном случае, обратное будет препятствовать)...*

Импликация интенции сопровождается обнажением каузальной связи между задуманным и его последствиями: их нужно предъявить, продемонстрировать, аргументировать. Субъект как бы вынуждает себя следовать логике объяснения, изложение "самоорганизуется", задается его прогрессия.

Операциональный модус — выполнение ментального действия, уходя в подтекст диктума, заменяется предъявлением результата этого действия, ср. эксплицитно: *Рассмотрим (сравним, проанализируем, сопоставим) игры и анекдоты...* — имплицитно: *Игры и анекдоты во многом сходны. [Они помогают избежать ошибок и заблуждений]* (М. Минский)

Объект ментальных операций становится субъектом или предикатом логических отношений, все участники которых должны быть предъявлены. Главный из них — основание логического вывода, ср.: *Игры и анекдоты сходны потому, что (в том, что; так как) Р.* Пример: "Юмор, подобно играм, стоит на службе многих потребностей и затрагивает многие механизмы, а именно: он фокусирует внимание тем, что..." (М. Минский).

Коммуникативный модус, собственно метатекст, имплицитно, преобразуется в линейные и вертикальные смысловые связи и вызывает реорганизацию высказываний и их последовательности, структурируя изложение, ср. эксплицитно: *Выше уже говорилось, что у языка много предназначений*, имплицитно: *«У языка не только много предназначений, у него еще много способностей. Язык формирует концепты... Язык способен и на "преступные" действия»* (Н.Д. Арутюнова).

Импликация метатекста обнажает концептуальные связи внутри текста — за счет эмфазы, частиц, союзов, коммуникативного, структурного и формального выделения, значимого повтора и мн. др.

5. Перевод ментальной лексики в ментальную грамматику. Импликация ментального модуса понижает его в ранге, но зато повышает статус самого ментального субъекта. Операция импликации — не механическая, а в высшей степени интеллектуальная: это перевод интуитивного в логическое, субъективного в объективное, предположений в убеждения, намерений в результат, смысловых связей в концептуальные, формальных в структурные, мнения в знание.

Само существование ментального модуса вызвано этими противопоставлениями. Через модус субъект определяет свое отношение к диктуму, выбирает, объясняет и предъявляет способ воспроизведения результатов рассуждения. Присутствие ментального модуса в научном тексте обязательно, но оно не обязательно должно быть эксплицитным. Скорее наоборот: лишние слова далеко не безобидны.

"Существует принципиальная разница между словами и предложениями, стоящими рядом и разобщенными. Промежуточное, дополнительное, вставное суждение, вклиниваясь между причиной и следствием, разрушает их прямую связь, нагромождая вместо нее свои, избыточные, связи, становящиеся помехой, информационным шумом" [5, 10]. Можно сказать: *Целью нашего исследования является установление адекватности широко распространенного представления о том, что у языка много предназначений, а можно: У языка много предназначений. У первого предложения может быть любое продолжение, у второго — только одно: то, что будет означать "а именно следующие..."*

Импликация модуса, перевод ментальной лексики в "ментальную грамматику" упрощает изложение, обнажает авторскую позицию, разворачивает текст не за счет метатекста, а благодаря внутренним каузальным связям, делает изложение более концептуально насыщенным.

Пределом перехода ментальной лексики в ментальную грамматику служит математическое рассуждение, ср.: Пусть $X = Y$; если $X = Z$, то $Z = Y$. Это как бы "вырожденный", самый крайний случай; он пригоден только в специфических областях — там, где возможна числовая интерпретация. В большинстве нематематических рассуждений такая однозначность — лишь идеальный случай. В них всегда эллипсис сопровождается избыточностью, логика — интуицией, исчисление — приближением, наблюдение — воображением. Поэтому эксплицитный ментальный модус полностью не устранить — он облегчает интерпретацию текста, задает его явное прочтение, компенсирует нестрогую последовательность изложения, повышает его связность.

В лингвистическом (научном) плане ментальный модус может служить не только способом исчисления состава ментальной лексики, но и алгоритмом изучения метадискурса (ср. [9]).

Эксплицитный ментальный модус выражается эпистемическими предикатами пропозициональной установки, эпистемическими метаимена-

ми и аксиологическими операторами. Их значения взаимосвязаны и обуславливаются ментальными состояниями, рефлексией которых они выступают [7]. Соответственно вся ментальная лексика распадается на интенциональную, интенциональную, операциональную и (мета)коммуникативную. (Дальнейшая таксономия составляет отдельный вопрос. Она проявляет взаимодействие ментальных состояний: их рекурсию — последовательный переход предшествующего в последующее, и прогрессию — наращивание смысла одного благодаря другому.)

Референты ментального модуса находятся в тексте. Ментальная лексика — это потенциальный источник метатекста, точнее, метадискурса. Коммуникативный заряд ментальной лексики — ключ к исчислению метадискурса, алгоритм предсказания, какие элементы могут стать метадискурсом и почему. Кроме того, ментальная лексика — самый надежный инструмент моделирования ментальных состояний, реконструкции ментального мира — центральной проблемы когнитологии (см. [14; 16]).

Импликация ментального модуса — это передача его прямых функций средствам, которые способны выполнять их косвенно. Косвенно — не значит хуже. Косвенные средства — значит предназначенные для другой цели, но способные выполнять и данную, работающие как бы по совместительству, берущие на себя дополнительную нагрузку и потому более содержательные, несмотря на то что внешне они формальны. Это предлоги, союзы, частицы. Богатство их синтаксических, семантических и прагматических свойств, способность выражать презумпции и импликации говорящего и составляет сущность "ментальной грамматики". Без них невозможно рассуждение. Ср.: *Американская школа богата не потому, что богата Америка, это Америка богата потому, что богата американская школа*. Противопоставление, контраст, опровержение сконцентрированы здесь в одном маленьком местоимении *это*.

Кроме того, в психологии давно замечено, что косвенные способы передачи смысла действуют сильнее, чем прямые. Свидетельство тому — шутки, анекдоты, афоризмы; они действуют как бы на подсознание и подразумевают автоматически логический вывод, вычитание подтекста [3].

6. Модус и стиль. Лексикализация модуса — самый простой способ построения текста, придания ему эпистемической определенности. Его грамматикализация — гораздо более сложный, хотя и направлен на упрощение изложения.

Импликация ментального модуса — преобразование его в диктум — это де-субъективация, особый прием изложения, проявление индивидуального стиля мышления.

Де-субъективация — не единственный способ преобразовать изложение. Следующий шаг — "драматизация". Этот прием также связан с психологией общения; он воздействует на воображение, чувства, эмоции и содействует "осознанию через прочувствование"

[5]. Такой эффект достигается, когда в отношения между мыслями или объектами вводится эмоциональный смысл, наделяющий их как бы чувствами или даже страстями. Драматизация — это экспрессивное представление ситуации: несоответствия — как противоречия или конфликта, отличий — как уникальных особенностей и т.п., ср.: "Радость абсолютно бесплотна, и тем не менее для языка она абсолютная реальность" (А.Б. Пеньковский); "В языке идет внутренняя борьба за передел концептуального пространства" (Н.Д. Арутюнова); "В скучном научном изложении повинен не сам научный стиль, а плохое владение им" (В.З. Коган); "В этой области сложилась ситуация крайней раздробленности, распыленности знания" (Р.С. Газарх).

Казалось бы, такая незначительная деталь, как смена логического субъекта, не может повлечь за собой серьезных изменений и уж тем более придать тексту выразительность и авторскую индивидуальность. Однако именно де-субъективация изложения позволяет сделать следующий шаг — передать психологию познания, драматизм поиска истины, дать прочувствовать активное отношение субъекта к изложению, проявить творческое начало.

Де-субъективация и драматизация — не единственные приемы изложения, способствующие простоте и выразительности речи. Их использование, конечно, не гарантирует полного успеха взаимопонимания, но помогает его достичь.

Подробнее о ментальных состояниях см. [13; 15; 16]; о различных типах модуса — [2]; о частицах и союзах — [6; 4]; о метадискурсе — [10]; о рефлексии — [12; 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
3. Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного. Ереван, 1983.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации: когнитивный подход: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1990.
5. Газарх Р.С. Коммуникативная композиция текста: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987.
6. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
7. Рябцева Н.К. Ментальные перформативы в научном дискурсе // ВЯ. 1992. № 4.
8. Рябцева Н.К. Мысль как действие, или риторика рассуждения // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
9. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
10. Crismore A. Talking with readers: Metadiscourse as rhetorical act. N.Y., 1989.
11. Hübler A. Understatements and hedges in English. Amsterdam, 1983.
12. Johnson-Laird P.N. The computer and the mind: An introduction to cognitive science. L., 1989.
13. Levy D.M. Communicative goals and strategies: between discourse and syntax // Syntax and semantics. N.Y. 1979. Vol. 12.
14. Montefiore A. Reflexivity and responsibility // Phenomenology and beyond: The self and its language. Dordrecht, 1989.
15. Pylyshyn Z.W. Computation and cognition: Towards a foundation for a cognitive science. MIT, 1984.
16. Searle J.R. Minds, brains, and science. Harward, 1984.

ЛЕКСИКА ЦЕЛЕСООБРАЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОПЫТ ОПИСАНИЯ)

Постановка задачи

Данная работа представляет собой попытку наметить принципы описания целесообразной деятельности (ЦД). Отправным пунктом любого целевого акта является желание [9]. При этом источником деятельности может быть как желание того, чтобы что-то произошло, так и желание избежать или предотвратить какую-либо ситуацию.

Последующие этапы деятельности субъекта отражает общая схема ЦД, приведенная в работе [9] и находящая подтверждение в исследованиях ЦД с позиций философии (ср. [15]), психологии и искусственного интеллекта:

- предположение — практическое рассуждение (ПР): соотнесение желания со структурой пути к его удовлетворению [3, 4] и с "потенциалом" субъекта — теми реальными возможностями, которые он может употребить для достижения желаемого;

- обдумывание — "взвешивание", т.е. оценка неизбежных или возможных побочных эффектов от деятельности, направленной на удовлетворение желания;

- решение — положительный или отрицательный результат оценки;
- намерение;
- действие.

Приведенные установки естественно рассматривать как аналог предметной области ЦД, на которую можно опираться при системном истолковании лексики целеполагания. Идея истолкования лексических единиц, исходя из описываемой ими предметной области, принадлежит Ю.С. Мартемьянову, предложившему "проникнуть в слово от предметной области" [7]. Главный принцип такого подхода применительно к ЦД состоит в том, что при семантическом описании лексики ЦД должны освещаться: 1) стадия ЦД, которую отражает толкуемый предикат; 2) ретроспективное отражение предшествующих стадий и их специфичности.

Исходя из идеи стадийности любого целевого акта, мы в то же время не настаиваем на жестко детерминированной временной последовательности прохождения каждого этапа. В повседневной практике бывает трудно отличить одну стадию от другой и последовательность их реализации легче представить на чисто логическом уровне. В то же время любое завершенное целевое действие так или иначе проходит все стадии. Например, из фразы (1) *Иванов поехал в Москву* следует, что: 1) либо у Иванова было желание побывать в Москве, либо пребывание в Москве является условием (или одним из условий) удовлетворения некоторого желания Иванова; 2) Иванов располагал возможностями для того, чтобы оказаться в Москве; 3) поездка в Москву, по мнению Иванова,

не была для него чревата какими-либо нежелательными последствиями; 4) все изложенное в п.п (1—3) привело Иванова к решению ехать в Москву, которое он и реализовал. При этом прохождение всех этих этапов осуществлялось, скорее всего, "штатно" и не было надобности специально отражать каждую стадию.

В то же время основная масса лексик **ЦД** так или иначе привязана к определенным звеньям соответствующей схемы. Для большинства глаголов **ЦД** можно указать, все ли стадии данного целевого акта уже пройдены, и если нет, то какая именно стадия находится в фокусе описания рассматриваемого глагола. Например, глагол *Х вознамерился В* констатирует, что субъект прошел этапы "чистого" желания, предположения, взвешивания, приведшего к положительному решению, возможно, уже наметил время начала действия, но еще не приступил к реализации своего намерения. Глагол *Х решил на В* констатирует прохождение тех же стадий, но о том, приступил ли *Х* к выполнению *В*, ничего не сообщается. Глагол *Х рискнул В* фиксирует не только прохождение всех предшествующих этапов целеполагания, но и факт реализации намерения субъекта. В случае же *Х колеблется, делать или не делать В* сообщается, что субъект продвинулся только до стадии взвешивания.

Отражение специфики прохождения этапов **ЦД** в значениях лексических единиц

Если семантика предиката **ЦД** указывает на то, что уже пройден ряд этапов (или даже все этапы) целевого акта, в его значении — часто ретроспективно — отражается специфичность прохождения какой-либо более ранней стадии. При этом, как правило, имеется в виду, что остальные стадии были пройдены нормативно. Например, если в семантический фокус лексической единицы попадают те или иные аспекты прохождения этапа **ПР**, то подразумевается, что у субъекта не возникало проблем на этапе обдумывания, т.е. соответствующий способ достижения целевой ситуации был оценен положительно. И наоборот, если предикат акцентирует особенности этапа взвешивания, то, значит, субъект располагал достаточным потенциалом для осуществления данной акции.

1. Этап ПР. Семантика многих предикатов **ЦД** апеллирует к особенностям прохождения стадии **ПР**. Часто путь к достижению целевой ситуации *А* имеет компонентную структуру. При этом может оказаться, что субъект располагает возможностями для выполнения только одного из слагаемых пути (*В*), а реализация другого слагаемого (*С*) от него не зависит. Однако, приняв во внимание, что фактор *С* по какой-либо причине имеет место (или должен, может произойти без его участия), субъект реализует зависящий от него фактор *В*. Тем самым он обеспечивает наличие второго из двух необходимых слагаемых, "суммирование" которых и приводит к достижению целевой ситуации *А*. Такие особенности этапа **ПР** характеризуют семантику глаголов и предикатных оборотов типа *воспользоваться*

(тем, что *С*), быть кстати (*С*), улучшить момент (когда *С*). Оба фактора могут быть как независимыми друг от друга, так и зависимыми (осуществление *В* может зависеть от реализации *С*, но не наоборот). Напротив, предикаты и обороты не воспользоваться (тем, что *С*), упустить возможность, упустить момент (когда *С*) описывают антонимичную ситуацию: в то время, когда имел место не зависящий от субъекта компонент *С*, он не "суммировал" с ним компонент *В*, который был ему по силам, из-за чего целевая ситуация *А* осталась недостигнутой. Значение адвербиального предикатива в надежде (на *С*, *В*) указывает на то, что субъект, считая высоковероятным осуществление не зависящего от него фактора *С*, не дожидаясь этого, реализует доступный ему фактор *В*, тем самым обеспечивая их последующее суммирование (если его надежда осуществится). Предикат *выжидать* (пока *С*), наоборот, констатирует, что субъект не приступает к *В* до тех пор, пока не произойдет ожидаемое *С*. Наконец, предикатный оборот *В потеряло (утратило) смысл* сообщает, что дальнейшая деятельность *В* уже не ведет к цели, поскольку фактор *С* перестал иметь место.

Ситуация, в которой субъект не знает, как достичь цели *А*, отражается в семантике предикатов *пытаться*, *пробовать*, *наобум*:

Х пытается 1 А \approx 'Х прилагает ресурсы для каузации *А*, не имея уверенности в том, что количество прилагаемых ресурсов достаточно для *А*';

Х пытается 2 А \approx 'Не располагая готовыми сведениями о том, как достичь *А*, *Х* прилагает интеллектуальные усилия, чтобы сформировать представление о доступном пути *В* к *А* и осуществить *А*';

Х пробует 1 А \approx 'Х пытается 1 *А*' — ср. (2) *Он пытается (пробует) сдвинуть шкаф*;

Х пробует 2 А \approx 'Х пытается 2 *А*' — ср. (3) *Он пытается (пробует) решить задачу*;

Х пробует 3 В \approx 'Придя к мнению о том, что если предпринять *В*, то, возможно, будет достигнуто *А*, *Х* предпринимает *В*. При этом *Х* рассчитывает однозначно установить, верно ли то, что если *В*, то *А*' — ср. [4, 74]. Ср.: (4) *Он пробует применить логарифмирование (действовать через директора)*. Обратим внимание, что у данного предиката переменная *В*, именующая предполагаемый способ осуществления *А*, невыразима в моделях управления *пробовать 1* и *пробовать 2*, т.е., согласно [1], является сильной семантической и нулевой синтаксической валентностью. С другой стороны, в модели управления *пробовать 3* не реализуется валентность целевой ситуации *А*;

наобум В (Х) \approx 'Желая *А*, *Х* предпринимает *В*, не имея никаких оснований считать, что если *В*, то *А*'.

2. Этап "Взвешивание". Многие лексические единицы ЦД отражают специфику прохождения этапа обдумывания (взвешивания). Предикаты *Х-у приходится А*, *х вынужден А*, *х неохотно А* акцентируют внимание на нетривиальности прохождения данной стадии: здесь субъект принимает решение о деятельности, ведущей к ухудшению показателей одного из его параметров, ради того, чтобы улучшить

или не ухудшить состояние другого, более важного (базисного), параметра. В итоге это должно обеспечить неухудшение общего состояния субъекта, т.е. не поколебать его общую (холистическую) оценку [2].

Предикативы *осторожно, осмотрительно*, констатируя фазу непосредственного выполнения действия, указывают также на специфичность этапа взвешивания — предвидя возможные побочные эффекты от своей деятельности, субъект принимает ряд мер, которые, с его точки зрения, будут способствовать их нейтрализации. Глаголы *застраховаться (от С)*, *предусмотреть*, адвербиальный предикатив *предусмотрительно (В)* констатируют, что в результате обдумывания субъект принял меры, гарантирующие нейтрализацию нежелательных побочных эффектов, благодаря чему при взвешивании их можно не принимать во внимание. Глагол *подстраховать (X, Y от С)* указывает на "кооперативный" режим аналогичной процедуры — когда для гарантированной нейтрализации возможных побочных эффектов С предпринятого действия его субъект прибегает к помощи другого лица X. Адвербиальные предикативы *неосторожно (А)*, *неосмотрительно (А)*, *непредусмотрительно (А)*, *опротечиво (А)*, констатируя осуществление действия, ретроспективно указывают, что, с точки зрения говорящего, этап обдумывания действия был пройден субъектом неадекватно, поскольку он недооценил реальные побочные эффекты предпринятой акции. Ср. в связи с этим предикатив *смело (А, X)*, который указывает, что субъект предпринимает А вопреки тому, что отдает себе полный отчет в его побочных эффектах (опасности для себя), вызывая этим одобрение говорящего. Глагол *передумать (X, А)* сообщает, что в результате повторного взвешивания субъект счел предпочтительным отказаться от первоначального решения, а *одуматься (X)* констатирует пересмотр субъектом своего прежнего решения, которое с общепринятой точки зрения должно рассматриваться как абсурдное. Предикат *отговаривать (X, Y-ка от А)* содержит указание на кооперативный режим взвешивания, когда другое лицо (X) пытается повлиять на субъекта целеполагания, чтобы изменить его решение — убедить его в том, что побочный эффект от задуманного действия "перекроет" пользу от результата.

3. Этап "Намерение". Важными лексическими средствами, фиксирующими стадию намерения, т.е. констатирующими успешность прохождения этапов желания, ПР и взвешивания, являются предикаты *собираться* и *намереваться*. Презумптивная часть их толкований содержит указания на то, что субъект располагает необходимыми возможностями для достижения цели. Так, нормальное восприятие фраз типа (5) *Анна собирается (намерена) выйти за Васю замуж* предполагает выполнение презумпции о том, что Вася сделал Анне предложение. Станным выглядит предложение (6) *Он собирается (намерен) защитить диссертацию* (при вполне нормальном (7) *Он собирается (намерен) защищать диссертацию*). Причина аномальности (6) — в неочевидности выполнения условия координации: успех действия предполагает положительное отношение к соответ-

ствующей акции всех ее контрагентов (включая и ВАК), а оно не может возникнуть заранее.

Семантические различия между *собираться* и *намереваться* связаны со спецификой прохождения этапа взвешивания. Хотя оба глагола констатируют положительный итог взвешивания задуманного действия, *намереваться* в отличие от *собираться* предполагает невынужденность соответствующего решения. В связи с этим выглядят, например, странными высказывания, в которых подчиненный предикат при *намереваться* обозначает выполнение той или иной нормативной обязанности перед социумом, к которому принадлежит субъект. Фраза (8) *Он намерен идти в армию* воспринимается нормально, если подчиненная предикация подразумевает военную карьеру, но никак не срочную службу, не имеющую свободного выбора. А предикат *собираться* не содержит такого ограничения.

Диалогические предикаты

Лексика целесообразной деятельности может подразделяться по крайней мере на два типа:

1) дескриптивные предикаты, объективно отражающие тот или иной целевой акт или его этап. Все рассмотренные выше лексические единицы относятся к дескриптивным предикатам;

2) "диалогические" предикаты, предикаты прямой речи, которые, отражая целевой акт или стадию ЦД, кроме того, несут печать субъективности личности говорящего и по своей природе близки к перформативам. Диалогический предикат всегда однозначно диагностирует контекст диалога, реального или воображаемого. Тем самым соответствующая реплика входит в один из этапов целевого действия. Таким образом выражается кооперативный этап ЦД, когда говорящий то ли становится непосредственным субъектом целеполагания, то ли выполняет роль советчика ("душеприказчика") практически на любой стадии ЦД, осуществляемой адресатом.

Часто диалогический предикат может выполнять ту же семантическую функцию, что и дескриптивный, отличаясь от него только режимом употребления. Предикат *отговаривать*, как уже отмечалось, соотносится с этапом кооперативного взвешивания. Ту же функцию выполняет отрицательная форма предиката *стоит* в диалогическом режиме: (9) *Не стоит туда ходить*. В то же время утвердительная форма данного предиката в речематической позиции выполняет функцию положительного кооперативного взвешивания: (10) *Туда пойти стоит* = "То, что туда стоит пойти, верно".

Предикат *советовать* дескриптивно отражает кооперативный этап ПР, связанный с предоставлением субъекту целеполагания информации о способе достижения поставленной цели. Сходную функцию, но в диалогическом режиме имеет безличный глагол *следует*, где кооперативным участником является сам говорящий: (11) *Вам следует поехать в Москву*. Как справедливо отмечается в работе [6], отличительной особенностью данного предиката является его связь с

некоторым готовым "писаным или неписаным" правилом. При этом предложения, в которых фигурирует референтная адресатная валентность *следует*, выполняют функцию ссылки на данное правило в связи с конкретной целью, которую преследует субъект, — ср. (11), а также (12) *Вам следует обратиться к врачу*. В других случаях, при нереализации валентности адресата или ее нереферентном статусе, а также явном или неявном указании на вид неактуализованной цели, высказывание отождествляется с самим общим правилом: (13) *Перед едой следует мыть руки; Обращение следует выделять запятой*.

Отрицательные формы предикатов *советовать* и *следует* соответственно маркируют дескриптивный и диалогический режимы этапа кооперативного отрицательного взвешивания — ср.: (14) *Иван не советует ему ехать в Москву* и (15) *Вам не следует ехать в Москву*. В то же время с оценочным этапом взвешивания может соотноситься и утвердительная форма *следует*, если его подчиненный предикат обозначает "чисто" ментальное действие, Ср. в связи с этим еще один пример из работы [6]: (16) *Ему следовало хорошенько подумать, прежде чем принять такое решение*, где функция данного глагола (указание на необходимость адекватного взвешивания) подкрепляется самым значением предложения.

Адвербиальные предикативы *В правильно*, *В неправильно* выступают в функции истинностных оценок, констатирующих, соответствуют или не соответствуют предпринятые (предпринимаемые) субъектом шаги общему правилу, следование которому обеспечивает оптимальное достижение цели, стоящей перед субъектом (то или иное отклонение от правила оценивается как "иррациональное поведение").

Функции диалогических предикатов внутри проблематики ЦД достаточно разнообразны. Так, с этапом ПР соотносится множество лексических средств, констатирующих, что выбранный субъектом способ достижения желаемого является неверным. Ср. такие лексемы, как *В бессмысленно*, *В бесполезно*, *В бесперспективно*, имеющие общую логическую структуру вида: 'То, что *А* будет достигнуто, если предпринять *В*, неверно'. Предикатив *В чревато* *С* фиксирует момент обдумывания, когда внимание субъекта сосредоточено на нежелательном побочном эффекте *С* от предполагаемой деятельности *В*. Предикативы *дорого В*, *некогда В* отражают момент отрицательного взвешивания акции *В*, мотивируемого соответственно дефицитом материального и временного ресурса.

В определенных контекстах противопоставление дескриптивных и диалогических предикатов нейтрализуется и диалогические предикаты приобретают статус дескриптивных. Так происходит, например, при введении во фразу специальных средств, указывающих на расхождение времени речевого акта и времени уже предпринятого действия, когда высказывание выполняет функцию сообщения, основанного на объективном знании: (17) *Поездка оказалась бесполезной (бессмысленной, бесперспективной, нецелесообразной)*.

В противоположность диалогическим дескриптивные предикаты более "семантически". Они, как правило, самодостаточны, однозначно определяя тот или иной этап ЦД. Диалогические предикаты часто

не обладают такой самодостаточностью, и их реальная функция может быть распознана только благодаря специфике подчиненной предикации (имеется в виду семантическое, а не синтаксическое подчинение). Это положение особенно наглядно иллюстрируется на материале высказываний, образуемых адвербиальным предикативом *нельзя А*. Предикатив *нельзя А* часто употребляется в диалогических репликах, кооперативно апеллирующих к некоторым "готовым рецептам", рекомендациям, соотносимым то ли с ПР, то ли со взвешиванием. Подобное размежевание этапов ЦД возможно для таких семантических актантов *нельзя*, которые: а) служат обозначением достаточно конкретных действий (принадлежат конкретной, а не абстрактной лексике); б) имеют регулярные формы совершенного и несовершенного вида, образуя видовые пары, в которых формы СВ и НСВ в сочетании с *нельзя* употребляются в значении гипотетического достижения соответствующего результата (предела) [8]. В этом случае сочетание *нельзя* + $V_{inf. св.}$ соотносится с кооперативным этапом ПР, когда говорящий сообщает субъекту целеполагания, что задача, которую тот поставил перед собой, не имеет решения — не существует способа, посредством которого эта акция может быть осуществлена: *нельзя открутить кран, нельзя открыть заглушку*. Сочетание *нельзя* + $V_{inf. нсв.}$ соотносится с кооперативным этапом взвешивания, в ходе которого говорящий побуждает субъекта ЦД отказаться от задуманной акции, поскольку побочный эффект перекроет ее целесообразность. При этом подобные реплики, естественно, опираются на прагматическую презумпцию принципиальной возможности осуществления соответствующего действия: *нельзя откручивать кран, нельзя открывать заглушку*.

Отмеченные функции видового противопоставления семантического актанта *нельзя* сохраняют свою силу и в более сложных конструкциях, распространенных оборотами с предлогом *без* и отрицательными деепричастными оборотами: (18) *Переход к полному запрещению ядерного оружия нельзя осуществить без большого числа стратегических политических условий*; (19) *Сталину ничего нельзя доложить, не заручившись поддержкой Берия*, где предложный или деепричастный оборот конкретизирует условие (большое число стратегических политических условий, поддержка Берия), необходимое для осуществления действия, выраженного подчиненной предикацией, т.е. соотносится с этапом ПР. С другой стороны, аналогичная конструкция с формой $V_{inf. нсв.}$ семантического актанта *нельзя* соотносится с рекомендациями этапа взвешивания: (20) *Сталину ничего нельзя докладывать, не заручившись поддержкой Берия*, где отрицательный деепричастный оборот указывает на необходимое условие положительной оценки задуманного действия (при том, что его осуществление считается в принципе возможным). Ср. также: (21) *Нельзя рушить структуры исполнительной власти, не имея ничего взамен*.

Употребление аналогичной конструкции с обстоятельством условия апеллирует к готовым правилам взвешивания, предписывающим отказ от действия. В этих случаях обстоятельство конкретизирует условие, при котором соответствующая акция должна быть оценена отрицатель-

но ввиду ее неизбежного неприемлемого побочного эффекта: (22) *Нельзя вводить глюкозу при голодовке*.

В то же время для неопредельных глаголов, не имеющих парных форм СВ [8], такое соотношение нарушается. Рассмотрим в качестве примера неопредельный глагол *служить* в высказывании: (23) *Нельзя служить Богу без верности нравственным заветам*, который получает однозначную ПР-интерпретацию. Действительно, оценочная графтовка (23), вроде бы естественная для формы НСВ *служить*, блокируется аксиомой о том, что человек должен служить Богу безоговорочно. Поэтому предложное обстоятельство однозначно воспринимается как условие выполнения соответствующего действия: 'Необходимым условием осуществления служения Богу является верность нравственным заветам'.

В других случаях общее значение конструкций с *нельзя* индивидуализируется подчиненной предикацией. Высказывания типа (24) *Нельзя медлить с В*, (25) *Нельзя ждать, пока С* выполняют функцию побуждения. При этом акцентируется, что возможность достижения цели *А* является временной ввиду временного существования фактора "не *С*", с которым нужно успеть совместить деятельность *В*.

Представляет интерес рассмотрение таких конструкций *нельзя А*, в которых *А* содержит скрытое отрицание — ср. (26) *Нельзя этого допустить*, где *допустить* = 'не предотвратить'. (26) выполняет функцию побуждения к предотвращению ситуации, которую выражает подчиненная предикация при *допустить*. При этом (26) опирается на презумпцию о том, что адресат располагает достаточным потенциалом для выполнения данного побуждения. Подчеркнем, что этот призыв апеллирует к начальному этапу целеполагания. Действительно, предикат *предотвращать А*, во-первых, указывает на негативность *А* (в том числе и для слушающего) и, во-вторых, имеет презумпцию необходимого наступления *А* (если ничего не предпринять). Первого и второго достаточно, чтобы вызвать у слушающего нежелание *А*. Это и служит говорящему мотивацией для побуждения адресата к предотвращению *А*. Употребление формы НСВ семантического актан-та (*допускать*) обычно указывает не на фактивную, а гипотетическую модальность осуществления соответствующей угрозы. Ср.: (27) *Нельзя этого допускать*, имеющее характер общей рекомендации: 'В случаях, когда возникает возможность *А*, ее следует предотвращать'.

В качестве еще одного примера семантического актан-та со скрытым отрицанием рассмотрим глагол *стесняться*: (28) *Нельзя этого стесняться*. *Стесняться В* является предикатом отрицательной оценки, указывающим на отказ субъекта от действия из-за опасения, что оно нанесет вред его репутации, а это, по мнению субъекта, подчеркнет целесообразность самого действия. Общее значение (28) имеет функцию побуждения к отказу в подобных случаях от стереотипа отрицательной оценки, поскольку: 1) с точки зрения более объективной шкалы ценностей (которой придерживается говорящий) стеснительность в этих случаях является неуместной; 2) с точки зрения этой же ценностной шкалы невыполнение действия наносит субъекту ущерб.

Список типов интерпретаций конструкций с *нельзя* остается открытым. В каждом случае семантическая трактовка высказывания зависит от взаимодействия предикатива *нельзя* со значением его семантического актанта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
2. Арутюнова Н.Д. Сравнительная оценка ситуаций // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. № 4.
3. Дорофеев Г.В., Мартемьянов Ю.С. Логический вывод и выявление связей между предложениями в тексте // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1969. Вып. 12.
4. Жолковский А.К. Лексика целесообразной деятельности // Там же. М., 1964. Вып. 8.
5. Ишмуратов А.Т. Логический анализ практических рассуждений. Киев, 1987.
6. Кобозева И. М., Лауфер Н.И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
7. Мартемьянов Ю.С. Заметки о строении ситуации и форме ее описания // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.
8. Падучева Е.В. К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значение // ВЯ. 1991. № 6.
9. Ыйм Х. Решения, действия и язык // Учен. зап. Тартуского ун-та. 1978. Вып. 472: Проблемы моделирования языковой интеракции.

Н.Д. Арутюнова

ВТОРИЧНЫЕ ИСТИННОСТНЫЕ ОЦЕНКИ:
ПРАВИЛЬНО, ВЕРНО

I

Лейбниц распространил сформулированный им закон о взаимозаменяемости кореферентных имен с сохранением истинности суждения (*salva veritate*) на высказывания. "Я говорю, — писал он, — что высказывания *совпадают*, если одно может быть подставлено вместо другого без нарушения истины, т.е. если они заключают в себе друг друга" [1, 580]. Правила отождествления высказываний построены Лейбницем на принципе рефлексивности, эксплицирующем истинностную оценку и помещающем ее во внешнюю позицию: «Совпадают: (прямое) высказывание L и (рефлексивное) высказывание "L истинно". Отсюда совпадают: "Истинно (ложно), что L истинно" и "Следовательно, L истинно (ложно)" и т.д.» [там же]. Предикаты *истинно* и *ложно* имеют в качестве своего субъекта пропозицию, в которой уже присутствует значение истинности. Они выражают, таким образом, вторичную оценку, которая не всегда совпадает с первичной. Истинностные оценки могут итерироваться сколь угодно большое число раз, создавая цепочки эквивалентных высказываний: *истинно, что p* = *истинно, что p истинно* = *истинно, что истинно, что p истинно* и т.д. "Последнее слово" всегда принадлежит предикату, занимающему крайнюю (наиболее внешнюю) позицию: он производит акт супероценки (*supervaluation*) (см. об этом [4]).

В логическом смысле порядок расположения отождествляемых высказываний, как показывают ряды, приводимые Лейбницем, не существен, однако он безразличен для хода теоретического рассуждения, с одной стороны, и реальных процессов коммуникации — с другой.

Анализ научного мышления привел Г. Фреге к разграничению мысли (внечувственного объекта, к которому может быть применено понятие истинности), суждения и утверждения. "Итак, — писал он, — мы будем различать: 1) формулирование мысли — мышление (*Denken*), 2) констатацию истинности мысли — суждение (*Urteilen*), 3) выражение этого суждения — утверждение (*Behaupten*). Построение общего вопроса относится к первому этапу этого процесса. Прогресс в науке обычно происходит так, что вначале формулируется мысль, выражаемая, например, в виде общего вопроса, и только впоследствии, после необходимых исследований, эта мысль признается истинной. Констатацию истинности мы выражаем в форме

утвердительного предложения. При этом слово *истинный* нам не требуется. И даже если мы употребим это слово, собственно утверждающая сила принадлежит не ему, а форме утвердительного предложения как таковой" [2, 24—25]. Итак, исходным пунктом идеальной модели научного мышления является мысль, характеризующаяся дизъюнкцией истинности и ложности, т.е. проблема или гипотеза, а конечной целью — утверждение ее истинности или ложности. Предполагается, что выбранная в качестве отправной точки мысль может быть либо доказана, либо опровергнута.

В повседневной речи далеко не каждое высказывание верифицируемо. В ней выражаются мнения, предположения, оценки, прогнозы и общие суждения о жизни. Их нельзя проверить, но они претендуют на истинность. Их истинностное значение может стать предметом обсуждения и обдумывания. "Другой" ее часто оспаривает, выдвигая свою супероценку. Общение легко превращается в затянутую верификацию неверифицируемых суждений или выяснение истинных мыслей собеседников [3].

Таким образом, значение истинности в обыденной речи релевантно для гораздо более обширного круга высказываний, чем это допускает теоретическое рассуждение. Его обслуживает большой набор предикатов. Назовем выражаемую ими оценку квазиистинностной. Она (для большинства предикатов) допускает градуирование.

Вторичная истинностная оценка реализуется не грамматическими, а лексическими средствами языка. Последние многообразны и тонко дифференцированы. Так, в русском языке значение истинности выражают предикаты: *правда, истина, истинно, верно, достоверно, точно, правильно, справедливо, факт, несомненно, так, так и есть* и нек. др. Создаваемые ими квазиистины едва ли не важнее фундаментальных научных истин. Они ориентируют людей в жизни и лежат в основе их практического мировоззрения.

В отличие от теоретического рассуждения, завершающегося истинным утверждением, текущее мышление и общение нередко начинаются именно с утверждения, за которым может следовать реакция возмущения или поддержки, согласия или несогласия, одобрения или обвинения. Причины прагматизации вторичной истинностной оценки очевидны. Ее объектом в большинстве случаев является не собственно суждение, а речеповеденческий акт, соединяющий в себе суждение и речевое действие. Реакция на него также может объединять оценку суждения и действия. В реплике *Лжешь!* совмещены значения ложности и лжи. Оценка суждения перенесена *ad hominem*. Истина соединилась с этикой.

Практически все дескрипции речеповеденческих актов лжи (имена, глаголы и перифразы) включают в свою семантику этическую оценку. Она принимает во внимание сознательность действия, его мотивы и цели, состояние сознания говорящего, прагматическую ситуацию и др. Истинностная оценка учитывает пропорцию правды и неправды и степень полноты истинной информации. Виды отклонений от нормы многочисленны, ср.: *лгать, врать, прилгнуть, завираться, клеветать, говорить неправду, ошибаться, выдумывать, фантазировать,*

нести вздор (околесину, чепуху), путать, ошибаться и т.п. Семантическое варьирование таких предикатов осуществляется за счет двух факторов: структуры речевого действия и содержания высказывания.

Оценки действия и суждения могут получить не только одинаковые, но и разные ценностные показатели. Так, например, доносы нередко содержат истинную информацию, но доносительство порицается; напротив, ложь во спасение ближнего или фантазирование не удовлетворяют условиям истинности, но соответствующее им действие оценивается положительно.

Итак, предикаты вторичной истинностной оценки могут одновременно характеризовать действие и суждение. В речевой сфере оценка действия является вторичной по отношению к оценке сообщения. Возможна и обратная ситуация, когда оценка истинности производна от оценки действия. В первом случае отношение к правилу (норме речевого поведения) вытекает из оценки истинности высказывания; во втором, напротив, истинность суждения выводится из его соответствия правилу. Первая ситуация характерна преимущественно для предикатов со значением лжи, вторая — для концепта правильности (ср. *правильно рассудить*). При этом сам концепт правильности имеет своим источником нормативную оценку действия (см. ниже).

Если анализ видов неистины включает прагматику речевых действий, то изучение видов квазиистины обнаруживает более глубокие причины их дифференциации, связанные с моделированием действительности и ее познанием. Поэтому оно представляет особый интерес.

II

Ниже будут рассмотрены основные предикаты квазиистинностной оценки русского языка — ВЕРНО и ПРАВИЛЬНО.

Сделаем некоторые предварительные замечания. Каждый из этих предикатов имеет пучок отмечаемых словарями значений. Основным предметом нашего внимания является значение истинностной оценки (3-е значение в словаре под ред. Д.Н. Ушакова) и его положение в общем семантическом поле. Это значение формулируется следующим образом: ВЕРНЫЙ: правильный, истинный, согласный с действительностью; ПРАВИЛЬНЫЙ: верный, истинный, соответствующий действительности. Тождественность толкований отражает тот факт, что в ряде контекстов эти предикаты взаимозаменяемы без заметных изменений значения: *верно (правильно) решить задачу, верно (правильно) подытожить*. Такой параллелизм был большим в XIX в., причем предикат *верный* употреблялся шире, чем в современном языке, например: *В 1800, 801, 802 ли году я родился, утвердительно не знаю, но знаю верно, что это было с 14-го на 15-ое декабря за полночь* (Пушкин) (теперь сказали бы *точно* или *достоверно*). Прежнее употребление обеспечивало единство выражения оценки в эпистемических контекстах, ср.: *узнать от верного человека (из верного источника), получить верные сведения, знать верно (наверно)*.

В современном языке говорят об *информированных (надежных) источниках, точном знании, достоверных сведениях*.

Вместе с тем некоторые из словарных иллюстраций 3-го значения свидетельствуют о семантических различиях между толкуемыми предикатами. Так, в статье **ВЕРНЫЙ** приводятся сочетания *верное изображение* и *верный взгляд на дело*, в которых замена *верный* на *правильный* отражается на смысле выражений и предполагает их употребление в неодинаковых контекстах. В статье **ПРАВИЛЬНЫЙ** даются сочетания *правильное рассуждение, правильно понять*, которые также варьируют свое значение при замене *правильный* на *верный*.

Обе анализируемые оценки употребляются в разных синтаксических позициях: 1) в аппеляции к модусу адресата: *Сегодня вторник, верно (правильно)? — Да, верно (правильно)*; 2) в модусе ретроспективной оценки: *А ведь верно, что основы нашей морали неверны* (такой модус эквивалентен предикату); 3) в предикате при пропозитивном субъекте и его эквивалентах: *То, что ты говоришь, верно (правильно); Это правильно (верно); Это рассуждение правильно (верно)*; 4) в применном определении в составе предиката: *Это правильное (верное) заключение*; 5) в форме наречного определения при глаголах ментального или речевого действия: *верно (правильно) сказать (замечать, рассудить), верно замечено (сказано)*; 6) в прямых реакциях на сообщение: — *Завтра ведь праздник. — Да, верно; — Волга впадает в Каспийское море. — Правильно*; 7) в позиции имени бытующего предмета, обычно с количественным показателем: *В этих наблюдениях много верного (правильного)*.

Хотя различия в позиции могут сопровождаться смысловым различием, мы рассмотрим приведенные модели совместно, поскольку во всех них оценка вынесена в рему относительно пропозитивной темы. Будут привлекаться к анализу также номинализации *верность* и *правильность* в таких контекстах, как *Его суждения поражали правильностью (верностью)*. Объем статьи не позволяет нам рассмотреть отрицательные формы предикатов.

Теперь обратимся к существу различий между предикатами *верный* и *правильный*. Оба они оценивают отношение утверждения или утверждений к действительности. При верификации суждений, однако, редко обращаются к непосредственной и "сырой" данности. Суждения верифицируются относительно некоторой модели мира — его прообраза (идеи, эйдоса) или конструкции. Основное различие между предикатами вторичной истинностной оценки (точнее, квази-оценки) как раз и следует искать в том, с какой моделью действительности производится сопоставление.

Модель мира может быть построена в форме эксплицированных законов, правил, общих схем и норм. Это конструкт, отношение к которому устанавливается методом экспертизы, проверки. Однако модель может мыслиться и как истинный прообраз мира, постигаемый интуицией. Каждая из этих моделей задает свой метод верификации и свою область суждений.

Отношение к модели-конструкту характерно для предиката *пра-*

вильный, отношение к модели-образу — для предиката *верный*. Такое распределение вытекает из этимологической связи первого с правилами, а второго — с верой и истиной.

III

Начнем с концепта ПРАВИЛЬНОСТИ. Правила и прескрипции нужны, чтобы регулировать движение людей по дорогам жизни. Экстенционал этого понятия образован областью действий — ментальных и реальных, оцениваемых по их отношению к норме. Это отношение нестабильно, ибо нестабильна сама норма. Можно заведомо утверждать, что концепт правильности не имеет твердой точки опоры. Его расшатывают по крайней мере следующие три фактора: 1) конвенциональность норм и правил; 2) наличие разных систем правил, прилагаемых к разным аспектам одного действия; 3) возможность выбора действия (хода) в рамках одной системы правил (принцип игры).

Мы говорим о *правильном времени дня, правильном летосчислении, возрасте, времени года, днях недели* и т.д., основываясь на принятых конвенциях. При этом одни конвенции могут противоречить другим. Так, при переходе на летнее время действуют одновременно две системы: одна применяется в рамках социальной жизни, другая — в астрономических расчетах. Поэтому можно сделать два разных утверждения о часе восхода или захода солнца, и оба они будут правильными. Летосчисление различно в разных календарях. Условно проводятся границы между периодами человеческой жизни — детством, отрочеством, молодостью и старостью и т.д. Подобные различия не мешают оценивать как правильные или неправильные утверждения о времени и временах, датах и эпохах. Их правильность зависит от принятого стандарта. Это отличает ее от истинности.

Однако основной источник дестабилизации, как и природа самого понятия правильности, определяется не столько условностью и изменчивостью правил, сколько структурой концепта действия. Сознательное действие по определению целенаправленно. Связь с целью имеет фундаментальное значение для развития понятия правильности. Можно даже утверждать, что его формируют две противоположные силы: стремление к цели и к независимости от нее.

Целью абстрактных ментальных действий (теоретического рассуждения) является получение истинного суждения. Иные цели должны быть исключены. Сообразно этой цели и строятся правила. Поэтому их соблюдение уже само по себе гарантирует достижение цели (правильность результата). Оценка действия по соответствию правилу переносится на его итог и тем самым преобразуется в истинностную оценку суждения.

Таким образом, значение соответствия действительности, т.е. истинности, является для понятия правильности производным от значения нормативной оценки действия. Этим обусловлены ограничения на употребление соответствующих предикатов в применении к

ментальной сфере. В терминах правильности не судят о конкретных, фактических утверждениях, сделанных на основе прямых наблюдений. Не говорят "То, что вчера был дождь, правильно", "То, что поезд опоздал, правильно". В этих случаях предпочитают предикаты *правда* или *факт*: *То, что поезд опоздал, правда (факт)*. Такие утверждения не требуют ментальных действий. Но если они входят в рассуждение, к ним применима оценка по правильности. Сыщик может сказать: "То, что поезд опоздал, конечно, правильно, но преступник мог сойти раньше и быть в городе еще до его прихода". Это значит, что факт опоздания следует принимать во внимание, но нельзя только из него выводить алиби подозреваемого лица. Оценка "правильно" вводит высказывание в контекст связного рассуждения, в котором следует придерживаться правил перехода от оснований к выводу. Следовательно оценит свидетельские показания, несмотря на их чисто фактическое содержание, как *правильные*, если ему нужно сделать из них соответствующие заключения.

Итак, даже получая значение истинностной оценки, предикаты *правильный* и *правильно* уместны только в применении к ментальным действиям и их результатам.

Это хорошо показывает употребление наречия *правильно*. Оно регулярно сочетается со всеми предикатами ментальных действий, особенно тех, которые направлены на счет и исчисление: *правильно утверждать, отрицать, рассуждать, судить, оценивать, заключать, обобщать, сосчитать и подсчитать, рассчитать и насчитать, вычислить, решать (уравнение, задачу), подытожить* и пр. Характерно, что арифметические и математические операции подводятся под категорию действия, и все они оцениваются в терминах правильности: *правильно сложить, перемножить, извлечь квадратный корень, вычесть* и т.п.

Наречие *правильно*, напротив, не сочетается с предикатами ментальных процессов и состояний, даже если их содержание истинно. В религиозном контексте говорят не о *правильной*, а об *истинной вере*. Нельзя *правильно верить*, быть *правильно убежденным* (или *убедиться*) в чем-либо, *правильно сознать* (или *осознать*) что-либо. О мнениях говорят в терминах справедливости, но с глаголом *считать*, не утратившим ассоциации с действием счета, соединяется также и наречие *правильно*. Сочетание *правильно считать* более естественно, чем *правильно полагать* (*думать*).

Показательно, что *правильно* не сочетается с глаголом *знать*, хотя знания можно оценивать в терминах достоверности. Можно сказать: *Я знаю это наверное (точно, верно, достоверно, наверняка, определенно)*. Дело здесь поэтому не в presupпозиции истинности глагола *знать*, которую часто эксплицируют, а в том, что он обозначает ментальное состояние, а не действие.

Положение концепта правильности в применении к реальным действиям имеет свою специфику. Она определяется следующими факторами: 1) структурой принимаемой модели мира, 2) соприсут-

ствием в ней разнонаправленных норм, 3) включенностью оценки в значение номинации действия.

Правила могут обеспечить достижение желаемого результата в логике и математике, но не в применении к действиям человека. В этом случае мир моделируется не просто как совокупность правил, а как совокупность правил игры. Игра предоставляет возможность выбора хода, причем его соответствие правилу не дает гарантии достижения цели, ибо фактор неопределенности очень велик. Игроки не могут не придерживаться конституирующих игру правил, но лишь один из них выигрывает партию. Его тактика в итоге и оценивается как правильная.

Тактика и стратегия игры разрабатываются в ходе особой формы ментальной деятельности — практического рассуждения, программирующего действия. В.И. Вернадский писал: "Мы говорим о разумной, рассуждающей деятельности человека. Несомненно, такая рассуждающая деятельность возможна лишь тогда, когда есть средства разумом вывести правильное действие". Программы, предлагаемые в итоге практического рассуждения, верифицируются осуществлением, после которого только и возможен вердикт об их правильности. Когда говорят о правильных программах, проектах, планах и прогнозах, это значит только, что им отдают предпочтение сравнительно с другими вариантами. После своего осуществления правильная программа часто оказывается неправильной. Мораль одной английской сказки сформулирована так: *The reasoning seemed to be correct, but the result was poor* 'Рассуждение казалось правильным, но результат был плачевным'. Если бы план не был проведен в жизнь, он, возможно, навеки остался бы правильным.

Жизнь усложняет игровую модель не только своей неисчислимостью, но еще и тем, что положительный эффект от достижения цели может быть перевешен его отрицательными последствиями. Когда победа оборачивается поражением, о правильности действий не говорят.

Действия человека в отличие от игровых ходов оцениваются по двойному стандарту — целесообразности и соответствию этической норме. Последнее условие считается обязательным и независимым от первого. Поэтому, поощряя несоблюдение нормы, ее заменяют новым этическим принципом (ср., например, формулу "цель оправдывает средства"). Концепт правильности отражает именно такую ситуацию. Он применим до тех пор, пока отступления могут быть преобразованы в правила, например: *Строжайше запрещалось только одно — хоть на йоту поддаться правде. Старика заставили лгать — и это было правильно; то, что она, приняв по эстафете эту ложь, или, вернее, эту условную правду, собиралась укрепить и узаконить ее очной ставкой, — это тоже было правильно (это же операция, а на операции дозволено все); то, что за эту узаконенную ложь, или условную правду, Зыбин получил бы срок... — это была сама социалистическая законность* (Ю. Домбровский). В таких контекстах говорят именно о *правильности* действий и воздерживаются от таких оценок, как *хорошо* или *нравственно*, связанных

с неизменной идеей добра. Концепт правильности "уступчив". Его цель — достигнуть компромисса между нравственностью и целесообразностью. Выражаемая им этическая оценка формальна. Не случайно этикет оперирует именно понятиями правильности (корректности).

В терминах правильности в принципе можно оценивать любое целенаправленное действие. Из этого не следует, однако, что сочетаемость предиката *правильный (правильно)* с глаголами действий безгранична. Ее ограничивают: 1) присутствие в значении глагола указания на отношение к норме и 2) необходимость эксплицировать критерий нормативной оценки.

Лексические значения в большой степени ориентированы на ненормативные явления. Это касается и номинаций действий. Значение несоответствия норме блокирует сочетаемость с наречием *правильно*. Оно не соединяется с такими глаголами, как *портить, переживать, недожаривать* (применительно к практическим действиям), и с такими, как *лгать, обманывать, красть, предавать, нарушать* и т.п. (в применении к поступкам и поведению).

Номинация действия может отсылать к наиболее естественному критерию его оценки. Но о поступках, осуществляемых тем или другим действием, судят по другому стандарту. Так, сочетание *правильно писать (говорить)* относит непосредственно к соблюдению правил орфографии, орфоэпии и грамматики, *правильно информировать* — к достоверности сообщаемых сведений. Чтобы исключить эти критерии, выбирают глаголы неконкретной семантики: *делать, поступать, вести себя*. В сочетании с глаголом *поступать* — *правильно* имеет значение этической оценки, в сочетании с *делать* — практической, в сочетании с *вести себя* — этической или этикетной. Конкретное содержание оцениваемого действия эксплицируется в зависимом обороте: *Ты правильно сделал, что написал мне письмо (своевременно меня информировал о своем приезде); Он правильно поступил, что отказался от участия в этой акции*. Нередко глаголы *делать* и *поступать* остаются "за кадром": *Правильно, что пришел; Правильно, что не подписал письма*. В таких сокращенных формах выражается нормативная оценка действия, а не истинностная оценка суждения.

Оценка действия сопровождается прагматическими коннотациями одобрения или солидаризации. Это особенно заметно в постпозиции или в реплике-реакции: *Он написал мне об этом письмо и правильно сделал!; — Я написал ему письмо. — И правильно сделал (или просто: И правильно!)*.

IV

Концепт ВЕРНОСТИ, к рассмотрению которого мы переходим, ориентирован на другую модель мира и на иной способ его постижения сравнительно с понятием ПРАВИЛЬНОСТИ. Верность соотносит суждения с сущностью бытия, его глубинными основаниями.

Здесь действует оппозиция не *правильности/неправильности*, а *подлинности/мнимости*. Оба этих противопоставления подводимы под более общую оппозицию истинности/ложности. Подлинность отделяется от мнимости не столько знанием правил, сколько интуицией. *Верный* выбор жизненного пути или линии поведения свидетельствует о согласованности не с внешней ситуацией, а с внутренней природой человека, его призванием. Поэтому *правильный* путь ведет к непосредственной и близкой цели, а *верный* — к пункту назначения.

Связь концепта верности с судьбой и предназначением человека объясняет употребление прилагательного *верный* в значении 'неизбежный': *Вся жизнь моя была залогом Свиданья верного с тобой* (Пушкин).

Оба предиката — *правильный* и *верный* — могут быть отнесены к мыслям и суждениям о жизни. *Правильно* судит о жизни практичный человек, *верно* — мудрый. *Правильный* взгляд на жизнь обеспечивает человеку выход из сложных положений; *верный* взгляд помогает не остановиться перед жертвами ради более высокой и дальней цели. Неверный шаг может быть губительным, неправильное действие исправимо. Следующий пример демонстрирует контекст, в который хорошо вписывается *верный* взгляд на жизнь: *Талантливость, серьезность, внутренняя правдивость, откровенный и верный взгляд на жизнь Менцеля восхищали Тургенева* (Л. Пич).

Верные наблюдения, как и верные суждения, о жизни и людях не требуют формального обоснования и не опираются на правила. Они подсказаны интуицией и верой, ср. следующее замечание С. Гандлевского: "Лучше в людях разбирался я. Но ближе к истине был Сопровский. Потому что я исходил из соображений правила, а он верил в исключение из правил. А именно на исключение из правила все мы уповаем" (Лит. газета. 1992. № 22). Правильность ближе к практике, верность — к истине. Когда устами младенца говорит истина, его высказывание оценивается как *верное*. Юродивые и безумцы могут судить *верно*, но не *правильно*.

В терминах правильности чаще говорят о теоретическом и практическом рассуждении, в терминах верности — о нравственном, например: *У Гоголя есть очень верное нравственное рассуждение* (В. Костиков).

Верные мысли направлены в глубину бытия, ср.: *глубоко верная мысль*. Правильная мысль не имеет глубины (?*глубоко правильная мысль*). Это естественно: правила не бывают глубокими, а для веры и истины это самое важное измерение.

Прилагательное *верный* естественно входит в конъюнктивные отношения с такими партнерами, как *глубокий, зоркий, мудрый, меткий, быстрый*, а также *парадоксальный, нетривиальный*, например: *Многое намечается им верно и зорко* (В. Ходасевич); *Тургенев с любовью останавливался на указаниях Пушкина... поражался их верностью и глубиной* (А. Кони); *При всей кажущейся парадоксальности этих суждений, они тем не менее верны* (В. Костиков); *Его суждения обыкновенно были быстры и верны* (Пушкин).

Правильность, как отмечалось, предсказуема и прогностична, она не ведет к открытию; верность суждений может быть неожиданной, она поражает, ср.: *поразительно (удивительно, неожиданно) верно*. "Верность" открывает человеку ранее им не замеченное.

Верное суждение требует пронизательности, меткости, внезапного озарения. Верно то, что вдруг выхвачено из множества "подсказок" жизни. Поэтому естественны сочетания *верно схвачено (подмечено, замечено, угадано), верно уловить*. П.В. Анненков пишет о Тургеневе: "Нельзя не сказать о замечательной его способности подмечать характерные общественные явления, мелькавшие у него перед глазами, и делать из них картины, выражавшие дух и физиономию данного момента с поразительной верностью". Этот пример показывает, что концепт верности связан не только с глубокой сутью жизни, но и с ее выявлением в конкретных моментах бытия. Можно верно запечатлеть мгновение. Если правильность допускает релятивизацию во времени (*правильное там и тогда* перестает им быть *здесь и сейчас*), то верность, даже схватывая мимолетное, не становится относительной: она делает мгновение вечным.

Поэтому естественно, что об искусстве судят в терминах верности. Релевантность для концепта верности эстетического параметра в отношении к действительности заметна не только в большом, но и в малом. Так, говорят о *правильной речи* и *правильном произношении*, но о *верном* глазе и слухе, ср. также *правильно произнести слово*, но *верно взять ноту, верно спеть; правильно записать арию*, но *верно ее исполнить*; ср. у Пушкина: *Клянусь тебе, Лаура, никогда С таким ты совершенством не играла. Как роль свою ты верно поняла*. Верен должен быть голос не только певца, но и поэта: *Внемли ж и днесь Наш верный глас* (Пушкин).

Правильным является тот перевод, в котором адекватно поняты и передан смысл текста, верным назовут перевод художественного произведения, передающий его дух и форму. "Подстрочный перевод никогда не может быть верен", — писал Пушкин.

Переводимость в некотором роде обратно пропорциональна художественной верности. Чем менее поддается текст переводу, пересказу, перефразированию, тем он более верен феномену жизни. Приведем один пример. Художник А.П. Боголюбов вспоминает, что, комментируя бранную реплику подвыпившего мужика, Тургенев сказал: "Непереводимо, сильно и верно". Художественная верность опирается не только на смысл, без которого она в принципе может обойтись (ср. такие явления, как заумь, говорение языками и т.п.), но и на эффект формы.

Художественное выражение (воплощение, изображение) имплицитно непосредственное отношение к жизни, и оно закреплено в реляционном значении прилагательного *верный (верен)*. Когда говорят, что портрет верен оригиналу, не ограничивают сходство внешней стороной: верный портрет создает образ, синтезирующий внутреннюю и внешнюю стороны модели или явления: *И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой Себя-*

любивой и сухой (Пушкин). Образ бывает только *верным*. *Правильным* бывает чертеж, диаграмма, график, схема, план местности, рисунок — все то, что передает внешнее соответствие, достигаемое применением технических средств. Правильность характеризует технику исполнения, верность — выражение духа оригинала; ср. *правильный рисунок* и *верный рисунок*, *правильный слепок* и *верный слепок*. *Верное* отражение ожидаемо от произведения искусства, *правильное* — от зеркала. *Верное* изображение раскрывает правду жизни, *правильное* позволяет узнать оригинал или ориентироваться в местности. Г.А. Лопатин пишет о картине "Не ждали": "Я был поражен верностью лиц, поз и выражений". Такое суждение может предполагать узнаваемость явления, но не конкретных людей. Портрет-робот стремится к правильности, художественный портрет — к верности.

Составляя анамнез или ведя историю болезни, психиатр должен найти *правильные* термины, чтобы определить внутреннее состояние больного. Передавая душевные переживания своих героев, писатель ищет *верные* слова. Перечитывая в зрелые годы "Кавказского пленника", Пушкин заметил: "Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено верно".

Концепт верности предпочитается не только в разговоре об искусстве, но и в разговоре о художественной критике. Так, Вл. Вейде, разбирая отзыв М. Цветаевой о поэзии раннего Пастернака, пишет: «Все, что этими словами сказано, *верно*. *Верно*, прежде всего, что Пастернак большой поэт: с тех пор это стало еще гораздо более *верно*, но *верно* было и тогда, а увидеть это было тогда трудней. *Верно* о стремительности: "некогда договаривать", "грудь не вмещает"; это и в самом деле одна из основных его черт... *Верно* и *очень остро* схвачено — "лепет, щебет" — о ребяческой невразумительности, о младенчестве... *Верно*, наконец, и совсем уже пророчески звучит... что он *будет*, что он весь в завтра» (курсив наш. — Н.А.).

Искусство призвано быть непосредственно верным феномену жизни. Ему не нужен конвенциональный конструкт. Однако художественное отражение мира подчинено правилам мастерства. Их соблюдение определяется в терминах правильности. Отступление от них, если оно соответствует сути явления, не препятствует художественной верности образа. Цель здесь не отделена от средств и потому может их оправдывать.

В разговоре об искусстве различие между *правильным* и *верным* достигает наибольшей степени: отрицание одной из этих оценок оказывается часто совместимым с утверждением другой. Можно говорить о том, что изображение *правильно*, но *неверно* или, наоборот, *верно*, но *неправильно*. А. Платонов так и записал в своих "Дневниках": "Это правильно, но неверно".

Противоречивость оценок возможна и в других случаях. Так, решения технических и математических задач могут быть верными по методу и неправильными по исполнению (например, расчетам). В зависимости от того, чему отдается предпочтение — духу или бук-

ве закона, судебские решения могут оказаться верными, но неправильными или, наоборот, правильными, но неверными. Однако о суде и мнениях более принято говорить в терминах *справедливости*, чем *верности*.

В заключение подчеркнем, что концепт правильности относит к миру как выстроенному человеком дому, в котором следует соблюдать правила поведения; концепт верности относит к миру как воплощению замысла Творца. Правильность определяет программы действий человека, верность — его предназначение. Концепт правильности, сформировавшийся на базе целенаправленных действий, ориентирован преимущественно на результат: правильность характеризует логические следствия, выводы, заключения, итоги, диагнозы, решения; верность — первоосновы, аксиомы, принципы, предпосылки, основания. Верным должен быть отправной пункт, правильным — конечный. Не случайно в математике аксиомы и теоремы квалифицируются как *верные*, а решения задач с их применением — как *правильные* (на это обратил мое внимание Г.Е. Крейдлин).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лейбниц Г.В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. М., 1984. Т. 3.
2. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
3. Шатуновский И.Б. "Правда", "истина", "искренность", "правильность" и "ложь" как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
4. Herzberger H.G. Dimensions of truth // Contemporary research in philosophical logic and linguistic semantics. Dordrecht, 1975.

Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев

ГИПОТЕЗА КАК МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ И РЕЧЕВОЙ АКТ

Как известно, одна и та же пропозиция может использоваться в различных речевых актах. Иллокутивная сила предложения (отнесенность к тому или иному речевому акту) обычно маркируется при помощи специальных показателей — иллокутивных операторов. Традиционная классификация предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные) и основана на использовании в них языковых средств, специально предназначенных для маркировки отнесенности предложения к тому или иному иллокутивному типу: повелительного наклонения для побудительных речевых актов (приказы, просьбы, советы и т.д.), вопросительных местоимений для частных вопросов и т.д. В случае когда иллокутивная сила высказывания не соответствует иллокутивному оператору, мы имеем дело с косвенным речевым актом. Использование косвенных

речевых актов также может конвенционализироваться в языке и сопровождаться специальными показателями; например, вопросительные предложения в значении побуждения (просьбы) в русском языке непременно содержат отрицание.

Было высказано предположение, что наряду с повествовательными, вопросительными и побудительными предложениями для русского языка следует выделять гипотетические предложения, предназначенные для выражения речевого акта гипотезы [1]. Условие успешности речевого акта гипотезы: говорящий не знает действительного положения дел. В качестве иллокутивных показателей гипотетичности используются такие модальные слова, как *возможно, может быть, вероятно, должно быть, наверно, несомненно* и др.

Поскольку указанные слова представляют собой иллокутивные операторы, они несовместимы с показателями иных иллокутивных типов, например вопросительности или побудительности. Аномальны высказывания: **Есть ли у вас, может быть, англо-русский словарь?; *Кто, несомненно, разбил окно?; *Вероятно, сходи за хлебом* и т.п. Приводя пример из Ленина *Доверился ли ему автор более случайно, может быть?*, П. Рестан замечает: "По законам русского языка вводное сочетание слов *может быть* и вопросительная частица *ли* несовместимы. Приведенный пример можно объяснить тем, что он написан на скорую руку" [2, 176].

Если действительное положение дел известно адресату речи (в отличие от говорящего), по законам речевой кооперации он должен сообщить это говорящему, подтвердив или опровергнув его предположение. Если говорящий на это и рассчитывал, эффект гипотезы оказывается таким же, как у вопроса, так что мы даже можем говорить о косвенном речевом акте — гипотетичном предложении, употребленном в значении вопроса: *У вас, вероятно, есть англо-русский словарь?* Ср. также гипотетические предложения в значении побуждения: *Может быть, ты сходишь за хлебом?; Может, перестанем обсуждать этот вопрос.*

Как косвенный речевой акт можно рассматривать и использование повествовательного предложения с глаголом *мочь* в функции гипотезы. Вообще говоря, глагол *мочь* является не иллокутивным показателем, а модальным оператором и может использоваться в предложениях, принадлежащих к различным иллокутивным типам: *Он мог пойти в кино; Мог ли он пойти в кино?; Вероятно, он мог пойти в кино* и т.д. Ср. отрывок из судебного очерка: *Старший лейтенант начал с соседки Курганского — Татьяны Петрожицкой. Она целыми днями сидела дома и наверняка могла сообщить что-нибудь о событиях минувшей недели* (аномально было бы: **Она наверняка, может быть, сообщит о событиях минувшей недели*). Повествовательное предложение *Он мог пойти в кино* говорит о возможности, которая имела место в прошлом, причем говорящий может прекрасно знать, реализовалась она или нет (ср.: *Он мог пойти в кино, но предпочел пойти в театр*) — как объективно установленный подается тот факт, что она имела место. Но в

ситуации, когда говорящий ничего не знает о реальном положении дел, сообщение о возможности оказывается прагматически эквивалентно гипотезе о реальном положении дел: *Он мог пойти в кино* ≈ *Он, возможно, пошел в кино* (нет оснований-беспокоиться, где он). Именно такие употребления можно считать повествовательным предложением в значении гипотезы.

Использование "сообщений в функции гипотезы" позволяет обойти некоторые языковые ограничения, связанные со статусом гипотез в языке. Так, гипотезы высказываются о конкретных ситуациях, и с этим связаны ограничения на употребление кванторных слов в гипотетических предложениях: **Он, может быть, придет в любой момент*. Но ср.: *Он может прийти в любой момент*, где сообщение о возможности делается в ситуации незнания и потому прагматически близко к гипотезе.

От гипотез следует отличать "неуверенные сообщения", или квазисообщения. Формальные показатели квазисообщений — слова типа *кажется, вроде, как будто* (показатели характерной информации, по Е.С. Яковлевой). Ср.: *Его мать, наверно, была красавицей* (умозаключение) и *Его мать, кажется, была красавицей* (квазисообщение — по слухам). Квазисообщения можно подразделить на "импрессивы" и "квотативы".

Импрессивные высказывания используются тогда, когда говорящий располагает непосредственной перцептуальной информацией о реальном положении дел, но по каким-то причинам не вполне доверяет этой информации: *Кажется, здесь пахнет газом*. Использование показателей гипотетичности было бы здесь неуместно: **Наверно, здесь пахнет газом*. К "импрессивным" относятся и квазисообщения, которые делаются в ситуации припоминания: *Как же его отчество, не помню... Кажется, Сергеевич*. Высказывания, которые мы здесь назвали "импрессивными", были проанализированы в работах Е.С. Яковлевой.

Можно добавить, что к "импрессивным" высказываниям примыкают также те, в которых неуверенность относится не столько к передаваемому сообщению, сколько к его импликациям (*Ты будешь обедать? — Да вроде я недавно поел*), и те, в которых использование показателей неуверенности является скорее своего рода "фигурой скромности" (*Спросите у Володи: "Ты пионер?" — Да вроде*).

Другой тип квазисообщений, которому, как кажется, не уделялось должного внимания, это "квотативы", используемые, когда говорящий опирается на информацию, полученную от других лиц (особенно если он не вполне уверен в ее достоверности). Если мне сказали, что Иван уехал в Киев, то, передавая эту информацию третьему лицу, я могу сказать: *Кажется, Иван уехал в Киев; Иван как будто уехал в Киев; Иван вроде уехал в Киев*, а также, разумеется, *Иван, говорят, уехал в Киев*. В подобных случаях, однако, неуместно высказывать гипотезу: *Может быть, Иван уехал в Киев; Наверняка Иван уехал в Киев*. Ср. использование показателя неуверенности (*вроде как*) при цитировании в газетном тексте: *Представители...*

блока "Новая Россия"... утверждают, что Б. на вокзале был абсолютно трезв. А нападение на него не что иное, как политическая мсть. Б. работал в Комиссии по расследованию деятельности ГКЧП, вроде как передал в Прокуратуру документы о нелегальном вывозе... золота за рубеж и стоял на пути мафии, блокирующей строительство важного народнохозяйственного объекта в Москве (Известия. 1992. 25 июня).

В некоторых случаях использование показателей неуверенности (кажется, вроде, как будто, говорят) при передаче информации, полученной из чужих рук, является обязательным. Сказать *Фильм очень хороший* можно, только если сам видел этот фильм. Если же эта оценка принадлежит другому лицу, передать ее можно только посредством "квотативного" высказывания: *Фильм, кажется, очень хороший; Фильм вроде (как будто) очень хороший; Говорят, фильм очень хороший.*

Обратим внимание на то, что в отличие от вводного слова *кажется* вводный оборот *мне кажется* никогда не может использоваться в "квотативах". Высказывание *Фильм, мне кажется, очень хороший* выражает оценку, принадлежащую самому говорящему, но менее категоричную, чем при отсутствии такого оборота.

Таким образом, различаются: *Фильм хороший* (говорящий видел фильм); *Фильм, мне кажется, хороший* (то же, но оценка не категорична); *Фильм, кажется, хороший; Фильм вроде (как будто) хороший* (говорящий не видел фильма, оценка с чужих слов); *Фильм, наверно, хороший* (предположение на основе каких-то собственных соображений: актерский состав, репутация режиссера и т.п.).

Впрочем, показатели неуверенности (*кажется, вроде, как будто*) могут вводить оценку на основании собственных впечатлений говорящего — когда говорящий считает эти впечатления поверхностными и допускает, что в дальнейшем от них откажется. Ср.: *Как тебе его работа? — Вроде (бы) интересная, или Как будто, на уровне, или Кажется, ничего.*

Использование показателей неуверенности в "квотативах" является обязательным и в случаях, когда передаваемая информация не может быть неизвестна адресату речи: *Кажется, ты собираешься ехать на конференцию; Говорят, ты собираешься ехать на конференцию* и т.п.

Обязательность употребления показателей неуверенности в определенных случаях передачи сведений из вторых рук позволяет говорить, что в русском языке существует категория, близкая категории "эвиденциальности" ряда языков. Типологически интересно также само функциональное объединение слов, прямо указывающих на то, что информация передается с чужих слов, со словами, указывающими на непосредственное, хотя, возможно, ошибочное, чувственное восприятие. В "квотативах" и "импрессивах" используются в основном одни и те же показатели, что позволяет объединить их в один класс квазисообщений, противопоставленный предположениям, или собственно гипотезам. Гипотезы высказываются на основе умозрительных соображений и не требуют никаких эмпирических свидетельств; квазисообщения делают-

ся на основе эмпирических свидетельств, но не обязательно достоверных. Поэтому, услышав гипотезу (*Может быть, Р; Наверно, Р*), уместно спросить: *Почему ты так думаешь?*, но не *Откуда ты знаешь?* Наоборот, в ответ на квазисообщение (*Кажется, Р; Вроде Р*) уместно поинтересоваться: *Откуда ты знаешь?*, но не *Почему ты так думаешь?* Предположения, которые мы выводим на основе собственных умозаключений, четко отличаются в языке от информации, полученной из внешнего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. "Возможности" естественного языка и модальная логика // Язык логики и логика языка. М., 1990.
2. Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения: Общий вопрос. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972.
3. Яковлева Е.С. О семантике модальных слов — показателей достоверности в современном русском языке // Zbornik radova instituta za stranejezike knjizevnosti. 1984. 6.

М.Я. Гловинская

РУССКИЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕНТАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ментальный след в сознании адресата оставляют практически все речевые акты (РА). Например, сообщения любого рода (*сообщать, информировать, рассказывать, доносить, жаловаться* и т.д.) имплицитно получают адресатом знания о фактах, которые были ему неизвестны. Но предикатами ментального воздействия естественно называть лишь такие, которые обозначают речевые акты, имеющие целью каузацию устойчивого ментального результата у адресата, притом достигаемого с помощью специальных приемов со стороны говорящего.

Рассмотрим три типа подобного воздействия, различающиеся прежде всего характером самого ментального результата: 1) РА, ставящие целью возникновение у адресата понимания; 2) РА, ставящие целью возникновение у адресата знания; 3) РА, ставящие целью возникновение у адресата мнения. Этим типам соответствуют предикаты *объяснять—объяснить* (цель — сделать непонятное понятным), *доказывать—доказать* (цель — заменить мнение адресата знанием либо мнением, максимально приближенным к знанию) и *убеждать—убедить* (цель — заменить одно мнение у адресата другим).

Представим вначале толкования сравниваемых глаголов [2]. Напомним, что структура РА, как это было показано в [4], состоит из набора пресуппозиций, ассерции и мотивировки.

Объяснять—объяснить

Объясни мне теорему; Объясните ваше поведение; Он объяснил, почему при астматическом приступе нужна задержка дыхания; X объясняет Y-у $P \equiv$ '(1) Y не понимает P; (2) X считает, что понимает P; (3) X говорит Y-у о P то, что может сделать P понятным для Y-а; (4) X говорит это, потому что хочет, чтобы Y понимал P'.

Это прототипическое *объяснять* относится к случаям, когда речь идет о непонимании любого рода: интеллектуальном (*объяснять задачу*), психологическом (*объясните, как человек может убить родную мать*) и т.д. В этих случаях замена *объяснить* на *сказать* невозможна либо меняет смысл. Есть менее типичные случаи употребления *объяснить*, когда замена на *сказать* возможна: *объяснить, как пройти на вокзал; объяснить, что нужно завтра делать на субботнике*. Здесь речь идет не о непонимании, а о незнании P, при этом P представляет собой какую-то последовательность операций, из которой состоит целое. О совсем простой вещи нельзя сказать *объяснить*: **Объясните, пожалуйста, это место свободно?*

Форма СВ *объяснить* не имплицитно подразумевает достигнутого понимания: *Я ему все объяснил, по полочкам разложил, но он по-настоящему не понимает.*

Доказывать—доказать

Этот глагол может использоваться в двух значениях. Первое условно можно назвать псевдонаучным (*Известно, что Ферма не доказал теорему, которую сформулировал*). Его необходимо отличать от строго научного *доказывать*, которое должно быть определено в соответствующих метанауках (металогике, метаматематике, юриспруденции и т.д.). Это первое значение безадресатно. Второе *доказывать* ближе к *убеждать* и имеет валентность адресата.

Доказывать 1. Ученые доказали, что неизвестный текст принадлежит Шекспиру. X доказывает 1 $P \equiv$ '(1) Истинность P не является очевидной; (2) X хочет, чтобы было понятно, что P истинно; (3) X говорит, что существуют P_1, P_2, P_3 — такие, что их истинность очевидна, и очевидно, что если они истинны, то P не может не быть истинно; (4) X говорит это, потому что считает, что если понятно, что P_1, P_2, P_3 истинны, то понятно, что P не может не быть истинно'.

'Понять, что P истинно', и значит 'знать, что P'.

Форма СВ *доказать 1* имплицитно подразумевает очевидность истинности P: *Автор доказал, что Пушкин написал это стихотворение в свой первый приезд в Михайловское.*

Доказывать 2 близко к *доказывать 1*, и к *убеждать 1*.

Доказывать 2. Он доказывал мне несостоятельность моих познаний; Сын доказывал родителям, что ему необходимо перейти в другую школу; X доказывает 2 Y-у, что $P \equiv$ '(1) Y не считает, что P истинно, или считает, что истинно не P; (2) X хочет, чтобы Y понял или считал, что P истинно; (3) X говорит Y-у о фактах или приводит умозаключения, которые, по его мнению, заставят Y-а понять или считать, что P истинно'.

Мотивировка *доказывать* 2 совпадает с пресуппозицией (2).

Форма СВ *доказать* 2 имплицитно утверждает очевидность истинности *P* для адресата. Он доказал жене, что не мог быть в этот вечер в ресторане означает, что то, что его не было в ресторане, обрело для жены статус факта вследствие приведенных доводов.

Может возникнуть сомнение в необходимости различать *доказывать* 1 и *доказывать* 2. Действительно, неужели во фразах *Он доказал, что это рукопись XVI века* и *Он доказал мне, что это рукопись XVI века* представлены разные значения глагола *доказывать*? Приходится признать, что разные, поскольку первое высказывание ориентировано на истину вообще, оно имеет в фокусе истину, в то время как второе ориентировано на истину в адресате и имеет в фокусе изменение ментального состояния адресата. Синтаксическое поведение их также различно. Первое допускает свободную трансформацию подчиненной пропозиции в именную группу: *доказал по почерку, что статья принадлежит Писареву* → *доказал по почерку принадлежность статьи Писареву*. Второе допускает подобную трансформацию только с существительными, имеющими модальное значение: *доказал мне необходимость, правильность* и т.д., но не **доказал мне принадлежность статьи Писареву*.

Убеждать — убедить

Этот глагол имеет два значения. Первое ориентировано на изменение мнения, оно предполагает воздействие только на ментальное состояние адресата; ему соответствует английский глагол *to convince**. Второе ориентировано на изменение мнения у адресата с тем, чтобы он изменил вследствие этого свои намерения и совершил нужный поступок. Воздействие в этом случае оказывается на ментальное состояние и через него — на конкретные поступки. Ему соответствует английское *to persuade*.

Убеждать 1. В течение часа спикер убеждал аудиторию, что Верховный Совет России действительно хочет помирить противоборствующие стороны; *X убеждает* 1 *Y-а*, что $P \equiv$ (1) *X* хочет, чтобы *Y* считал, что *P*; (2) *Y* не считает, что *P*; (3) *X* говорит *Y-у* о фактах или приводит умозаключения, которые, по его мнению, заставят *Y-а* считать, что *P*.

Мотивировка *убеждать* 1 совпадает с пресуппозицией (1).

Убеждать 2. Он убеждал меня поехать летом в Крым; Отец убеждал дочь, что ей еще рано выходить замуж; Учитель убеждал ребят, чтобы они заранее начали готовиться к экзамену; *X убеждает* 2 *Y-а* сделать $P \equiv$ (1) *X* считает, что *Y-у* правильно делать *P*; (2) *Y* не хочет делать *P*; (3) *X* говорит *Y-у* о фактах или приводит умозаключения, которые, по его мнению, заставят *Y-а* считать, что делать *P* правильно, и заставляет его сделать *P*; (4) *X* говорит это, потому что хочет, чтобы *Y* сделал *P*.

Форма СВ *убедить* имплицитно утверждает изменение мнения у адресата;

* Речь идет только о лексическом соответствии; грамматические свойства *убеждать* и *to convince* различны. По классификации Вендлера, *убеждать* относится к accomplishments (долго убеждал), а *to convince* — к achievements.

в случае *убедить* 2, кроме того, возможно выполнение *Р* адресатом. Различия в целях этих трех типов РА, связанные с получением разных ментальных результатов, определяют и другие различия между ними.

Первое различие касается поведения адресата. Оно связано с тем, что распространение знаний и понимания фактов происходит в интересах адресата, а распространение мнений — в интересах субъекта. При объяснениях адресат является союзником говорящего, он хочет понять то, что говорящий старается сделать для него понятным. Объясняют часто в ответ на вопрос или просьбу объяснить. Исходное состояние адресата при объяснениях — непонимание чего-то — в принципе тягостно для человека, и он сам стремится заменить его пониманием. При *доказывании* 2 адресат является скептиком, при *убеждении* адресат является оппонентом: человеку в принципе дорого его мнение, и он не хочет с ним расставаться. *Доказывать* и *убеждать* поэтому часто отражают ситуацию спора. Примеры: *Состоятельность Александра Шохина в качестве вице-премьера после трудного раунда обсуждений Егору Гайдари удалось доказать* (Независ. газ.); *Я спорил, убеждал, что даже формально программу президента не нужно уравнивать с другими, что соединение программ бессмысленно, но Горбачев был неумолим* (акад. С. Шаталин).

Следующее различие касается характера тезиса, который является предметом разговора. Объясняют все, что в принципе может оказаться трудным для понимания: цель, причины, мотивы, устройство чего-то. *Объяснять* наследует валентную структуру предиката *понимать*, который лежит в основе его семантики: можно и *понимать*, и *объяснять* — что, как, зачем, почему. Доказывать можно только верифицируемые положения, притом не очевидные, не стереотипные. Убеждают в том, что нельзя объяснить и не удастся доказать.

При этом тезис в *убеждать*, в отличие от *объяснять* и *доказывать*, касается в какой-то мере лично адресата. Это относится не только к *убеждать* 2, где это просто очевидно, так как *убеждать* 2 предполагает воздействие на поступки адресата через ментальный результат (*Убеждал меня поехать*), но и к *убеждать* 1, ср.: *Он убедил меня, что неравенство в природе вещей* и *Он доказал мне, что неравенство в природе вещей*. Доказывать это положение можно достаточно абстрактно или применительно, скажем, к историческим событиям, а убеждать в этом нормально, если я высказывал противоположную точку зрения и как-то руководствуюсь или собираюсь руководствоваться ею в своих действиях. *Он доказал мне* — я принял новый философский тезис, а *Он убедил меня* — я принял новый принцип, который будет регулировать мое поведение в связи с конкретной ситуацией.

Доказывать и *убеждать*, кроме того, различаются характером аргументов. Для *доказывать* 1 и 2 доводами являются или факты, подтверждающие истинность—ложность какого-то тезиса, или утвер-

ждения, истинность которых считается бесспорной. Пример: *Для кантианца правильно, наоборот, доказывать, что раз нравственный закон существует (довод), то, значит, Бог есть (тезис) (С. Поварнин).* Для *убеждать* доводами являются указания на причины, по которым что-то необходимо, правильно, выгодно, плохо, хорошо и т.д. Аргументы в *доказывать* носят чисто ментальный характер, в *убеждать* они могут воздействовать не только на сознание, но и на волю, и на эмоции адресата. Приведем примеры "убеждений", воздействующих на разные стороны человеческой личности.

Воздействие на сознание адресата (из разговора Ивана и Алеши Карамазовых):

По-моему, Христова любовь к людям есть в своем роде невозможное на земле чудо <...> Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда ведь не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я, и, сверх того, редко человек согласится признать другого за страдальца (точно будто это чин). Почему не согласится, как ты думаешь? Потому, например, что от меня дурно пахнет, что у меня глупое лицо, потому что я раз когда-то отдал ему ногу. (Ф. Достоевский, Братья Карамазовы).

Воздействие на эмоции адресата (широко известное место из того же диалога):

Представь, что это ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им, наконец, мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище, вот того самого ребеночка, бывшего себя кулачком в грудь, и на неотомщенных слезках его основать это здание, согласился ли бы ты быть архитектором на этих условиях, скажи и не лги!

Вот пример воздействия на волю адресата, который приводит С.И. Поварнин, "карманный довод", по его выражению [3, 114]:

Или, например, Ирландия! — начал Иван Петрович с новым одушевлением, помолчав: — пишут, страна бедная, есть нечего, картофель один, и тот часто не годится для пищи... — Ну-с, так что же? — Ирландия в подданстве у Англии, а Англия страна богатая: таких помещиков, как там, нигде нет. Отчего теперича у них не взять хоть половину хлеба, скота, да и не отдать туда, в Ирландию? — Что это, брат, ты проповедуешь: бунт? — вдруг сказал Нил Андреич. — Какой бунт, ваше превосходительство... Я только из любопытства. — Ну, если в Вятке или Пензе голод, а у тебя возьмут половину хлеба даром, да туда? (Это и есть сновной довод в споре. — М.Г.) — Как это можно! Мы совсем другое дело... — Ну, как услышат тебя мужики? — напирал Нил Андреич — а? тогда что? — Ну, не дай Боже, — сказал помещик. — Сохрани Боже! — сказала Татьяна Марковна (А. Гончаров, Обрыв).

В последнем случае довод касается выгоды адресата, он обращен к его воле (хочу—не хочу) и является для него высокоубедительным. По поводу таких доводов Шопенгауэр заметил: "Там, где применима эта уловка, остальных можно и не применять. Действуйте не на разум, с помощью доводов, а на волю, с помощью мотивов; тогда и противник, и слушатели, если у них такие же интересы, как у него, сейчас же согласятся с вашим мнением, хотя бы оно было заимствовано из дома сумасшедших. Ведь лот воли весит по большей части тяжелее, чем центнер рассуждения и убеждения" (цит. по [3, 114]).

Таким образом, при убеждении адресат является объектом все-

стороннего воздействия. О том, что он представлен как объект, свидетельствует винительный падеж, которым выражается валентность адресата. О воздействии на разные стороны его психики свидетельствуют приведенные примеры. Тем самым есть основания утверждать, что мнение может являться продуктом не только интеллектуальной деятельности, как обычно считается, и воли, как показано Ю.Д. Апресяном (см. [1]), но также и эмоций. В этой связи интересно заметить, что в бытовом языке высказывания *Я о нем плохого мнения* и *Я к нему плохо отношусь* могут описывать одну и ту же ситуацию.

Доводы в *доказывать* и *убеждать* различаются не только тем, что они могут быть обращены к разным сторонам человеческой личности. Они могут быть противопоставлены по признаку истинности—ложности. *Доказать* что-то можно только с помощью истинных аргументов, а *убедить* можно и с помощью фальшивых, ср. примеры: *В картине постоянно используется крупный, сверхкрупный план, каждый аргумент подробно растолковывается, да еще по несколько раз. Собственно говоря, Стоун не рассказывает свою историю, а доказывает ее, как и положено прокурору* (А. Генис, Каннибал и заговорщики); *...изощренная техника монтажа, при помощи которой автор фальсифицирует исторические документы и убеждает зрителя в своей правоте* (там же). Хотя речь здесь идет о фильме и описываемые глаголы обозначают не строго речевые действия, однако поведение чисто речевых и неречевых глаголов в данном случае принципиально не различается.

Доказывать и *убеждать* различаются самым способом, манерой изложения. Для *убеждать* чрезвычайно важна внешняя сторона подачи аргументов — тон, интонация, эмоциональность изложения, ср.: *горячо, с жаром убеждал; Она убеждает одной интонацией; Он убедил нас своим красноречием*. См. также пример из Л. Толстого:

"Пожалуй, идите; только, право, не лучше ли бы вам остаться? Вы бы тут нас подождали, охотились бы; а мы бы пошли с Богом. И славно бы!" — сказал он таким убедительным тоном, что мне в первую минуту, действительно, показалось, что это было бы славно" (Набег).

Доказывание, напротив, характеризуется с точки зрения внутреннего построения аргументации (*последовательно доказывает, строго доказал*) и с точки зрения убедительности, окончательности результата (*доказал убедительно, неопровержимо, как дважды два*).

Любопытно, что объективированный характер действия *доказать*, выражающийся в истинности аргументов и тезиса, не позволяет присоединить к *доказать* пропозицию, содержащую отрицательную оценку тезиса, в отличие от *убедить*. Так, нельзя сказать **Он доказал ей, что морковный сок — панацея от всех болезней*, но в то же время можно *Он убедил ее, что морковный сок — панацея от всех болезней*.

Подытоживая различия между *доказать* и *убедить*, можно отметить, что действие *доказывать* ориентировано ретроспективно, а

убеждать — проспективно. Это связано и с характером тезиса, и с характером аргументов. И тезис, и аргументы в *доказывать* фактивны и тем самым относятся к тому, что уже было или есть. В *убеждать* тезис проспективен относительно адресата: адресат должен воспринять тезис как руководство к действию (см. выше). Именно поэтому странной кажется фраза *Докладчик убеждал слушателей, что женитьба Пушкина была ошибкой*, если только слушатели не были пушкинистами; в этом случае они могли бы руководствоваться подобным соображением в своих интерпретациях. А вообще *убеждать* в этом могли бы друг друга современники поэта, потому что это могло как-то отразиться на их дальнейшем поведении. Так же и аргументы при убеждении могут быть обращены в воображаемое будущее: характерной формой аргумента является следующая: если сделать то-то и то-то, то будет то-то и то-то.

Иногда семантическое противопоставление *доказывать* и *убеждать* ослабляется. Если *доказывать* употребляется с типичной для *убеждать* пропозицией, например содержащей модальность необходимости, то имеет место частичная нейтрализация и *доказывать* воспринимается как близкое к *убеждать*: *Он доказывал, что необходимо закончить работу в первом квартале*.

Разумеется, тремя рассмотренными глаголами не исчерпываются речевые акты со значением ментального воздействия, но именно они являются базовыми и задают три типа ментального воздействия*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* // Наст. сб.
2. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1992.
3. Поварнин С.И. Спор: О теории и практике спора // Вopr. философии. 1990. № 3.
4. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney, etc., 1987.

* Автор благодарит Ю.Д. Апресяна за ценные советы и замечания при обсуждении текста статьи.

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ ПО ТИПУ ВВОДИМЫХ ИМИ СУЖДЕНИЙ

Известно, что одной из функций эпистемических предикатов является указание на способ формирования суждений, вводимых этими предикатами, экспликация качества информации, на основе которой говорящий строит свое высказывание. Так, в [3] выделены два больших класса показателей достоверности (далее ПД) — показатели характерной и показатели нехарактерной информации. Характерная информация о некотором объекте *A* — это информация, которая позволяет судить об *A* непосредственно, без привлечения логического вывода. Нехарактерная информация — это такая информация, на основе которой говорящий не может судить об *A* без привлечения логического вывода. Нехарактерная информация описывает не само *A*, а сопутствующие, соотносимые с ним явления. В качестве примера противопоставления по признаку "характерная — нехарактерная информация" можно привести пару *кажется — наверное*.

В рамках глаголов мнения аналогичное деление проведено в [2], где различаются глаголы, которые вводят собственно оценочные суждения (например, *считать, находить, мне кажется*), и глаголы, которые вводят оценки-предположения (например, *думать*). Последние формируются субъектом тогда, когда из-за отсутствия непосредственного контакта с объектом оценки он может высказать только предположение о тех или иных его качествах. Ср.: *Я книгу не читал, но думаю* (оценка-предположение), *что она интересная*/**считаю* (собственно оценка — оценивается непосредственно воспринимаемый объект), *что она интересная*. Таким образом, здесь проводится противопоставление по тому, сформировано ли вводимое ментальными предикатами суждение на основе личного контакта с предметом оценки или в ситуации отсутствия такого контакта.

На наш взгляд, деление эпистемических единиц по способу формирования вводимых ими суждений не является бинарным. Здесь необходимо выделять в общем случае три класса единиц, в зависимости от того, сформировано ли суждение на основе личного контакта с объектом (I класс), на основе опосредованного контакта (II класс) либо при отсутствии любого контакта (III класс). Итак, мы выделяем дополнительный класс, в который входят предикаты, сообщающие о том, что высказывание построено в ситуации наличия опосредованного контакта с предметом оценки. Во французском языке, например, эти три класса представлены следующими единицами (см. [5]): I. *trouver, considérer*; II. *avoir l'impression, juger*; III. *penser, croire*. Единицы I и III классов соотносятся примерно так же, как русские глаголы *считать* и *думать* соответственно. II класс можно проиллюстрировать примером О. Дюкро [5]: Предположим, что субъект *У* не видел фильм *Х* (отсутствие непосредственного контакта), но наблюдал за зрителями, выходящими из кинотеатра после сеанса;

это дает ему право произнести следующую фразу: *J'ai l'impression (II) que ce film est intéressant* (букв. 'У меня впечатление, что фильм интересный'). Использование единиц II класса свидетельствует о том, что говорящий строит свое умозаключение о предметной ситуации на основании косвенных данных. Точного русского эквивалента использованному французскому предикату нет, поэтому прямой перевод приведенного предложения невозможен. Ближе всего по значению к выражению *avoir l'impression* ПД *видимо*.

Рассмотрим введенное противопоставление в системе русских ПД. Здесь выделяются уже известные ПД характерной информации (*кажется*), нехарактерной (*наверное*) и новый класс — ПД, которые свидетельствуют о том, что высказывание строилось в условиях опосредованного контакта с предметной ситуацией, — мы будем называть их ПД контекстно-связанной информации. В [3] ПД последнего класса причислены к группе ПД нехарактерной информации, однако в действительности показатели контекстно-связанной информации (*видимо*, *по-видимому*) функционируют не так, как ПД нехарактерной информации. В частности, *видимо* не может употребляться в тех случаях, когда говорящий формирует свое высказывание на основании только логического вывода, не опираясь ни на какой элемент той предметной ситуации, о которой он судит (что возможно для ПД нехарактерной информации). Поэтому невозможно использование этого ПД при описании "сугубо однозначных" ситуаций, если говорящий отделен от описываемой ситуации (т.е. если у говорящего нет непосредственной возможности ее восприятия), ср.:

(1) *А сейчас хорошо на Клязьме. Теперь уж соловьи, наверное (*видимо), поют* (Булгаков).

(2) *Сколько же времени я пролежал без сознания, в горячке? Наверное (*видимо), я очень изменился, похудел, осунулся.*

(3) — *Давай позвоним Ване.*

— *Да нет, уже поздно, он, наверное (*видимо), уже спит.*

И наоборот, высказывания с ПД *видимо* становятся возможны сразу же, как только у говорящего появляется какая-то связь с предметной ситуацией. Так, например, последнее предложение из (3) будет уместно в том случае, когда говорящий набрал номер телефона Вани, но ответа не дождался. В этом случае он может произнести следующую фразу:

(4) *Он, видимо, спит.*

Естественно, что в таких контекстах возможны и ПД *наверное*, должно быть, вероятно.

Отметим, что в (3) ПД *наверное* употребляется для указания на чисто логическое умозаключение: время позднее, в такое время люди (Ваня) обычно спят → Ваня спит. В (4) уже имеется анализ ситуации 'Ваня спит', возможных следствий из нее: налицо факт *S* (Ваня не отвечает на телефонные звонки); факт *S* бывает следствием ситуации *P* (Ваня спит); отсюда вывод о возможности наличия ситуации *P*.

Аналогично предложение *Видимо, я очень изменился* из (2) становится возможным в случае, если говорящий высказывает его в

результате наблюдения некоторого факта *S*, который может косвенным образом свидетельствовать в пользу вывода о том, что я изменился.

(5) *При виде меня Оля побледнела и отшатнулась: видимо, я очень изменился.*

Неупотребимость *видимо* при описании предметных ситуаций, полностью оторванных от говорящего, сближает этот ПД с показателями характерной информации (см.[3, 285 — 287]), ср.: *А сейчас хорошо на Клязьме. Теперь уж соловьи, *кажется* (ПД характерной информации) **видимо, поют.*

С другой стороны, *видимо* фигурирует во многих контекстах, разрешенных для ПД нехарактерной информации и запрещенных для ПД характерной информации, например:

(6) [говорящий описывает свой разговор по телефону] *Таня жаловалась на маму, но вдруг резко изменила тему, начала говорить что-то об отпуске — видимо/наверное (*кажется), кто-то вошел в комнату.*

Таким образом, *видимо* оказывается промежуточным элементом между показателями характерной (*кажется, как будто*) и показателями нехарактерной (*наверное, вероятно*) информации: его использование свидетельствует, с одной стороны, о привлечении говорящим логического вывода при формировании суждения о наличии ситуации *P* (что объединяет его с ПД нехарактерной информации); с другой стороны, о построении этого логического вывода на основе непосредственного (хотя бы и минимального) восприятия или контакта с описываемой предметной ситуацией, на основе анализа элементов ситуации *P* или ее возможных следствий. В некоторых случаях последнее свойство этой модальной частицы определяет предпочтительность ее (по сравнению с ПД *наверное, должно быть*) в определенных контекстах. Так, в (7) и (8), как нам представляется, *видимо* более уместно, чем *наверное* (замежим, что в этих предложениях эксплицитно указаны факты, послужившие основой логического умозаключения):

(7) *Он, видимо (?наверное), поручил ей что-то, потому что она быстро встала и вышла.*

(8) *Я, видимо (?наверное), побледнела, потому что Саша бросился ко мне с испуганным лицом.*

Очевидно, можно говорить, что ПД типа *наверное* большей частью закреплены за случаями логического вывода, основанного на представлениях о нормативном ходе событий, например:

(9) — *Петя поступил в институт.*

— *Мама, наверное, счастлива* (матери обычно радуются успехам детей).

Лексема *видимо* неприменима в случае подобных абстрактных выводов, она привязана к конкретной предметной ситуации: говорящий, констатируя некоторый факт *S* и зная, что *S* может быть следствием из *P*, выдвигает гипотезу о наличии *P*.

В предложениях, допускающих и ПД *видимо*, и ПД *наверное, должно быть* и т.п., использование модального показателя *видимо* может создавать эффект непосредственного присутствия, непосред-

ственного контакта говорящего с описываемыми событиями. Гипотезы, сформированные на базе анализа реальных ситуаций, по всей видимости, имеют больший вес (в наивной картине мира), чем гипотезы, исходящие из каких-то общих представлений и закономерностей. Именно этим объясняется имеющееся, на наш взгляд, прагматическое различие между высказываниями *Наверное, Р и Видимо, Р*: последнее, как кажется, выражает большую уверенность говорящего в наличии *Р*, обладает большей убедительной силой. Так, например, в ситуации долгого хождения по лесу в бесплодных поисках грибов реплика *Видимо, грибов в этом году нет* представляется более "категоричной", чем соответствующая реплика с ПД *наверное: Наверное, грибов в этом году нет*.

С другой стороны, *видимо* отличается от ПД характерной информацией (например, *кажется*). Употребление *видимо* следует за процедурой логической обработки данных, которые лишь косвенно могут свидетельствовать о наличии ситуации *Р*. В тех случаях, когда присутствуют явные признаки ситуации *Р*, гипотеза оформляется ПД *кажется*. *Кажется* тоже свидетельствует об определенной процедуре логического заключения на основе наличествующих признаков. Но если сравнивать функционирование ПД *кажется* и *видимо*, то оказывается, что *видимо* используется в менее однозначных ситуациях, т.е. в ситуациях, требующих более сложных логических операций, чем выводы о *Р*, покоящиеся на констатации характерных признаков наличия *Р*. Так, например, неуместным будет высказывание

(10) *Ваня, видимо, спит*

в ситуации, когда говорящий видит Ваню лежащим в постели с закрытыми глазами — в этом случае естественным будет употребление ПД *кажется*:

(11) *Ваня, кажется, спит*.

Однако необходимо отметить, что и лексема *кажется* может свидетельствовать о логическом выводе на основе косвенных признаков. В такой функции этот показатель выступает, например, в ситуации, когда мать, прислушиваясь к тому, что делается в детской, и констатируя, что шум затих, говорит:

(12) *Ваня, кажется, наконец заснул*.

Если в (10) использование слова *кажется*, отражающего неуверенность говорящего в истинности пропозиции *Р*, было продиктовано тем, что говорящему известно, что наблюдаемые признаки — Ваня лежит с закрытыми глазами — не обязательно означают, что Ваня действительно спит, то в (11) *кажется* означает, что неполная уверенность говорящего в осуществлении *Р* покоится на том, что он судит о *Р* по косвенным признакам (шум затих).

В ситуации, заданной нами при введении предложения (11), возможно использование и ПД *видимо* — ведь значение его как раз сводится к описанию логического вывода, основанного на косвенных данных: (12) *Ваня, видимо, наконец заснул*. Но интересно (и это, возможно, характерно для всех употреблений этого ПД), что (12) в отличие от (11) высказывается не только как гипотеза

о событии *P*, которая возникла у говорящего в результате обнаружения им факта *S* — шум затих, но и как попытка объяснить факт *S*. Таким образом, получается цепочка: говорящий констатирует некоторый факт *S* (шум затих), на основе этого он делает вывод о возможности ситуации *P* (Ваня спит) и возможностью существования *P* объясняет существование *S*. Ср.:

(13) — *Что-то в детской так тихо?*

— *Он, видимо/*кажется, заснул*

(если ПД *кажется* здесь и возможен, то очевидно, что мнение в этом случае будет сформировано не на базе констатации отсутствия шума, а на чем-то другом).

Опосредованный контакт может иметь и другую разновидность. Мы имеем в виду формирование суждения у субъекта на основании мнений других лиц о конкретном объекте или конкретной предметной ситуации, например:

(14) *Фильм, кажется, хороший*

(см. об употреблении ПД *кажется, вроде* и др. в функции "квотативов" в [1]).

Итак, в рамках ПД мы выделяем показатели характерной (*кажется*), показатели нехарактерной (*наверное*) и показатели контекстно-связанной (*видимо*) информации. Подтверждение нашей гипотезы о необходимости разграничения контекстно-связанной и нехарактерной (контекстно-свободной) информации мы нашли в организации системы ПД в языке туюка (см. [4; 6]). Система ПД там представляет собой совокупность обязательных глагольных суффиксов, согласующихся в роде, лице и числе с субъектом глагола и имеющих два времени — настоящее и прошедшее. Говорящий на туюка должен в обязательном порядке указывать, каков характер той информации, на основе которой строится высказывание. В этом языке различаются пять типов информации: 1) полученная визуальным путем; 2) полученная чувственным, но не зрительным путем; 3) полученная путем восприятия не самого события *P*, а какого-либо из его признаков или следствий; 4) полученная из вторых рук; 5) "полученная путем предположения. Говорящий делает логическое умозаключение о положении дел или событий исключительно на основе общих знаний" [6, 124].

III и V классы ПД в туюка соответствуют нашему противопоставлению ПД контекстно-связанной и ПД нехарактерной, контекстно-свободной информации, соответственно. Для иллюстрации приведем два примера использования ПД III и V классов в туюка:

(15) *pisānā mīnīmāk- ɪr ɪnēyahā-yi* 'Кошка поймала и съела птицу + ПД III класса' ≅ 'По-видимому, кошка поймала и съела птицу'. Это высказывание может быть произнесено, например, в ситуации, когда говорящий видит лежащие на земле перья (т.е. в ситуации, когда говорящий делает вывод об осуществлении *cof* ытия *P* на основе имеющих косвенных свидетельств, признаков).

(16) *wesé tānāra tii-kúa* 'Они сейчас расчищают новые поля + ПД V класса' ≅ 'Они, вероятно/наверное, расчищают сейчас новые поля'.

Говорящий произносит это высказывание, находясь в городе, на основании того, что он знает, что в это время года люди расчищают поля (таким образом, говорящий строит высказывание под влиянием своего опыта и своих знаний о возможном и/или нормативном ходе событий).

Существенно, что информация для говорящих на туюка иерархически организована по степени достоверности: самая достоверная информация — информация, полученная визуально; далее следует информация, полученная путем чувственного (но не зрительного) восприятия, потом — контекстно-связанная информация, затем — информация из вторых рук, и последнее место занимает контекстно-свободная, т.е. нехарактерная, информация. (Ср. выше наше замечание о том, что высказывания с ПД *видимо* выражают большую уверенность говорящего в наличии ситуации *P*, чем соответствующие высказывания с ПД *наверное*.)

Итак, мы постулируем необходимость различения (по крайней мере для некоторых языков) информации трех видов — характерной, контекстно-связанной и контекстно-свободной, или нехарактерной. Однако необходимо оговорить, что эта схема не всегда реализуется так четко, как, например, в системе французских глаголов мнения: *trouver, considérer* (характерная информация) — *avoir l'impression, juger* (контекстно-связанная информация) — *penser, croire* (контекстно-свободная информация). В частности, одна и та же лексема может быть показателем сразу нескольких типов информации. Так, французский глагол *paraître*, во многих отношениях эквивалентный русскому парентетическому *кажется* и вводящий характерную информацию, может использоваться (в отличие от русской лексемы) и как показатель контекстно-связанной информации, сближаясь с русским ПД *видимо*:

(17) *Son zèle parut réussir car bientôt le stréphopode témoignait l'envie d'aller en pèlerinage à Bon-Secours, s'il se guérissait* (Flaubert) 'Усердие его, по-видимому (*кажется), принесло свои плоды, так как очень скоро стрефопод выразил желание сходить на богомолье в Бон-Секур, если будет здоров' (мнение о результативности усердий церковника основано на анализе действий стрефопода).

Аналогичная ситуация имеет место в системе русских ПД достаточной информации (напомним, что признак достаточность/недостаточность информации отражает количественную оценку имеющейся у субъекта информации, степень ее достоверности). Если показатели недостаточной информации разбиваются, как мы видели, на три класса (*кажется* — *видимо* — *наверное*), то в рамках достаточной информации модального показателя, аналогичного по своим свойствам лексеме *видимо*, нет. Его функцию выполняют единицы из класса ПД характерной информации *явно* и *определенно*. Иными словами, русские показатели достаточной характерной информации (в отличие от ПД недостаточной характерной информации *кажется*) могут вводить контекстно-связанную информацию; см., например, предложение (18), в котором эксплицитно сформулированы те признаки, на

основании которых говорящий делает вывод о наличии конкретной ситуации. При этом по степени достоверности лексема *явно* окажется в отношении противопоставления уже не с лексемой *кажется* (как это имеет место в рамках характерной информации: *явно* — показатель характерной достаточной, *кажется* — показатель характерной недостаточной информации), а с лексемой *видимо*.

(18) Я явно (**кажется*)/*видимо*, сказал что-то не то, потому что все вдруг замолчали и посмотрели на меня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Наст. сб. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1985.
2. Дмитриовская М.А. Глаголы знания и мнения: Значение и употребление: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1985.
3. Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
4. Barnes J. Evidentials in the Tuyuca verb // International Journal of American Linguistics. 1984. Vol. 50, N 3.
5. Ducrot O. et al. Les mots du discours. P., 1980.
6. Malone T. The origin and development of Tuyuca evidentials // International Journal of American Linguistics. 1988. Vol. 54, N 2.

И.М. Кобозева

МЫСЛЬ И ИДЕЯ НА ФОНЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ МЕНТАЛЬНЫХ ИМЕН

В работе два квазисинонима — *мысль* и *идея* — рассматриваются в контексте общей проблемы описания ментальных имен. Вначале кратко характеризуется общее поле ментальных имен, затем еще более кратко — группа ментальных имен, обозначающих объекты или результаты ментальных актов, и, наконец, более подробно описываются два имени, выбор которых ниже будет обоснован.

Под ментальными именами мы будем понимать существительные, относящиеся к ментальному полю. Большинство ментальных имен связаны стандартными семантическими корреляциями с предикатами ментальных действий, состояний и способностей. Следовательно, ментальные имена можно распределить по категориям в соответствии с теми парадигматическими отношениями, которые связывают имя с его предикатным коррелятом. Набор таких стандартных корреляций представлен системой лексических функций типа "замен" в модели "Смысл — Текст" (см., например, [5, 81]). Это дает нам следующие категории ментальных имен:

— номинализации ментальных предикатов (S_0): *знание* (= S_0 (*знать*)), *понимание* (= S_0 (*понимать*)); *осознание* (= S_0 (*осознавать*)) и т.п. Интересно отметить, что некоторые из этих имен функционируют и как событийные, и как фактообразующие номинализации [3]. Ср., например, *уверенность*: *Его уверенность в собственной непо-*

грешимости очевидна/неприятно поражает (фактообразующее значение); *Его уверенность в собственной непогрешимости непоколебима* (событийное значение). Другие имеют только событийную интерпретацию, например *размышление*;

— имена объектов, точнее, содержаний ментальных состояний (S_2): *мнение* (= S_2 (считать)), *предположение* (= S_2 (предполагать)), *сомнение* (= S_2 (сомневаться)), *впечатление* (= S_2 (казаться)) и т.п.;

— имена результатов ментальных действий (S_{res}): *решение* (= S_{res} (решать)); *изобретение* (= S_{res} (изобретать)), *план* (= S_{res} (планировать)) и т.п.;

— имена инструментов ментальных действий — элементов сознания, посредством которых осуществляется ментальное действие (S_{instr}): *воображение* (= S_{instr} (воображать)); *память* (= S_{instr} (помнить)); *разум* (= S_{instr} (мыслить)) и т.п.

Значительно беднее представлены следующие категории ментальных имен:

— имена мест—областей сознания, где осуществляются ментальные акты (S_{loc}): *память* (= S_{loc} (вспоминать)), ср.: *В памяти вставали картины далекого прошлого*; *воображение* (= S_{loc} (воображать));

— имена субъектов ментальных действий (S_1): *мыслитель* (= S_1 (мыслить)); *изобретатель* (= S_1 (изобретать)) и т.п.;

— имена способов ментальных действий (S_{mod}): *менталитет* (= S_{mod} (мыслить)).

Кроме того, существуют ментальные имена, представимые как результат последовательного применения нескольких лексических функций к ментальному предикату, например имя способности, склонности к осуществлению определенных ментальных действий (ср. *мечтательность* (= S_0 (Able (мечтать))) и т.д.

В духе когнитивного подхода к семантике можно переосмыслить лексические функции как слоты фрейма, сопоставляемого ментальному акту. Соответственно многозначность многих ментальных имен, основанная на метонимии, будет трактоваться как перенос имени с одного слота фрейма на другой. Так, имя *мысль* может обозначать: 1) процесс мышления (ср. 1-е значение слова *мысль* в словаре Ожегова [6], приведение *мысли* в качестве синонима к *мышлению* в словаре Александровой [1], например: *Трудно было проследить нить его больной, свихнувшейся мысли*); 2) инструмент мышления (ср.: *Его мысль постоянно работает*; *Силой своей мысли он преодолел пространство и время.*); 3) объект — содержание недифференцированного ментального состояния (ср. 3-е и 4-е значения по словарю Ожегова, например: *Мысль, что сын подвергается опасности, не давала ей покоя. О бедность! Какими ты гнусными и подлыми мыслями наполняешь сердце человека*); 4) результат ментального действия (ср.: *Он пришел к мысли о необходимости введения президентского правления*); 5) область, где разворачиваются ментальные действия (ср.: *В мыслях он видел себя министром*); 6) совокупность результатов ментального действия (ср.: *Объектом его анализа была русская мысль первой половины XIX века*; *Думаете ли вы, что между*

вашей мыслью и марксизмом могут возникать в будущем "точки соприкосновения"?). Кроме того, имя *мысль* переносится и на связанный с фреймом мысли фрейм семиотической, или информационной, деятельности, где выступает в качестве имени, обозначающего информацию, заключенную в сообщении (ср.: *Постараюсь донести до вас основную мысль его выступления*).

Однако, несмотря на многозначность ментальных имен и на то, что они могут соотноситься не с одним, а с несколькими разными предикатами, у большинства исследователей не вызывает сомнения, что они семантически производны по отношению к ментальным предикатам и что исходным объектом семантического анализа ментальной сферы должны стать именно эти предикаты. Нисколько не подвергая сомнению возможность свести проблему толкования большинства ментальных имен к проблеме толкования их предикатных коррелятов, мы не можем пройти мимо таких ментальных имен, для которых само обнаружение подобного коррелята представляет самостоятельную задачу. К числу таких имен относится *идея* — весьма частотное в обыденном языке ментальное имя, что и побуждает нас попытаться если не истолковать его, то хотя бы описать его особенности в ряду семантически близких ему слов ментального поля.

Так же как и слово *мысль*, слово *идея* неоднозначно. Нас здесь будет интересовать только ментальное значение *идеи* (в отличие от семиотического, ср.: *идея этой книги, этого демарша* и т.п.) и среди ментальных значений — только то, которое соотносительно с пропозицией (например, *идея объединения левых сил* = *идея: левые силы должны объединяться*), а не с термом (ср.: *идея бога*).

Идея в интересующем нас употреблении обнаруживает много общего с именем *мысль*, что проявляется в обыкновении трактовать их как синонимы и толковать *мысль* через *идею* и *идею* через *мысль*. Оба имени могут выступать и как обозначения объекта (содержания) ментального состояния (ср. у Ожегова: то, что "заполняют сознание"), и как обозначения результатов, продуктов мыслительной деятельности (ср. с одной стороны: *Внезапно у меня возникла мысль/идея пригласить на вечер фокусника* — и с другой стороны: *К этой мысли/идее он пришел в результате многолетних изысканий*). Так что различие объект/результат, по-видимому, не релевантно для семантики данных имен, и место их в системе проще указать, используя предложенную И.Б. Шатуновским [8] схему эпистемических предикатов: "*X* имеет в уме (*P* — есть)". И *мысль* и *идея* относятся к группе имен, называющих то, что "имеется в уме". К этой группе относятся имена *мнение, мечта, сомнение, подозрение, представление, впечатление, предположение, догадка, вера* и др. Интересно отметить, что семантическая категория ментального имени, по-видимому, предопределена коммуникативной структурой соотносительного с ним предиката, что служит еще одним доводом в пользу теории И.Б. Шатуновского. Действительно, почему *вера* и *знание* могут не только обозначать объекты состояний *верить* и *знать* (S_2), но быть и именами самих этих состояний (S_0), а *мнение, подозрение, до-*

гадка — только именами объектов. Естественно предположить, что в том случае, когда в коммуникативном фокусе оказывается пропозиция *P*, а не сам предикат ментального состояния и не истинностная оценка *P*, то образованное от предиката имя может называть только класс пропозиций, составляющих содержание данного ментального состояния. В противном случае возникает возможность для двоякого употребления (метонимии) ментального имени или образуются два имени — одно для обозначения самого состояния (например, *убежденность*), другое — для обозначения его содержания (например, *убеждение*).

Возможность процессуального употребления имени *мысль*, соотносящегося с эпистемическими предикатами *думать*, *считать*, *полагать* и т.п., что *P*, казалось бы, нарушает указанную закономерность. Однако она объясняется тем, что имя *мысль* коррелирует и с предикатами активной ментальной деятельности (*мыслить*, *размышлять*, *думать* и т.п.), в семантике которых сема "иметь в уме" оказывается в фокусе. Имя *идея* не имеет процессуальных употреблений, что служит косвенным доказательством того, что соответствующий гипотетический эпистемический предикат по своей коммуникативной организации относится к той же группе, что *считать*.

Имя *мысль* может рассматриваться как родовое по отношению к другим именам рассматриваемой категории. Это подтверждается возможностью использования его для номинации содержания практически любого эпистемического состояния. Ср.: *Я думаю, что он уже не придет. — Гоните от себя эту мысль; Он считает этот фильм шедевром. — Я разделяю его мысль; Она убеждена в необходимости развода, и никто не может сдвинуть ее с этой мысли; Я верю в торжество справедливости, и эта мысль придает мне силы. Идея же явно выступает как гипоним мысли. Действительно, во всех контекстах, кроме некоторых метафорических, идею можно заменить на мысль без ущерба для правильности и без существенных смысловых потерь. Ср.: Идея переброски (мысль о переброске) северных рек энергично поддерживалась в Средней Азии; Пришлось отказаться от идеи (мысли) пойти в кино; Послушай, какая блестящая идея (мысль) пришла в голову нашему Пете. Напротив, попытка заменить мысль на идею в целом ряде контекстов создает семантическую аномалию: (1) Мысль о вчерашнем происшествии (*идея...) заставила его улыбнуться; (2) Она смирилась с мыслью о том (*идеей того), что с ней не считаются; (3) Он уснул с мыслью о предстоящей поездке (*с идеей предстоящей поездки). Примеры демонстрируют несочетаемость концепта идеи с пропозицией в реальной модальности, независимо от того, к какому временному плану она относится — прошедшему, настоящему или будущему. Пропозиция, составляющая содержание идеи (по крайней мере в прототипическом обыденном употреблении), имеет нейтральную модальность, а это значит, что она находится в сфере действия предиката или оператора, вводящего в рассмотрение мир, отличный от реального. Экспликация содержания идей показывает, что это могут быть деонтические*

предикаты типа 'должно', 'надо', 'следует' либо аксиологические предикаты в контексте ирреального условного суждения — 'было бы хорошо, если бы'. Ср.: *идея социального равенства* — 'должно быть так, чтобы все члены общества были равны', *идея переброски рек* — 'нужно перебросить реки, чтобы...', *идея пойти в кино* — 'было бы хорошо пойти в кино' и т.д.

Итак, мы можем заключить, что идея есть объект ментального состояния, представимого в виде ' X имеет в уме $M(P)$ ', где M — оператор, относящийся к одному из вышеуказанных типов. Скрытые в концепте идеи модальные операторы связывают этот концепт с другими важнейшими концептами духовной сферы. Так, оператор 'должно' связывает идею с долгом и через него с нравственностью и другими понятиями этической сферы.

Семантические особенности *идеи* проявляются в специфике ее метафоризации. Будучи разновидностью *мысли*, *идея* имеет все основные метафоры, свойственные мысли как объекту/результату ментального акта, но у каждого из двух имен есть и свои характерные метафоры. Ниже приводятся основные метафоры *мысли* и *идеи*, структурированные в соответствии с приведенной ниже схемой. Материал черпался нами как из словарей, в особенности [4] и [7], так и из текстов преимущественно публицистического характера. Нумерация метафор отсылает к схеме; вначале даются метафорические концепты для мысли, затем — для идеи.

I. Мысль/идея как физический объект

1.1 Неодушевленный

Атрибуты:

Линейные размеры:

— вообще:

МЫСЛЬ: большая

ИДЕЯ: большая/мелкая

— длина:

МЫСЛЬ: короткая

ИДЕЯ: —

— ширина:

МЫСЛЬ: широкая

ИДЕЯ: узкая

— высота:

МЫСЛЬ: высокая

ИДЕЯ: высокая

— глубина:

МЫСЛЬ: глубокая

ИДЕЯ: глубокая/мелкая

Форма:

МЫСЛЬ: бесформенная, изящная

ИДЕЯ: деформировать ~ю

Цвет:

МЫСЛЬ: бледная, серая, светлая/темная, яркая; черные, радужные

ИДЕЯ: —

Вес:

МЫСЛЬ: легкая/тяжелая

ИДЕЯ: (только в сочетании с другими метафорами, например движения — идея эта всплыла в обществе...)

Температура:	МЫСЛЬ: горячая/холодная, жгучая, стылая
	ИДЕЯ: —
Оптические свойства:	МЫСЛЬ: беспросветная, неясная, прозрачная, расплывчатая, смутная, туманная, четкая, ясная
	ИДЕЯ: прозрачная, расплывчатая, четкая, ясная
Тактильные свойства:	МЫСЛЬ: острая/тупая, колющие; Эта мысль впилась в меня со всюю силой неотразимого упрека
	ИДЕЯ: —
Форма существования	— движение:
	МЫСЛЬ: быстрая; мысли, летящие вперед; его мысли неслись, как облака в небе; мысль эта давно вертелась в моей голове; мелькали мысли о побеге (движение + зрительное восприятие)*
	ИДЕЯ: —
Способы манипулирования:	МЫСЛЬ: внедрять, вбивать в голову, выбрасывать из головы, доносить, подавать, подхватывать; Горбулин, с усилием поднимая с днища души склизлую мысль, сказал...; Какой-то жаркий вихрь налетел и скомкал все его мысли; Мысли в нем рассеяны, как тучи после бури
	ИДЕЯ: бросать, выбрасывать из головы, вбивать в голову

1.1.1) Мысль/идея как отчуждаемая собственность, принадлежность человека

МЫСЛЬ: у меня есть одна мысль; эта мысль принадлежит Ницше; он поделился со мной своими мыслями

ИДЕЯ: у него не было идеи развала страны; ему принадлежит только идея; перед смертью он всем дарил свои идеи; Вы дали идею — большую, этапную в жизни театра; "ВИД" — компания, богатая идеями; обмен идеями, грабеж в области идей;

* Еще более широкая сочетаемость с предикатами движения характерна для имени *мысль* в значении процесса (см. [2, 164—167]).

безвозмездное заимствование западным бизнесом наших идей

— как товар:

МЫСЛЬ: богатая, дешевая, ценная; Он мне надоел со своими мутными мыслями ценой в грош

ИДЕЯ: покупать/продавать ~и; захватить монополию на распространение идей Востока; Все, что у нас осталось в качестве капитала, — это мозги и идеи

1.1.2) Мысль/идея как пространственный ориентир

МЫСЛЬ: высокая, далек от ~и, остановиться на ~и, подводить, подталкивать к ~и, прийти к ~и; Этот гаденький вопрос довел ее до мысли, что жизнь не сложилась вообще; склоняться к ~и

ИДЕЯ: высокая; Идти к этой идее можно тремя путями; Всякий, кто удаляется от идей, в конце концов обогатится при одних ощущениях

1.1.3) Мысль/идея как конкретные виды физических объектов

1.1.3) а. Растение: **МЫСЛЬ:** —

ИДЕЯ: беспочвенная; прививать людям прекрасные ~и; Идеи исламского фундаментализма пустили корни в Азии; Идеи обладают свойствами воплощаться и плодоносить где-то за границей; Социалистические идеи срослись с нашей национальной культурой

1.1.3) б. Опорная конструкция:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: методы руководства, основанные на идеях чучхе; Любой человек — эгоист, но когда он под это подводит свои идеи...; Его под держивала только одна вечная, неподвижная идея выбиться наконец из скверного положения

1.2. Мысль/идея как одушевленный объект

Предикаты жизненного цикла и связанные с ними:

МЫСЛЬ: живая; Эти угарные мысли живут где-то вне человека; Мысль важная в уме его родилась; Уединение питает великие мысли в человеке

ИДЕЯ: Идея Родины жива и будет жить вечно; Идея эта родилась давно; эти идеи имеют немецкое происхождение; душитель идей

Предикаты положения и самостоятельного движения:

МЫСЛЬ: Какая-то темная мысль как гвоздь сидела в его голове; мысли бродили, роились, летали, как стаи галок в голове; Все та же неотвязная мысль вокруг меня, как чер-

ный ворон вьется; эта мысль не раз приходила ему в голову; Новиков отогнал суетные мысли; Мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами

ИДЕЯ: Эта идея давно засела в его голове; идея пришла в голову; Идея вернулась с конгресса в жизнь; Когда встречаются идеи с характером, то возникают явления, которые изумляют весь мир

1.2.1) Мысль/идея как человек

1.2.1) а. Целесообразный деятель

1.2.1)а.1. Стремящийся завладеть объектом:

МЫСЛЬ: им овладела мысль; эта мысль захватила всех

ИДЕЯ: Идеи раскола овладевают умами наших парламентариев; Сейчас эта идея захватила всех

Ведущий ради этого борьбу:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: борьба ~й; победа, торжество ~и

1.2.1)а.2. Преследователь:

МЫСЛЬ: Его преследовала мысль о грозящем разорении

ИДЕЯ: —

1.2.1)а.3. Контролер действий других людей:

МЫСЛЬ: Глобальная мысль о государстве должна подчинить себе все другие мысли; Им руководила мысль о пользе дела; Ее растрепанные мысли вели ее от одной нелепости к другой; Какая подспудная мысль привела ее к этому вопросу

ИДЕЯ: Господствует идея о том, что...; верховенство общечеловеческой ~и; руководящие ~й; Раньше служили идее, теперь идеи нет; Экономике пробуют взять в служанки политической идеи; Робеспьер — фанатик, раб идеи

1.2.1)б. Объект чувства:

МЫСЛЬ: —

ИДЕЯ: ревностный поклонник идеи суверенитета; верность ~е; Наши политики, как правило, влюблены в ту или иную идею

1.2.1)в. Сверхъестественное существо:

МЫСЛЬ: бессмертная; Он одержим мыслью о засевших всюду вредителях

ИДЕЯ: свято и слепо верить в ~ю; одержимый ~ей частного предпринимательства; Идеи — это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им

- II. Мысль как субстанция
МЫСЛЬ: поглощен ~ю, погрузиться в ~и, течение ~ей, наполнять сердце ~ями; исполнен мыслями златыми; Ум его утонул в хаосе неясных мыслей; К веселым мыслям стали примешиваться мрачные
- ИДЕЯ:** —
- III. Мысль/идея как источник света
МЫСЛЬ: блестящая, светлая; Лучше не раздувать эти чадные мысли
- ИДЕЯ:** блестящая, светлая; Социалистические идеи, начавшие было гаснуть, возрождаются в рабочей среде
- IV. Мысль/идея как траектория
МЫСЛЬ: В потоке дезинформации четко прослеживалась мысль, что без чрезвычайных мер навести порядок нельзя
- ИДЕЯ:** Быстрого продвижения по этим идеям ждать не приходится; Он блокирует любые неугодные ему идеи
- V. Мысль/идея как сила
МЫСЛЬ: Голая мысль ученого и живая мысль художника — две силы, существенно различные
- ИДЕЯ:** Эти идеи прежде всего ударят по здоровым реформаторским силам; Идея многовариантности разрушает государственность

Указанные метафоры служат исходной базой для порождения более сложных метафор, обнаруживаемых в идиолектах. Так, метафора В.Я. Брюсова: "Мысли, жалте жалами медленных ос!" — основана на метафоре *мысли* как физического объекта, обладающего специфическими тактильными свойствами (здесь — способностью колоть, впиваться), и как одушевленного объекта, обладающего способностью к самостоятельному движению (здесь — хаотическому движению совокупности мелких живых существ). Метафора В. Гюго: "идея-путеводитель" опирается на базовую метафору жизни как путешествия и идеи как "контролера".

Сопоставляя метафоры *мысли* и *идеи*, мы видим, что семантическая специфика *идеи* как особой разновидности *мысли*, с одной стороны, исключает некоторые способы ее метафоризации или сужает круг метафорических контекстов, а с другой стороны, определяет развитие у *идеи* новых метафор, не характерных для *мысли* в целом. Так, ограничения, накладываемые на пропозициональное содержание идеи, проявляются в ограничении количества атрибутов физического объекта, переносимых на нее: идеи не описываются в терминах длины, цвета, температуры, тактильных свойств. Особый статус идей среди прочих мыслей, обусловленный их связью с модусами долга, цели и желания, проявляется в их относительной стабильности сравнительно с прочими мыслями, обычно пребывающими в движении: идея "покоится" в уме до тех пор, пока она либо не осуществится, либо

не сменится другой идеей, что требует времени, поскольку в первом случае предполагает совершение определенных действий, а во втором — смену целей и ценностей. Стабильность идеи вместе с ее организующей по отношению к прочим мыслям ролью отражается в метафоре опорной конструкции. Как нельзя более удобной для выражения различных аспектов существования идеи в сознании человека оказалась метафора растения: ценностно-ориентированные представления (семена) заносятся извне в сознание (почву), укрепляются в нем (пускают корни), формируются в суждения (прорастают); реальность может подкреплять идеи (питать их) или оставлять без подкрепления (и тогда они чахнут); при благоприятных условиях идеи воплощаются в жизнь (приносят плоды). Особый статус идей препятствует объединению их с прочими мыслями и друг с другом в обезличенные совокупности (разного рода рои, стаи и т.п.), а тем более исключает осмысление идей как нерасчлененной, однородной субстанции (вещества): идеи индивидуализированы и могут объединяться только в систему — идеологию. По той же причине именно идеи становятся объектами чувств — отношений. Обязательная связь идей с такими регулятивами поведения, как долг, цель и желание, позволяет перенести на них свойства лица, борющегося за власть над другими и, достигнув ее, осуществляющего контроль над действиями других лиц. Обращает на себя внимание тот факт, что метафоры борьбы и контроля (земной или божественной природы) не отмечены в обширном каталоге метафор [9] у английского эквивалента имени *идея*—*idea*, что можно интерпретировать либо как следствие тонких семантических различий между двумя именами, либо как отражение различий в соответствующих "картинах мира".

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1975.
2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора: синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
3. Арутюнова Н.Д. Сокровенная связка (к проблеме предикативного отношения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980. № 4.
4. Гофбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
5. Мельчук И.А. Опыт теории моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
7. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1978.
8. Шатуновский И.Б. Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
9. Lakoff G., Espenson J., Goldberg A. Master metaphor list / Univ. of California. Berkeley, 1989 (mimeo).

**УВЕРЕН И УБЕЖДЕН:
ДВА ТИПА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ¹**

Принято считать, что ментальные предикаты *уверен* и *убежден* являются синонимами, что с их помощью передается одно и то же эпистемическое состояние. Исходя из предположения о синонимичности этих предикатов, их семантическую структуру изображают обычно следующим образом (см., например, [3]):

(I) С *уверен/убежден*, что $P = C$ считает, что не P невозможно.

Однако представляется, что данное толкование по крайней мере недостаточно полно, с его помощью не улавливается ряд существенных смысловых различий между предикатами *уверен* и *убежден*. Довольно очевидно, что обозначаемые посредством этих предикатов внутренние состояния — уверенность и убежденность — вовсе не идентичны. Они различаются по меньшей мере тем, что можно назвать степенью "категоричности". Иными словами, можно сказать, что с помощью предиката *убежден* высказывается более "сильное", более "категоричное" мнение, чем с помощью предиката *уверен*. Между этими состояниями есть и другие различия, однако они менее очевидны.

Опираясь на употребления слов, обозначающих ментальные состояния уверенности и убежденности (в первую очередь это сами предикаты *уверен* и *убежден*), установим признаки, по которым эти состояния противопоставлены друг другу, и затем сформулируем различия между этими состояниями и тем самым между предикатами *уверен* и *убежден*.

1. **Сочетание с отрицанием и градуирование.** Предикат *уверен* свободно сочетается с отрицанием:

(1) Он *уверен/не уверен*, что игра стоит свеч.

В то же время при *убежден* возможно лишь усиленное отрицание:

(2) Я *вовсе/совсем/отнюдь не убежден*, что игра стоит свеч.

Уверен допускает не только отрицание, но и разные степени градации:

(3) а. Я *не особенно/не совсем уверен*, что выиграю, но *попробовать все-таки надо*;

б. Я *почти уверен*, что проиграю, но *попробовать все-таки надо*;

в. Я *совершенно/абсолютно уверен*, что поступил правильно. Для *убежден* возможна лишь "высшая степень" проявления:

(4) Я *совершенно/абсолютно убежден*, что поступил правильно. При отсутствии других градаций данная характеристика является скорее эмоциональной оценкой, нежели реально отражает высокую степень проявления состояния убежденности.

2. **Коммуникативный фокус.** Для ситуаций, описываемых пропози-

¹ Приношу искреннюю благодарность И.М. Кобозевой и Е.М. Брейдо за внимание к моей работе и ценные замечания.

циональными предикатами, теоретически возможны три типа коммуникативного членения. Логический акцент может падать:

1) на предикат; при этом содержание подчиненной пропозиции является данным, соответственно в коммуникативном фокусе находится утверждение (отрицание) наличия некоторой ситуации;

2) одновременно и на предикат, и на подчиненную пропозицию; в этом случае содержание подчиненной пропозиции вводится как новое, тем самым в фокус попадает и утверждение наличия ситуации, и содержание подчиненной пропозиции;

3) на подчиненную пропозицию; содержание подчиненной пропозиции вводится как новое, и только она одна попадает в фокус.

В сообщениях с предикатом *уверен* реализуется либо первый тип коммуникативного членения — (5а) и (5б), либо второй — (6):

(5) а. *Как вы думаете: он жив?* — *Я уверен, что он жив!*;

б. *В свете новых данных я не уверен, что нам следует продолжать эту работу.*

(6) *Он уверен, что другого выхода у нас нет.*

При предикате *убежден* (разумеется, в нейтральном случае, вне полемического контекста) возможен только третий тип — в коммуникативный фокус попадает лишь содержание подчиненной пропозиции:

(7) *Я убежден, что поступил правильно.*

Тем самым сообщение с предикатом *уверен* — это сообщение о состоянии, в котором находится субъект (и, возможно, о содержании его сознания относительно некоторой релевантной ситуации), тогда как сообщение с предикатом *убежден* — исключительно предъявление релевантного компонента информации, содержащегося в сознании субъекта.

3. **Сочетаемость с непропозициональным объектом.** *Уверен* в отличие от *убежден* может сочетаться с непропозициональным объектом:

(8) а. *Она уверена/*убеждена в себе/в своих силах/в своих знаниях;*

б. *Он уверен/*убежден в своих товарищах/в своем народе.*

Запрет на сочетание с непропозициональным объектом, по-видимому, не случаен, это свойство предиката *убежден* вполне согласуется с предыдущим: если предназначение предиката *убежден* — сообщать о содержании сознания субъекта, то возможными объектами при этом предикате будут являться только объекты, способные содержаться в сознании, т.е. сущности пропозициональной природы. Не менее интересный вопрос о том, почему объекты непропозициональной природы возможны при предикате *уверен*, будет рассмотрен далее. Здесь необходимо также оговорить, что привлечение к рассмотрению этого свойства в данный момент представляется несколько незаконным: возможность сочетания с непропозициональным объектом никак не отражается в каноническом толковании (1), и вообще на первый взгляд в случаях непропозиционального употребления реализуется иное значение предиката *уверен*. К этому вопросу мы также еще вернемся.

4. **Тип подчиненной пропозиции.** Предикат *уверен* подчиняет

верифицируемые пропозиции, т.е. прототипическими ситуациями, в отношении которых возникает состояние уверенности, являются единичные реальные ситуации:

(9) а. *Я уверен/?убежден, что у него есть свой ключ;*

б. *Я уверен/?убежден, что эти туфли ей малы;*

в. *Я уверен/?убежден, что к концу столетия численность жителей города превысит 10 миллионов человек.*

Предикат *убежден*, напротив, присоединяет неверифицируемые пропозиции; типичными объектами, относительно которых субъект испытывает состояние убежденности, являются абстрактные, обобщенные суждения:

(10) а. *Я убежден/?уверен, что добро побеждает зло;*

б. *Я убежден/?уверен, что мир спасет красота;*

в. *Я убежден/?уверен, что справедливость восторжествует;*

г. *Я убежден/?уверен, что все люди — враги.*

При непрототипическом сочетании предиката и пропозиции возникает переосмысления пропозиций: в каждом случае — свое. А именно: в соединении с *уверен* переосмысление осуществляется тривиальным образом — абстрактное утверждение приобретает конкретную референцию:

(11) *Я уверен, что справедливость восторжествует и приговор будет отменен.*

При сочетании конкретного утверждения с предикатом *убежден* тривиальное переосмысление 'конкретное суждение → абстрактное суждение' оказывается невозможным. Значение подчиненной пропозиции изменяется иным способом, возникает ощущение "повышенной категоричности", о котором говорилось в начале работы: конкретное суждение повышает свой ранг, приобретая статус ценности. Поэтому типичной ситуацией употребления предиката *убежден* в сочетании с конкретным суждением является ситуация полемики — отстаивания своего мнения, безусловно являющегося ценностью для его носителя вне зависимости от того, сколь незначителен сам повод:

(12) а. *Мы должны его дождаться, иначе он не попадет в квартиру. — Не надо ждать: я убежден, что у него есть свой ключ;*

б. *Необходимо уже сейчас начать строительство новых водоочистных станций: я убежден, что к концу столетия численность жителей города превысит 10 миллионов человек.*

5. Возможность мотивировки. Уверенность предполагает наличие мотивировок, объяснений, обоснований, а потому свободно сочетается с ними; убежденность в них не нуждается и даже отвергает. Так, в отсутствие обоснований в (13) равно допустимы оба предиката:

(13) *Я уверен/убежден, что она получит эту работу.*

Однако введение мотивировки исключает (или, во всяком случае, ставит под сомнение) употребление предиката *убежден*:

(14) а. *Она прекрасный специалист, поэтому я уверен, что она получит эту работу;*

б. **Она прекрасный специалист, поэтому я убежден, что она получит эту работу.*

См. также (15а) и (15б):

(15) а. *Он вернется! — Почему ты так уверен/*убежден в этом?*;

б. *Я почему-то уверен/*убежден, что он еще вернется.*

6. **Временная отнесенность.** Уверенность локализована во времени: она возникает, приходя на смену сомнениям, исчезает при переоценке имеющихся сведений или поступлении новых. Можно говорить о существовании уверенности, возникновении, исчезновении, возвращении:

(16) а. *Сомнения вдруг рассеялись, на смену им пришла уверенность: он на правильном пути;*

б. *Несмотря на вновь открывшиеся обстоятельства, его не покидала уверенность в том, что человек этот невиновен;*

в. *Уверенность покинула его;*

г. *Письма вернули ему уверенность в том, что его ценят.*

Временная отнесенность проявляется в сочетаниях с наречиями — временными локализаторами:

(17) *Он заранее/всегда уверен в своей правоте.*

В отличие от уверенности убежденность не связана с временем, она проявляется единственным способом: как нечто, всегда имеющее место, непреходящее, ср. невозможность употреблений, аналогичных употреблением в (16): **на смену сомнениям пришла убежденность, *его не покидала убежденность, *убежденность покинула его, *письма вернули ему убежденность, *заранее убежден, *всегда убежден.*

7. **Внешнее/внутреннее проявление.** Уверенность (но не убежденность) — характеристика внешних проявлений состояния:

(18) а. *Он вел себя уверенно/*убежденно;*

б. *Человек уверенно/*убежденно шел по узкому карнизу;*

в. *уверенный/*убежденный вид;*

г. *уверенная/*убежденная походка.*

Убежденность характеризует внутренние, скрытые свойства:

(19) а. *Он говорил убежденно;*

б. *убежденная речь.*

8. **Эмоциональная характеристика.** Убежденность — только состояние, уверенность еще и чувство²:

(20) а. *Им овладело приятное чувство уверенности/*убежденности;*

б. *Он был уверен/*убежден, что победил. Чувство это, однако, не принесло ему радости.*

² Представление об уверенности как о чувстве, казалось бы, противоречит "наивному" видению соответствующих состояний: убежденность на первый взгляд в большей степени связана со сферой эмоций, чем уверенность. Объяснение, возможно, состоит в том, что прототипически слово *чувство* обозначает актуальное, сиюминутное переживание, в силу чего и сочетается со словами, обозначающими актуальное, сиюминутное состояние, каковым является уверенность.

В этой связи уместно вернуться к примерам употребления предиката *уверен* с непропозициональными объектами. Как уже говорилось, совершенно очевидно, что для этих употреблений неприемлемо то толкование, которое предлагается для предиката *уверен*, просто потому, что в составе предложения нет предикатного выражения, относительно которого можно было бы высказать то или иное мнение. Действительно, во всех случаях сочетания с непропозициональными объектами речь идет скорее об эмоциональном, нежели о ментальном состоянии:

(21) а. *Она уверена в себе/в своих силах/в своих знаниях* = 'Она чувствует уверенность в себе/в своих силах/в своих знаниях';

б. *Он уверен в своих товарищах/в своем народе* = 'Он испытывает чувство уверенности по отношению к своим товарищам/своему народу'.

В качестве толкования предиката *уверен* в сочетании с непропозициональными объектами можно предложить следующее:

(IIa) *С уверен в O* = *С* испытывает положительное эмоциональное состояние, обусловленное тем, что *С* считает, что *O* будет функционировать должным образом.

И тем не менее нет нужды видеть здесь особое значение предиката *уверен*. Выход скорее в том, чтобы усматривать наличие эмоционального компонента во всех случаях употребления предиката *уверен*. Тогда для пропозициональных употреблений *уверен* толкование будет иметь следующий вид:

(IIб) *С уверен, что P* = *С* испытывает некоторое эмоциональное состояние, обусловленное тем, что *С* считает, что не *P* невозможно.

Если модифицировать (IIa), введя в него двойное отрицание:

(II а') *С уверен в O* = *С* испытывает положительное эмоциональное состояние, обусловленное тем, что *С* считает, что недолжное функционирование *O* невозможно,

то во всех своих употреблениях предикат *уверен* получает единое толкование (модификация обусловлена формальными различиями):

(IIп) *С уверен, что P (в O)* = *С* испытывает некоторое (положительное) эмоциональное состояние, обусловленное тем, что *С* считает, что не *P* (недолжное функционирование *O*) невозможно.

Подведем итоги. Рассмотренные употребления слов со значением уверенности и убежденности позволяют дать следующую характеристику интересующих нас эпистемических состояний:

УВЕРЕННОСТЬ — эпистемическое и эмоциональное состояние; имеет место в некоторый момент времени; способно проявляться в разной степени; имеет те или иные причины; объекты этого состояния — утверждения о конкретных ситуациях.

УБЕЖДЕННОСТЬ — эпистемическое состояние; безотносительно ко времени; не имеет степеней проявления; не имеет причин; объекты этого состояния — абстрактные суждения.

Последнее, что осталось, — дать толкование предиката *убежден*:

(IV) *С* убежден, что $P/\text{в } P = C$ имеет мнение, что не *P* невозможно.

Итак, рассмотренные противопоставления позволяют сделать вывод, что предикат *уверен* обозначает актуальное, "сиюминутное", способное изменяться состояние субъекта, состояние одновременно ментальное и эмоциональное, тогда как *убежден* передает содержание постоянной, не изменяющейся под воздействием актуальной ситуации области сознания — хранилища готовых, по большей части обобщенных, абстрактных, ценностных суждений. Иными словами, уверенность представляет собой типичное актуальное состояние, тогда как убежденность — типичное постоянное свойство.

Наконец, последнее: противопоставление 'состояние/свойство', конечно же, не уникально. Это противопоставление, в частности, принято для описания класса слов со значением чувства (см. [2], где чувства подразделяются на чувства-переживания (**радость, огорчение, гнев** и т.п.) и чувства-отношения (**любовь, ненависть, уважение** и т.п.); ср. также противопоставление качества и явления-состояния в [1]. Видимо, это же противопоставление различает два значения, усматриваемые в [3] у предиката *верить*. Материал настоящей работы интересен, таким образом, не только тем, что демонстрирует релевантность противопоставления 'состояние/свойство' для данных эпистемических предикатов, но и тем, что в отличие от ранее обсуждавшихся случаев данное противопоставление является единственным признаком, который различает эти предикаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
2. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1970. Вып. 137.
3. Шатуновский Я.Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

К АСПЕКТУАЛЬНЫМ СВОЙСТВАМ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ: ПЕРФЕКТНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ

Постановка задачи

Ментальные глаголы демонстрируют класс видовых пар со странным — квазисинонимическим — соотношением между сов. видом прош. времени и несов. видом настоящего (или прош. нарративного). Ср. возможность замены СВ на НСВ в следующих примерах:

Группа I. *Я понял (≈ понимаю), на что он намекал; Теперь ты увидел (≈ видишь) собственными глазами, как тут хорошо; Я различил (≈ различаю) вдали очертания снежных массивов.*

Группа II.1. *Молва приписала (≈приписывает) смерть его действию яда; Напрасно вы отождествили (≈ отождествляете) Волошинова с Бахтиным; Белинский отнес (≈ относит) донские казачьи песни к жанру исторических.*

Группа II. 2. *Слова жены подтвердили (≈ подтверждают) мои догадки; Этот случай частично объяснил (≈ объясняет) странности его поведения.*

Группа III. *Здесь мы столкнулись (≈ сталкиваемся) с совершенно новой проблемой; Здесь мы сразу натолкнулись (≈ наталкиваемся) на препятствие; На проверку теория оказалась (≈ оказывается) полной чепухой.*

К группе I относятся глаголы мнения и восприятия — *понять, поверить, найти* (Все нашли, что мы говорим вздор), *счесть* (НСВ считать), *увидеть, услышать, почувствовать, ощутить, воспринять, вообразить, ошибиться* и др.

К группе II.1 относятся глаголы, обозначающие ментальный акт, который имеет следствием создание постоянного отношения между двумя объектами — *причислить, зачислить, включить, отнести* (к классу), *приписать, исключить, различить, отличить, отождествить, противопоставить, сравнить, вскрыть, выяснить, свести* (к чему), *дополнить, обосновать, сформулировать, ограничить* (чем), *определить, объяснить, исчерпать, подтвердить, показать, оправдать, обнаружить* и др.

К группе II.2 относятся те же глаголы, но с другой диатезой: в диатезе II.1 субъект сознания выступает в роли подлежащего, а в диатезе II.2 он невыразим в поверхностной структуре и переходит в дейктический статус, играя примерно такую же роль в толковании, как наблюдатель по Ю.Д. Апресяну [2], только при других глаголах, ср. *дополнить, ограничить, объяснить, исчерпать, подтвердить, показать, оправдать, убедить* (о доводах), *указать на, поставить под сомнение, опровергнуть* и др.

К группе III относятся моментальные глаголы, включающие ментальный или перцептивный компонент, быть может окказиональный.

Наша задача — показать, что все три группы глаголов образуют видовые пары (одного и того же семантического типа), которые мы будем называть перфектными. Аналогичные соотношения между членами видовой пары имеются и в глаголах других семантических классов (см. ниже).

Перфектное значение глагола СВ

Прежде чем перейти к определению перфектной пары, уточним некоторые аспекты семантики глагола СВ.

В толковании большого класса глаголов СВ выделяется инцептивный компонент — компонент вида 'началось *P*', где *P* — состояние или деятельность (этот компонент был выделен в работе [13], а в работе [5] рассматривается как кандидат на роль инварианта семантики СВ). Так, *Иван открыл окно* = 'началось состояние: окно открыто'; *Иван сел* = 'началось состояние: Иван сидит'; *Иван занялся спортом* = 'началась деятельность Ивана: занятие спортом'.

Замечание. Не содержат инцептивного компонента глаголы "неизменения" (и соответствующие каузативы), в толкование которых входит в каком-то смысле антонимичный компонент — 'не началось новое состояние/новая деятельность', ср. *сохранить* (тайну), *сберечь* (= 'не утратить'), *сдержать* (слово), *выдержать* (нагрузку), *защитить*, *предохранить* и под. У этих глаголов СВ предполагает какое-то событие, не контролируемое субъектом состояния, после которого состояние, обозначаемое глаголом НСВ, кончилось (или же перестало находиться в зоне внимания). Например, *Плащ защитил меня от дождя* значит фактически 'защищал, пока не кончился дождь'. У глаголов СВ с инцептивным компонентом парный НСВ обычно сочетается с *уже* (*уже понимает*), а у глаголов неизменения — с *еще* (*еще хранит, еще выдерживает*).

Когда глагол СВ, включающий инцептивный компонент, употребляется в составе предложения, акцент может быть либо на этом инцептивном компоненте, т.е. на переходе в новое состояние (это дает событийное употребление СВ), либо на самом новом состоянии. Тогда СВ имеет перфектное употребление. В своем перфектном употреблении глагол СВ включает перфектный компонент — 'состояние длится в момент речи', точнее — в точке отсчета (по Рейхенбаху; ср. [10]), или, используя термин из работы [5], в момент наблюдения.

Есть глаголы, которые, при наличии инцептивного компонента, не могут иметь акцента на начале состояния, т.е. не имеют событийного значения (см. [4, 565]), — *устать, загореть, зазнаться, похудеть, прославиться, отвиснуть* (ср.: *Щеки отвисли*), *нависнуть* (ср.: *Скалы нависли*) и др. Так, фраза *Я устал* не отвечает на вопрос "Что случилось?" [8, 435]. С другой стороны, глаголов с инцептивным компонентом, которые не могут иметь перфектного употребления, по-видимому, не существует. Можно было бы отнести к этому классу делимитативы типа *погулять, посидеть, побегать*. Но их особое положение имеет естественное объяснение: в их семантике компонент 'началось *P*' как бы "погашается" компонентом '*P* кончилось'. Используя формулировку М.Я. Гловинской [5, 97], можно сказать, что делимитативные глаголы означают: 'начать заниматься

деятельностью, заниматься в течение некоторого времени и перестать заниматься', причем ассертивным является, скорее всего, компонент 'перестать'.

В русистике камнем преткновения при обсуждении перфектного значения СВ оказался контекст обстоятельства времени. Дело в том, что в этом контексте, как и в некоторых других, перфектное понимание СВ невозможно — возможно только событийное (В.В. Виноградов пишет: "Даже в таких предложениях, как *Пушкин родился в 1799 году* <...> результат прошлого действия с грамматической точки зрения мыслится пребывающим поныне" [4, 563]; на самом деле грамматического перфектного значения у СВ здесь, конечно, нет). Проблема перфектного употребления СВ решается введением следующих двух уточнений:

1) перфектный компонент — это, в общем случае, сохранение "начавшегося" состояния не в момент речи, а в точке отсчета: момент речи — это всего лишь наиболее естественная точка отсчета при речевом режиме употребления языка (см. [10]);

2) перфектный компонент является неустойчивым (в смысле [7]); он подавляется в противоречащем контексте, в частности в контексте обстоятельства времени.

Таким образом, мы исходим из того, что у всех глаголов СВ с "непогашенным" инцептивным компонентом лексическое значение включает также перфектный компонент, который в определенных контекстах может подавляться.

Перфектные пары

В качестве образца перфектной видовой пары можно взять пару *понять* — *понимать*, разобрannую в работе [3]: *понимаю* обозначает состояние, которое наступило как результат того, что имела место ситуация *понял*, т.е. если *понял*, значит, после этого, *понимаю* (хотя обычно временное соотношение между глаголами СВ и НСВ обратное: сначала имеет место ситуация, обозначаемая глаголом НСВ, а потом — глаголом СВ).

В общем виде дело обстоит так: в перфектной паре глагол СВ обозначает не только переход в новое состояние, но и само новое состояние, которое за ним следует, а глагол НСВ обозначает не просто состояние, но состояние, наступившее в результате перехода, который обозначается глаголом СВ. Иными словами, глагол НСВ в перфектной паре обозначает состояние, которое имеет своим началом некоторое событие.

Чтобы два глагола составляли перфектную пару, необходимы определенные лексические предпосылки:

1. Для глагола СВ лексической предпосылкой вхождения в перфектную пару является наличие в его толковании инцептивного компонента, причем как бы автономного, т.е. равного по смыслу парному глаголу НСВ. Например, глагол *увидеть* имеет автономный инцептивный компонент:

Х увидел = 'началось состояние: *Х* видит'.

У глагола *сохранить* парный НСВ *хранить* обозначает состояние, но *сохранить* — глагол неизменения: он не имеет инцептивного компонента: *Х сохранил тайну* ≠ 'началось состояние: *Х* хранит тайну' (скорее наоборот, это состояние в момент наблюдения уже кончилось или стало нерелевантным). Так что *сохранить* — *хранить* не образуют перфектной пары; в самом деле, *хранить* не предполагает *сохранить* в том смысле, в каком, например, *видеть* предполагает *увидеть*.

2. Что касается глагола НСВ, то он, чтобы входить в перфектную пару, должен описывать состояние, притом такое, которое имеет или по крайней мере не исключает точку начала. Иначе говоря, глагол НСВ тоже должен иметь инцептивный компонент. В работе [3] утверждается, что состоянию, которое описывается глаголом *понимать*, может предшествовать или не предшествовать состояние непонимания и что это не разные значения глагола *понимать*, а одно и то же; так что противопоставление по наличию/отсутствию инцептивного компонента у *понимать* не создает разных лексических значений. Даже если это так, эту неопределенность следует отразить в толковании; при этом квазисинонимическое соотношение будет иметь место только при одном из указанных двух вариантов значения глагола НСВ.

На перфектные пары обратил внимание Ю.С. Маслов [9]. Как известно, Ю.С. Маслов различает три типа глаголов, соотносительных по виду: наряду с предельным (*открывать* — *открыть*) и тривиальным (*приходить* — *прийти*) выделяется тип *увидеть* — *видеть*, где "вещественное содержание сообщаемого факта остается в обоих случаях (т.е. в СВ и в НСВ. — Е.П.) одним и тем же: материально А всегда равняется В" [9, 314].

Большой массив глаголов с перфектным типом видового соотношения проанализирован в работе [5, 91 и след.], где, однако, не ставится вопрос об истоках интересующего нас квазисинонимического соотношения. Мы представим толкования глаголов СВ и НСВ в перфектной паре таким образом, что различие толкований будет касаться, в определенных контекстах, всего лишь коммуникативного статуса компонентов, что объяснит одновременно и сходство значений, и их неполное тождество.

Толкования

Мы пользуемся толкованиями, имеющими стандартный формат (этот тип толкований разрабатывается в рамках проекта "Лексикограф" во Всероссийском институте научной и технической информации). А именно: толкование — это последовательность компонентов, как в работах А. Вежбицкой [14, 15], причем компоненты маркированы в отношении их коммуникативного статуса — ассерция, презумпция (пресуппозиция), следствие, импликатура, неустойчивый компонент и под. Вводится новый коммуникативный статус — фон. Фоновым

считается компонент, который не несет коммуникативной нагрузки (т.е. не ассертивный), но не обязательно сохраняется неизменным в контексте отрицания (т.е. нет положительных свидетельств, что он презумпция).

Толкование должно в явном виде указывать принадлежность лексем к определенной таксономической категории (Т-категории), и эта категория предопределяет формат толкования. Арсенал Т-категорий глагола конституируется прежде всего известными классами Вендлера. Мы различаем: состояние, процесс (инактивный), происшествие, деятельность и действие (\approx accomplishment, по Вендлеру). Имеются малые Т-категории — частные подклассы в пределах Т-категории: действие с акцентом на результате (*прийти*), в частности достижение (*найти*), моментальное действие (*броситься, счесть*), происшествие с фоновым каузатором (*лишиться, разрушиться*) и др. Несколько примеров малых Т-категорий:

1) действие с акцентом на результате (*прийти, найти*). В семантике таких глаголов, согласно проницательному анализу Вендлера, семантический компонент "деятельность" является гетерогенным — он соответствует смыслу другого глагола (*идти* для *прийти*, *искать* для *найти* и т.д.): глагол, акцентирующий результат, обозначает только конечный пункт соответствующей динамической ситуации — достижение предела; поэтому у такого глагола парный НСВ не имеет основного для НСВ актуально-длительного значения — не обозначает деятельности;

2) имеется подкласс предельных глаголов (см. [1, 64]), у которых семантический компонент "деятельность" ('Субъект действовал, имея в виду определенную цель') составляет презумпцию: *не уговорил* \supset 'уговаривал', *не решил* (задачу) \supset 'решал', *не поймал* \supset 'ловил'. Это свойство мы объясняем наличием в толковании этих глаголов компонента 'удалось', который, в свою очередь, предполагает компонент 'пытался'. В самом деле, *Х решил* означает 'Х-у удалось решить' \supset 'Х пытался решить', т.е. *решал*. Тем самым глаголы типа *уговорить* можно отождествить с глаголами попытки по [9] и с конативами по [12];

3) действия с акцентом на результате, которые являются одновременно конативами, — это достижения (\approx по Вендлеру), ср. *найти*.

Итак, наша задача — предложить толкования глаголам СВ и НСВ, которые бы объясняли квазисинонимическое соотношение в примерах раздела "Постановка задачи". Рассмотрим по одному примеру из каждой группы.

Глагол группы I *понять* (*Я понял, на что он намекал*), достижение: * *Х понял Y* = '1) до момента *t* *X* не знал ответа на вопрос и хотел знать <презумпция>; 2) в момент *t* *X* действовал — прилагал мыслительные усилия, обдумывал релевантные факты <гетерогенный компонент; презумпция>; 3) это привело к результату, соответствующему цели *X*-а: началось состояние: *X* знает ответ на вопрос <ассерция>; 4) в момент наблюдения *X* пребывает в этом состоянии <перфектный компонент, неустойчивый>'.
В толкование глагола НСВ *понимать* входят все те же компоненты,

но: инцептивный компонент 'началось состояние' и предшествующий ему компонент 'X действовал' имеют статус фона, а перфектный компонент является асертивным.

Глагол группы II.1 *причислить* (Он *причислил* меня к разряду *патриотов*), действие с акцентом на результате:

X причислил Y к разряду Z (=1) *X* совершил ментальный акт: сформулировал свое мнение <ассерция>; 2) тем самым возникло последствие: началось состояние: *X* считает, что *Y* принадлежит к разряду *Z* <ассерция>; 3) в момент наблюдения *X* пребывает в этом состоянии <перфектный компонент, неустойчивый>.

В толкование глагола НСВ *причислять* входят все те же компоненты, только компоненты 2 и 1 имеют статус фона, а перфектный компонент 3 является ассерцией. Таким образом, в семантике глагола СВ наличие у субъекта определенного мнения — это своего рода импликатура, а для глагола НСВ выражение мнения является его коммуникативным point'ом.

Глагол группы II.2 *подтвердить* = 'послужить подтверждением' (*Проверка, произведенная в банке, подтвердила его показания*), происшествие:

X подтвердило [Субъекту сознания] *информацию Z* (=1) до момента *t*. Субъект сознания допускал (=считал с некоторой вероятностью): информация *Z* истинная <презумпция>; 2) в момент *t* произошло событие или поступило сообщение *X* <презумпция>; 3) это вызвало: началось состояние: Субъект сознания считает с большей вероятностью, чем до *t*: информация *Z* истинная <ассерция>; 4) в момент наблюдения *X* пребывает в этом состоянии <перфектный компонент, неустойчивый>.

Толкование для НСВ *подтверждать* получается изменением коммуникативного статуса компонентов, аналогичным предыдущему.

Глагол группы III *столкнуться* (*Я впервые столкнулся с такой проблемой*), происшествие:

X столкнулся с Y (=1) до момента *t* *X* не знал о существовании *Y*-а или не имел дела с *Y*-ом <презумпция>; 2) в момент *t* произошло нечто <фон>; 3) это вызвало: началось (как бы в результате движения навстречу и резко начавшегося контакта) состояние: *X* знает о существовании *Y*-а <ассерция>; 4) в момент наблюдения *X* знает о существовании *Y*-а <перфектный компонент, неустойчивый>.

Толкование для НСВ *сталкиваться* получается аналогично, хотя значение состояния для этого глагола является, конечно, переносным.

Перфектные пары в прочих семантических классах глаголов

Укажем ряд других тематических классов глаголов с перфектным (или близким к перфектному) соотношением в видовой паре:

- 1) глаголы полного охвата (*Вода наполнила — наполняет бассейн*);
- 2) глаголы преграды — для проникновения или восприятия (*Шкаф заслонил — заслоняет окно*);

3) глаголы, выражающие относительное расположение предметов, из которых по крайней мере один подвижен (*Мальчик высунулся — высовывается из окна*);

4) глаголы, выражающие относительное расположение неподвижных предметов, входят в квазисинонимическое соотношение только в контексте показателя временности состояния: *Сад дошел (≈ сейчас доходит) до самой реки; Канава отделила (≈ сейчас отделяет) нашу ферму от соседней*. Если такого показателя нет, то СВ и НСВ не могут описывать одну и ту же ситуацию ("материально не тождественны"): устойчивые состояния, а тем более постоянные соотношения, трактуются в языке как не имеющие точки начала;

5) у глаголов, выражающих отношение принадлежности объекта к классу, квазисинонимия СВ и НСВ возможна только в том случае, если СВ обозначает "перцептивное событие": *В данном случае наши интересы совпали (≈ совпадают)*;

6) семиотические глаголы (в бессубъектной диатезе) — *отражать(ся), изображать, описывать, воплощать, обрисовываться*, ср.: *Знакомство с "Сатириконом" несомненно отразилось (≈ отражается) на исторической концепции повести* (Ю. Лотман);

7) глаголы речи — *приглашать, звать, отказываться* и под.; ср.: *На завтра же, когда выяснилось, что Феодосий отказывается (≈отказался) выйти к матери <...> она пришла в состояние гнева* (В. Топоров);

8) глаголы каузации эмоционального состояния (*Меня огорчил — огорчает его отказ*). Для глаголов эмоционального состояния возможна как перфектная, так и каузальная интерпретация — состояние, вызванное и поддерживаемое мыслью (о ситуации-каузаторе), как в [14, 102];

9) глаголы неконтролируемой каузации (*Бант украсил — украшает платье*).

Перфектное состояние и контекст

Чтобы семантическое соотношение между глаголами, входящими в перфектную пару, проявилось в виде реальной возможности квазисинонимической замены СВ и НСВ, необходим ряд контекстных условий, которые все способствуют раскрытию каких-то аспектов семантики НСВ в значении перфектного состояния.

I. Актуальность события—начала состояния

Глаголы СВ и НСВ в примере (1) воспринимаются, в полном соответствии с предложенными толкованиями, как квазисинонимичные:

(1) а. *Отказ от игры уронил его в глазах шахматистов*;

б. *Отказ от игры роняет его в глазах шахматистов*.

Однако если вместо *его* подставить имя реального шахматиста, так что возникнет референция к конкретному событию, фраза с СВ останется нормальной, а НСВ будет звучать странно:

- (1') а. *Отказ от игры уронил Фишера в глазах шахматистов;*
б. *Отказ от игры роняет Фишера в глазах шахматистов.*

Дело в том, что глагол СВ в (1'а) понимается в своем событийном значении, причем подразумевается обстоятельство 'тогда', 'в свое время' (далеко отстоящее от настоящего момента). Между тем глагол НСВ в значении перфектного состояния в наст. времени означает, что событие произошло только что, незадолго до момента речи, а это противоречит прагматическому контексту фразы (1'б). Если перевести глагол в прош. время (нарративное), квазисинонимическое отношение с СВ восстанавливается: значение 'только что' по отношению к некоторому моменту наблюдения в прошлом становится уместным:

- (1'') *Отказ от игры ронял Фишера в глазах шахматистов.*

Итак, уточняя формулировку из раздела "Перфектные пары", мы можем сказать, что перфектное состояние — это состояние, имеющее своим началом некоторое событие и состоящее в том, что итоговое состояние этого события еще длится в точке отсчета. Иными словами, перфектное состояние — это состояние актуальности некоторого события; событие, которое произошло недавно, актуально *ipso facto*.

В работе [6, 115] актуальность события рассматривается как одно из значений формы наст. времени. Наши примеры показывают, что значение актуальности события выражается не формой времени, а формой вида (у глаголов с определенной лексической семантикой) и не зависит от времени, т.е. во всяком случае возможно не только в настоящем, но и в прошедшем. Временная форма у глагола НСВ перфектного состояния выражает значение, обычное для грамматической категории времени — в дейктическом режиме это одновременность <состояния> с моментом речи или предшествование ему. Так, в контексте примера (2) время глагола в НСВ по понятной причине может быть только прошедшим: перфектное состояние (т.е. состояние, определяемое актуальностью события "причисления") имеет место не в момент речи, а относится к некоторому предшествующему моменту. Поэтому в (2) *причислил* можно заменить на *причислял*, но не на *причисляет*:

- (2) *Сталин причислил Маяковского к лучшим поэтам эпохи.*

Вопрос о том, почему ментальное событие, при сколь угодно большой удаленности его от настоящего момента, в принципе может трактоваться как не утратившее актуальности, а событие, состоящее, скажем, в падении авторитета, — не может, относится к семантике времени, а не вида и здесь не рассматривается.

II. Синхронная точка отсчета

В примере (3а) глагол НСВ *обнаруживается* понимается в значении перфектного состояния; между тем в (3б), равно как и в (4), та же форма НСВ наст. времени может быть понята разве что в значении настоящего исторического, т.е. в значении СВ; в (5б) вообще никакая разумная интерпретация глагола НСВ невозможна:

(3) а. *Обнаружилось* (\approx *обнаруживается*), что преступник на свободе;

б. *Вчера обнаружилось* (ср. *обнаруживается*), что преступник на свободе.

(4) *В этот момент обнаруживается*, что преступник на свободе.

(5) а. *Выяснилось* (\approx *выясняется*), что он здесь;

б. *Слишком поздно выяснилось* (**выясняется*), что он здесь.

Дело в том, что понимание глагола НСВ в наст. времени в значении перфектного состояния возможно только при синхронной позиции наблюдателя: *обнаруживается* в (3а) = 'обнаружилось в момент наблюдения'. Между тем все обстоятельства времени (за исключением дейктического *сейчас* и его синонимов) фиксируют в предложении несинхронную позицию наблюдателя [11] — ретроспективную или, если обстоятельство относится к будущему, проспективную. Итак:

1) понимание глагола НСВ в значении перфектного состояния требует синхронной точки отсчета;

2) глагол СВ в контексте обстоятельства времени, т.е. при несинхронной точке отсчета, реализует свое событийное значение, так что синонимическая замена на глагол НСВ перфектного состояния невозможна.

Препятствием для замены СВ на НСВ перфектного состояния служит и любой другой модификатор, который воздействует на инцептивный компонент значения СВ, тем самым акцентируя событийное значение СВ и подавляя перфектное. Так, обстоятельство длительности нарушает квазисинонимическое соотношение СВ и НСВ в перфектной паре, поскольку оно тоже фиксирует в предложении ретроспективную точку отсчета. В примере (6) фразы (а) и (б) могут пониматься как обозначающие одну и ту же ситуацию (в контексте только что полученного известия), а в (б') замена СВ на НСВ перфектного состояния невозможна:

(6) а. *Это известие лишило меня сна;*

б. **Это известие лишает меня сна.*

(6') *Это известие надолго лишило (*лишает) меня сна.*

В (7) замена невозможна из-за наречия *внезапно*, которое воздействует на инцептивный компонент значения СВ:

(7) *Один случай внезапно подтвердил (*подтверждал) мои догадки.*

Заметим, что все модификаторы, акцентирующие инцептивный компонент в семантике СВ, создают диагностический контекст, позволяющий отличить у глагола НСВ значение перфектного состояния от настоящего исторического; так, в примере (8), с обстоятельством времени, НСВ, в соответствии с этим тестом, интерпретируется как настоящее историческое, а в (9), где модификаторов нет, НСВ *задерживают* может пониматься и в значении перфектного состояния:

(8) *С принятием христианства русская культура преодолевает локальную ограниченность и приобретает универсальные измерения* (Аверинцев).

(9) Итак, переходим к лету 1905 года; мать с тремя детьми в петербургском имении; политические дела задерживают отца в столице (Набоков).

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "смысл—текст" // Wiener slawistischer Almanach. Wien, 1980. Sbd. 1.
2. Апресян Ю.Д. Дейкис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М. 1986. Вып. 28.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
5. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
6. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1989.
7. Зализняк Анна А. О типах взаимодействия семантических признаков // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987.
8. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
9. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7, N 4.
10. Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 44, № 5.
11. Падучева Е.В. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ. Сер. 2. 1992. N 3.
12. Томмола Х. Аспектуальность в финском и русском языках // Neuvostoliittotoinstituutin vuosikirja. Helsinki, 1986. N 28.
13. Wierzbicka A. On the semantics of verbal aspect in Polish // To honor R. Jakobson. The Hague; Paris, 1967.
14. Wierzbicka A. ... Lingua mentalis. Sydney, etc., 1980.
15. Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина

"БЕЗУМИЕ" КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (К АНАЛИЗУ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ БЕЗУМНЫЙ И СУМАСШЕДШИЙ)

Прилагательные *безумный* и *сумасшедший* на первый взгляд представляются почти полными синонимами. Тем не менее мы говорим *безумное отчаяние*, но не **сумасшедшее отчаяние*, а *безумная красавица* (= 'поразительной красоты') — это далеко не то же самое, что *сумасшедшая красавица* (= 'красавица, сошедшая с ума'). Эти и многие другие примеры заставляют предположить, что концепты безумия и сумасшествия существенным образом различаются в сознании носителей русского языка, воплощая разные типы отклонения от нормального состояния и олицетворяя, если можно так выразиться, два различных образа потерявшего разум человека.

Ниже мы попытаемся охарактеризовать оба этих концепта, продемонстрировав различия в языковом поведении прилагательных на целом ряде примеров.

1. Образы безумия и сумасшествия. Сама возможность различного языкового поведения двух прилагательных связана с тем, что помимо очевидного общего компонента в их значении (\approx 'утративший способность нормально мыслить', ср. [2, 286]) они содержат некоторые непересекающиеся семантические фрагменты, которые проще всего определить как различные следствия утраты разума, точнее, те особенности, которые говорящие в каждом случае связывают с этой утратой.

В случае с прилагательным *безумный* имеется в виду такая утрата разума, вследствие которой субъект оказывается недоступен "обычному", рациональному восприятию: он выходит за рамки нормального, как бы "перерастает" их¹. Безумие — неуправляемая, неконтролируемая стихия; оно уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним (характерно представление о *высоком, священном, поэтическом безумии*; в подобных контекстах недопустимо или странно *сумасшествие*).

В случае с прилагательным *сумасшедший* имеется в виду такая утрата разума, для которой характерны скорее определенные внешние проявления, и прежде всего отсутствие способности разумно управлять своим телом. Для образа сумасшествия, кроме того, существенна идея повышенной активности; таким образом, общее представление, стоящее за этим словом, — отнюдь не пугающая иррациональная бездна, а шумная и бестолковая сцена (настоящий *сумасшедший дом*), где доминируют бесцельные и беспорядочные движения в быстром темпе.

Посмотрим теперь, как противопоставление "иррационального" *безумный* и "бытового" *сумасшедший* проявляется в сочетаемости с существительными разных классов (не только и не столько с названиями людей).

1.1. Названия ситуаций. Оба прилагательных сочетаются с названиями ситуаций (и прежде всего с таким их характерным подклассом, как названия мероприятий — частично контролируемых ситуаций со многими участниками, см. подробнее [4]). Ср.: *безумный/сумасшедший симпозиум, безумная/сумасшедшая погоня, безумные/сумасшедшие сборы* и т.д. Различие, которое проявляется в интерпретации этих сочетаний в первом и во втором случае, хорошо согласуется с семантическими особенностями прилагательных: *безумное* мероприятие прежде всего непостижимо по своему замыслу и иррационально по своим внутренним особенностям (иными словами, непонятно, почему оно возникло, зачем оно происходит и как будет развиваться).

¹С точки зрения внутренней формы здесь интересно сравнить *безумный* с таким прилагательным, как, например, *безмерный* (\approx 'недоступный измерению, превосходящий меру'); в обоих случаях префикс *без-* порождает дополнительный семантический элемент 'выход за рамки X-а, разрушающий X'; ср. еще отчасти сходное *заумный*, где, однако, второй компонент ('разрушение') отсутствует.

С другой стороны, *сумасшедшее* мероприятие — это мероприятие, у которого ненормальны прежде всего внешние особенности протекания и которое обязательно характеризуется неразберихой и слишком быстрым темпом. *Безумный симпозиум* ставит его участников в тупик замыслом и содержанием докладов; *сумасшедший симпозиум* — постоянной спешкой, внезапной сменой докладчиков, бесконечными перемещениями из зала в зал и полным несоответствием заранее объявленной программе.

Интересно, что аналогичный семантический эффект наблюдается и у существительных, обозначающих отрезки времени, ср.: *безумный/сумасшедший год*, *безумная/сумасшедшая неделя* и др. Это, очевидно, связано с тем, что слова типа *неделя* обозначают не только сам отрезок времени как таковой, но и совокупность тех событий, которые в данном отрезке содержатся². Обратим внимание также на сходное поведение (особенно в контексте *безумный*) существительных, имеющих валентность содержания (как предметных, так и непредметных); ср. *безумная надежда*, *безумное письмо* (в сущности, в этих случаях валентность содержания и заполняется обозначением некоторой ситуации; прилагательное *сумасшедший* и в этом случае демонстрирует свою приверженность внешней стороне явления, например текста — ср. *сумасшедшее письмо*).

1.2. Названия ситуаций — контексты интенсификации. Другой важной для нас разновидностью названий ситуаций являются названия состояний. Прилагательное *безумный* хорошо сочетается с названиями состояний, но интерпретируется иным, чем в предыдущем случае, образом, а именно: оно приобретает значение *высокой степени* (то, что в модели "Смысл → Текст" называется лексической функцией *Magn*); ср.: *безумный страх/голод*, *безумное горе/удивление*, *безумная тоска/тревога/радость/любовь*. Правда, нельзя не заметить, что *безумный* выражает в этом случае несколько особый вид *Magn'a*: *безумное горе* — не совсем то же самое, что *сильное* или *необычайное горе*. Во всех этих случаях речь идет о такой высокой степени проявления состояния, которая рассматривается как вышедшая за рамки нормальной ситуации и находящаяся "за гранью разумного"; таким образом, известный нам в семантике прилагательного *безумный* компонент "иррационального выхода за пределы" закономерным образом проявляется и здесь.

² В свете сказанного, может быть, было бы полезно по-новому взглянуть на традиционный перевод названия комедии Бомарше "Безумный день, или женитьба Фигаро" (по-французски — "La journée folle..."): перевод *сумасшедший* представляется (в контексте всей пьесы) несколько более адекватным. (На этот факт наше внимание обратили В.Г. Гак и Т.В. Булыгина.) Французское *fou/folle* выражает весь спектр значений, распределенных между двумя русскими прилагательными (ср. *la passion folle* 'безумная [= очень сильная] страсть' наряду с *la joie folle* 'сумасшедшее [= бурное] веселье'. Вместе с тем следует отметить, что в семантике этого французского прилагательного скорее доминирует идея неконтролируемого взрыва энергии, спонтанного развития (ср. такие сочетания, как *des herbes folles* 'бурьян, дикорастущие травы' и под.); отсюда его возможные в ряде контекстов эквиваленты *бешеный*, *буйный*, *необузданный* и т.п. Последнее несколько больше сближает это прилагательное с русским *сумасшедший* (ср. также сноску 3).

Что касается прилагательного *сумасшедший*, то оно в сочетании с названиями состояний ведет себя в принципе так же, как и в предыдущем случае; однако, чтобы такие сочетания были возможны, состояния должны обладать целым рядом дополнительных признаков, в частности они должны быть качественно неоднородны и иметь наблюдаемые внешние проявления — в этом случае комплекс "беспорядочно-быстрого" хорошо проявляет себя, ср. *сумасшедшее веселье/ ликование* и т.п., но не *'сумасшедшее горе/ удивление*.

1.3. Другие контексты интенсификации. Засвидетельствованное выше для прилагательного *безумный* значение высокой степени интересным образом реализуется при этом прилагательном еще в двух случаях: в сочетании с параметрическими существительными и в сочетании с названиями природных явлений.

Механизм взаимодействия прилагательного *безумный* с параметрическими существительными достаточно прост, так как во всех случаях *безумный* воздействует на содержащийся в семантическом представлении таких существительных признаков в качестве интенсификатора (с той смысловой спецификой, о которой шла речь выше). Границы этого класса существительных обширны: прежде всего это "чистые" названия параметров (ср. *безумные размеры, безумная глубина* и т.п.), а также оценочные существительные. В последнем случае *безумный* воздействует именно на оценочный компонент, ср. *безумный педант, безумное занудство*; к этому же классу употреблений относится, как легко заметить, и сочетание *безумная красавица*, упоминавшееся в начале статьи, *сумасшедший* же в *сумасшедшая красавица* взаимодействует не с оценочным компонентом, а с семой 'лицо', т.е. не обнаруживает никаких дополнительных семантических особенностей.

Последний пример вообще типичен для поведения прилагательного *сумасшедший*: там, где оно сочетается с параметрическими и подобными им именами, оно интерпретируется в строгом соответствии с уже описанным семантическим типом, не обнаруживая тенденции к семантической вариативности. Так, интересно в этом плане сопоставить сочетания *безумные цены* и *сумасшедшие цены* (они встречаются в современных текстах с приблизительно одинаковой частотностью). Эти сочетания не полностью синонимичны (хотя оба описывают "слишком высокие", по мнению говорящего, цены), так как отличаются тем представлением о ценах, которое имеет в виду говорящий, своего рода субъективным образом цен: в первом случае подчеркивается только их иррациональная величина, тогда как во втором случае — еще и непредсказуемая динамика (*сумасшедшие цены* — не только и не столько очень большие, это прежде всего "скачущие", "галопирующие" цены)³.

³ Здесь интересно еще раз обратиться к данным французского языка, где в определенных контекстах (например, в торговой рекламе) сочетание *les prix fous* (т.е. букв. 'сумасшедшие цены') может пониматься противоположным образом: ≈ 'невероятно низкие цены' (подразумевается 'только сумасшедший мог такие назначить'). Можно заметить, что русскому языковому сознанию свойственна в этом случае большая персонализация цен: сумасшедшее поведение приписывается ценам "самим по себе", а не тому, кто их назначает, как во французском языке.

Интенсификация наблюдается и при сочетании *безумный* с названиями природных явлений, точнее, тех из них, которые способны проявляться с различной интенсивностью. Многие из этих существительных допускают и сочетания с *сумасшедший*, а именно те, которые описывают явления, предполагающие перемещение (или по крайней мере быстрые изменения), т.е. имеющие ту или иную динамику. Соответственно *сумасшедший* воздействует именно на этот компонент, также интенсифицируя его. Таким образом, природные процессы, имеющие динамику (и, естественно, уже хотя бы в силу этого градуируемые), сочетаются с обоими прилагательными, ср.: *безумный/сумасшедший ливень/ветер/снег; безумные/сумасшедшие волны* и т.п. (но интенсифицируются разные компоненты!). С другой стороны, градуируемые природные явления, не имеющие динамики, сочетаются только с *безумный*, ср. *безумный (*сумасшедший) туман/штиль* и др. Наконец, следует ожидать, что природные явления, лишенные как способности к градуированию, так и динамики, не будут сочетаться ни с одним из прилагательных. Это действительно так: ср., например, **безумная/*сумасшедшая роса*.

1.4. Названия людей. Названия людей — тот класс существительных, с которыми оба прилагательных сочетаются прежде всего в своем основном, так сказать, "медицинском", значении; именно в этой точке они оказываются максимально близки, различаясь только некоторым периферийным "семантическим ореолом" (ср.: *Кудесник, ты лживый, безумный старик; И какой сумасшедший Суриков мой последний напишет путь?*). Нас, однако, в первую очередь интересуют не эти употребления, а производные от них, которые и в этом классе имен вполне возможны.

По отношению к названиям людей производные употребления *безумный* и *сумасшедший* находятся почти что в дополнительном распределении: *безумный* сочетается с оценочными существительными (проявляя себя как интенсификатор — об этом уже шла речь выше, в разделе 1.3), а *сумасшедший* — с функциональными существительными, также проявляя себя как интенсификатор. Ср.: *безумный невежда/лентяй, безумная дура* vs. *сумасшедшие родители* (≠слишком рьяные), *сумасшедший водитель/редактор/архитектор*.

Казалось бы, появление интенсифицирующей семантики у *сумасшедший* противоречит тому, что было сказано раньше об этом слове, — здесь *сумасшедший* как бы вторгается в сферу, прочно закрепленную за *безумный*. Однако в действительности никакого противоречия нет: интенсификация функциональных слов (и только их!) хорошо согласуется с тем представлением о гипертрофированной активности, которое составляет основу образа сумасшествия в русском языке. Заметим, что чем слабее функциональный компонент в значении слова, тем менее естественно оно сочетается с *сумасшедший*; так, хорошо интерпретируемому *сумасшедшие родители* противопоставляется, например, сомнительное **сумасшедший племянник* (последнее приемлемо только в "медицинском" понимании): хотя оба существительных обозначают родственные отношения, но "роль" племянника в современной русской культуре гораздо менее определена, чем "роль"

родителей, поэтому понятно, как оказаться "чересчур родителем", но неясно, что значит быть "чересчур племянником".

1.5. Названия животных и механизмов. Мы завершаем наш обзор языковых свидетельств образов безумия и сумасшествия одной периферийной, но очень любопытной группой существительных — названиями животных и механизмов. Особенностью этой группы слов является прежде всего то, что они не сочетаются с прилагательным *безумный*: не существует ни безумных коров и лошадей, ни безумных станков и компьютеров, ни даже безумных роботов⁴. С другой стороны, прилагательное *сумасшедший* хорошо сочетается с названиями механизмов, особенно сложных (*сумасшедший станок/компьютер/робот* вполне допустимы), и названиями "привычных" (в частности, домашних) животных: ср. *сумасшедшая корова/болонка*, но сомнительные *'сумасшедший тигр/тапир/броненосец*.

Можно полагать, что эти факты имеют одно общее объяснение. Особенности языкового поведения *безумный* и *сумасшедший* связаны в данном случае с противопоставлением "высокого" безумия "бытовому" сумасшествию: это различие отчетливо прослеживается в русском языке во многих контекстах. Безумие уводит того, кто им поражен, из нормального, разумного мира, но взамен как бы возвышает над этим миром: безумие опасно и таинственно. Это неконтролируемая, неподвластная человеку сила, но она не вполне слепая: безумия может удостоиться не каждый, это удел избранных, особого рода печать. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы безумие касалось "младших братьев" человека и тем более неодушевленной техники. С другой стороны, сумасшествие, с его несколько комическим ореолом и акцентом на внешних проявлениях, имеет отчетливый снижающий эффект: сумасшедшим может быть лишь нечто близкое, доступное, хорошо знакомое. Не случайно именно *сумасшедший* и производные от него могут использоваться в неформальном диалоге в качестве упрека или ругательства (*Ты с ума сошел!*; ср. также типичное в этой функции *псих*), а также как свидетельство крайнего удивления говорящего (*С ума сойти!*). Наконец, фантастические и не вызывающие доверия сведения можно объявить *бредом сумасшедшего*, тогда как *бред безумного* скорее страшен, чем нелеп.

2. Лексикографический аспект проблемы. Итак, мы рассмотрели две лексемы, которые, описывая одно и то же состояние, различаются в первую очередь тем, какие представления говорящих оказываются связанными с данным состоянием, иными словами, как эти состояния концептуализуются в языке.

Вообще говоря, существование такого рода явлений достаточно хорошо известно: в разных лексикографических теориях предлагается обращать внимание на то, что слова могут различаться не только тем, что они обозначают разные сущности внешнего мира, но и тем, что обозначают одну и ту же сущность, но по-разному воспринима-

⁴ "Безумный волк" Н. Заболоцкого — очевидная языковая игра, где эффект персонификации основан как раз на данной закономерности.

ему людьми. Помимо термина *концепт*, который представляется нам удобным для описания этого феномена (хотя он употреблялся и в других значениях), отметим используемую в лексикографии А. Вежбицкой помету *relation to people* (ср. [6]), а также близкое понятие *коннотации* в модели "Смысл → Текст" (см. [1, 67—68; 5]; ср. также [3]). В лингвистике не существует единого мнения по поводу того, как описывать эту информацию, хотя понимание ее важности растет. Может быть, определенных результатов на этом пути удалось бы достичь, если бы проблему лексикографического статуса этой информации удалось поставить в связь с другой проблемой, которая, насколько нам известно, до сих пор специально не обсуждалась (основным предметом дискуссий в лингвистической литературе было то, как соотносятся между собой собственно значение и коннотативный компонент, в какую зону словарной статьи надлежит записывать "концептуальную" информацию и т.п.), а именно с проблемой того, почему одни слова концептуализуются (т.е. имеют особый "семантический ореол", отражающий отношение человека к данному объекту), а другие — нет. Очевидного ответа на этот вопрос мы предложить пока не можем; бросается в глаза, что многие внешне похожие языковые единицы ведут себя в этом отношении по-разному. Так, в паре лексем *пол* и *потолок* первая кажется свободной от концептуальной нагрузки, тогда как со второй связан отчетливый концепт предела, исчерпанных возможностей (*достичь потолка* и др.); с другой стороны, денотативно близкие элементы пары *дно* и *крышка* оба концептуально продуктивны, однако их концепты не похожи на предыдущий: *дно* связано с идеей социального падения, утраты престижного статуса, тогда как *крышка* — с идеей ловушки и/или преждевременного крушения планов (*теперь ему крышка, он от нас не уйдет*). Подобные примеры требуют, конечно, отдельного исследования в рамках совсем другой работы; мы же ограничимся лишь тем, что отметим существование этой — пока еще — лингвистической загадки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Апресян Ю.Д. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
3. Крейдлин Г.Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Тождество и подобие: Сравнение и идентификация. М., 1990.
4. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: Восприятие и семантика. М., 1988.
5. Jordanskaja L.N., Mel'cuk I.A. Connotation en sémantique et lexicographie // Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Montréal. 1984. Vol. 1.
6. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.

ДУМАТЬ И СЧИТАТЬ: ЕЩЕ РАЗ О ВИДАХ МНЕНИЯ

Важнейшей (и неразрешимой, по мнению Канта и склоняющегося к этому мнению Я. Хинтикки) проблемой теории познания является установление того, что в нашем внутреннем, "мысленном" мире является отражением объективной реальности и что — субъективным творением человеческого ума [5; 6, 99, 173]. Между тем эта задача, по крайней мере отчасти, уже решена — языком. С различием имеющихся в уме субъекта (С) мысленных "фрагментов" (Р) связана весьма существенная дифференциация в области предложений мнения [1, 3], выражаемая в русском языке противопоставлением глаголов *думать* и *считать* [3] (к последнему в ряде отношений примыкает *полагать*). Два типа мнения, выделяемых в этой связи, будем называть "объективным" и "субъективным"¹. Как отмечает М.А. Дмитриовская [1, 2] и вслед за ней А.А. Зализняк [3], объектом мнения первого типа являются верифицируемые Р, объектом мнения второго типа — Р неверифицируемые. Заметим, что "верифицируемость" — "неверифицируемость" является, скорее, "диагностическим", но не сущностным признаком этих Р. Что касается существа дела, то одни из имеемых в уме Р (верифицируемые) являются "отражением" какого-то фрагмента действительности (другое дело, верным или неверным), что значит, что С не просто имеет в уме Р, но и соотносит, связывает его с действительностью, имеет в уме 'это есть в действительности'. Другие Р (неверифицируемые) создаются умом С (см. и ср. [3, 191]), суть часть субъективного, творимого умом С мира и не являются "отражением" какого-либо объективного, внешнего по отношению к С положения вещей. Соответственно эпистемическая ситуация применительно к таким Р упрощается: компонент 'есть в действительности' выбывает из игры. Поэтому такие Р не могут быть объектами эпистемических установок, вовлекающих тем или иным образом в рассмотрение соответствие Р действительности, а именно знания [2, 11], имеющего соответствие Р действительности в качестве презумпции веры, выносящей этот компонент в коммуникативный фокус, а также уверенности, сомнения, предположения, подозрения, воображения и т.п. [7], ср.: *Он знает/верит/предполагает/уверен/воображает, что это подлость. Такие Р имеют интенциональную природу и как таковые есть только в силу того, что С их "считает". В этом отношении они подобны ощущениям и эмоциям: если С чувствует боль/радость/сожаление, то тем самым боль/радость/сожаление есть,

¹ М.А. Дмитриовская и А.А. Зализняк называют эти типы соответственно "мнение-предположение" и "мнение-оценка". Эти термины, однако, представляются слишком узкими. Хотя предложения "объективного мнения" могут в некоторых случаях пониматься как выражающие предположение, а предложения "субъективного мнения" — как выражающие оценку, это всего лишь частные случаи, в которых проявляется закономерность более общего порядка.

поскольку их "резиденцией" является исключительно субъективный, внутренний мир *С*.

Описанное выше деление на объективные и субъективные *Р* не следует понимать в абсолютном смысле. "Объективные" *Р* не являются полностью объективными, равно как и "субъективные" *Р* могут быть не лишены объективности. Фактически "отражательно-объективный" и "творчески-субъективный" аспекты переплетены, "сплавлены" в мысленном мире *С* и в различных его фрагментах — в различных комбинациях и пропорциях. "Субъективные" *Р* являются субъективными в том смысле, что субъективный, "творческий" аспект в них доминирует, преобладает настолько, что они становятся несопоставимыми с объективной, независимой от *С* действительностью; соответственно в "объективных" *Р* основным является объективный, "отражательный" аспект. При этом, что совершенно естественно, между "субъективными" и "объективными" *Р* нет резкой границы, но имеется обширная и расплывчатая переходная зона. Отнесение *Р*, находящихся в этой зоне, к объективным или субъективным, зависит от того, насколько осознается говорящим (*Г*) их субъективный аспект, а также просто от установки *Г* — от его желания выделить субъективный или объективный аспект в данном *Р*. Так, *Р* 'Х красив', очевидно, имеет объективную сторону: оно устанавливается эмпирическим наблюдением внешних свойств *Х*-а, и если *Х* не имеет определенных внешних качеств, то он не является красивым. Соответственно именно с этой стороны может оцениваться данное *Р* при сообщении о наличии его в уме *С*: *Я и не знал/не думал, что она такая красавица!* Не менее очевидно, однако, что у этого *Р* имеется и субъективная сторона: хотя имеются такие лица, которые ни при каких условиях не назовешь красивыми, в некотором диапазоне варьирования объективных свойств отнесение *Х*-а к красивым является делом личного вкуса. Глядя на одни и те же объективные черты, один скажет: *Она красива*, а другой: *Она не красива, но очень мила*. Слово *считать*, как противопоставленное *думать*, "высвечивает" в *Р*, актуализует тот аспект, в котором оно является творением человека: *Она считает себя красавицей; Ее считали красавицей; Я ее красавицей не считаю*.

Подчеркнем, что в подобных двусмысленных случаях оценка *Р* как субъективного или объективного принадлежит *Г* (=тому, кто употребляет слово *считает*). Это не значит, конечно, что *С*, который имеет, "создал" в своем уме *Р*, оценивает его как-то иначе. Это значит, что слово *считать* сигнализирует только о позиции *Г* и ничего не сообщает о позиции *С* (за исключением формы 1 л. наст. вр., где *Г*=*С*). Так, женщина, о которой *Г* сказал, что она себя считает красавицей, сама бы, скорее всего, это слово не употребила: *Я считаю себя красавицей*; ср. также: *Я прошу не принимать никаких решений, — поспешно сказал Киров, — моя охрана достаточна и надежна. — Это ты так считаешь, — возразил Сталин, — а у Политбюро на этот счет может быть другое суждение* (А. Рыбаков, Дети Арбата).

Субъективные, неverifiedируемые *P* весьма разнообразны (и в разной степени удалены от объективной действительности). Ниже будут описаны основные их типы.

Типичным примером субъективных, "личных" *P* являются субъективные оценки и, шире, любые квалификации, содержащие оценочный компонент [1; 3]: *Я считаю, что это подлость/он поступил правильно/ему лучше было бы уехать отсюда/работа может быть оценена на "отлично"* и т.д. В действительности есть основания для оценки, но сама оценка принадлежит *C*. Подчеркнем, что объектом считать могут быть только оценки, содержащие рациональный компонент, оценки чисто чувственные, оценки-ощущения объектом мнения быть не могут: **Я считаю, что это приятно/вкусно; *Он считает, что ему больно.*

Характерной чертой *P* этого типа является их произвольность, полная неконтролируемость. Эмоциональный, чувственный компонент, содержащийся в эмоциональных и этических оценках, возникает помимо воли *C*: [Леня Шиндин:] *По мне Егоров хороший человек. Я так считаю. Я так чувствую* (А. Гельман, Мы, нижеподписавшиеся...). Что касается рациональных (утилитарных) оценок (*X* хорошо, потому что ведет к хорошему для *C* *Y*-у), то они произвольны вдвойне: не контролируется *C*-ом не только чувственный, эмоциональный компонент (также наличествующий в этих оценках), но и логика, отражающая каузальную цепь, ведущую от *X* к *Y*: *Я считаю, что тебе было бы полезно поработать на заводе год-другой.*

К оценочным *P* примыкают *P*, выражающие утилитарную или этическую необходимость, а также (реже) возможность. *P* этого типа двойственны в отношении субъективности/объективности. Они объективны, поскольку объективно необходимы (или возможны) для достижения того или иного хорошего либо избежания плохого (в утилитарном или этическом смысле) *Q* те или иные действия *C*; они субъективны, поскольку субъективна положенная в основание необходимости оценка. Отсюда отмеченная в [3] практически одинаковая допустимость как *считать*, так и *думать* в предложениях с *P* этого типа: *Я считаю/думаю, что вам нужно уехать/вы можете остаться.*

Сугубо субъективную группу образуют *P*, выражающие личное, "приватное" правило, сформулированное *C*-ом для себя, а иногда и для других: *Я считаю, что, если я дал слово, я должен его выполнить; Я всегда считал, что человек должен сам отвечать за свои поступки* и т.д.

Весьма распространенную и, может быть, самую характерную группу субъективных, неverifiedируемых *P* составляют *P*, образуемые волевым, произвольным актом ума *C* (будем называть их "конструкты"). Создание таких *P* в большей или меньшей степени контролируется *C*. На поверхностном уровне это ярко проявляется в возможности высказываний со значением побуждения к созданию таких *P* или разрешения на их создание: *Постановили: считать план стажировки выполненным; Такого-то считать/полагать в отпуске с такого-то*

числа; *С 1 мая с.г. нормальной температурой тела считать не 36,6 градуса, а 38 (Изв. 1992. 25 апр.); Можешь считать себя не связанным обещанием/меня своим другом.*

Область конструкторов, в свою очередь, также неоднородна. Хотя все конструкторы создаются произвольным актом ума, в одних случаях они создаются практически из ничего, тогда как в других случаях — из чего-то. Самые субъективные из конструкторов (с одной стороны, они же, с другой — самые объективные) — совершенно условные *P*, создаваемые в процессе и по правилам "игры" (в смысле Витгенштейна: деятельности, регулируемой условными, принятыми — по крайней мере, в конечном итоге — "по соглашению" правилами). Таковы, например, случаи, когда кто-то считает или не считает себя связанным обещанием, обязанным или необязанным что-то делать или (собственно в игре) когда кто-то считается выигравшим, если на его кубике выпало наибольшее количество очков, или когда кого-то считают/полагают принятым на работу, ушедшим в отпуск или уволенным с такого-то числа и т.д. Все эти феномены существуют только потому, что их "считают". Так, ворота считаются взятыми, если..., только потому, что все участники игры согласились считать это взятием ворот, и если сам субъект и никто другой не считает, что он связан обещанием, то он им и не связан². В то же время рассматриваемые *P* самые объективные — в том смысле, что они интерсубъектны, создаются не по личным, а по принятым в данном обществе, коллективе правилам и поэтому очень часто "разделяются", "принимаются" не каким-либо одним конкретным *C*, но всеми участниками данной "игры". Отсюда — распространенность в сфере данных *P* конструкций с обобщенным или неопределенным (и поэтому неэксплицируемым) *C*: *Это не считается! Прошу считать меня...; Он считается в отпуске...* и т.п.

Другую группу "сконструированных" *P* (не отделенную, впрочем, резко от предшествующей группы) образуют *P*, имеющие тот или иной "материальный", объективный "субстрат". Образование таких *P* мотивируется отсутствием в этом "субстрате", в объективной действительности четких делений на "сущности", "объекты", "фрагменты", "классы" и т.п. В таких случаях *C* более или менее произвольно проводит границы между "фрагментами" и тем самым в некотором смысле создает, или, может быть, точнее, "досоздает" *P*. При этом в одних случаях "досоздается" точное обобщенное понятие о данном "фрагменте", классе "сущностей", определяющее, что значит относиться к данному "фрагменту", быть членом данного класса вообще (= для любого *X*): *Кулаком считали крестьянина, имевшего более двух*

² Не все из рассматриваемых *P* полностью субъективны, некоторые из них (как, например, нахождение в отпуске) имеют объективный "субстрат" (в частности, для отпуска это — отсутствие на работе), что сближает их с *P* следующей группы. Однако в своих существенных, определяющих чертах эти *P* все-таки создаются "по правилу" умами *C*. Для отпуска существенно именно то, что его "считают": если *X* просто отсутствует на работе, то о нем нельзя сказать, что он в отпуске; с другой стороны, если издан приказ и его считают в отпуске, то он — в отпуске, пусть даже он в это время приходит на работу.

коров; Шаг влево, шаг вправо — считается побег; Человек считается невиновным до тех пор, пока не доказана его виновность; Будем считать слово мотивированным, если оно удовлетворяет следующим критериям... и т.д. В других случаях "произвол" С касается не выделения данного "фрагмента" (класса) вообще, но подведения под понятие о данном фрагменте, отнесения к данному классу некоторого конкретного случая X , относящегося фактически к переходной зоне. Так, в классических, "ядерных" случаях объективными свойствами X предопределяется, является он или не является лысым, стариком, писателем и т.д., и человеческому "произволу" просто не остается здесь места. Однако имеются и переходные, промежуточные случаи, и тогда перед С встает вопрос, считать или не считать данного X лысым/стариком/писателем и т.д., при том, что с объективными свойствами X ему все ясно: *Ну что вы, какой я писатель, я себя писателем не считаю; Я себя еще стариком не считаю*; ср. также (якобы состоявшийся) диалог американских и советских журналистов: *Считаете ли вы негров за людей? — Ну что за вопрос, конечно, считаем!* (Б. Стрельников, И. Шатуновский, Америка направо и налево). Последний пример ярко иллюстрирует презумпцию произвольности, субъективности отнесения к тому или иному классу, связанную с *считать*. Комизм ответа обусловлен противоречием презумпции безусловности отнесения негров к классу людей, выражаемую усиленно словами *ну что за вопрос, конечно*, и презумпцией некоторой условности такого отнесения, навязываемой употреблением *считать*.

К конструктам последнего типа примыкают P , образованные условным отнесением X к типу (классу) Q , к которому он уже объективно никак не относится ($= X$ не находится в объективно переходной зоне от не Q к Q) на основании наличия у X отдельных, изолированных, но с субъективной точки зрения существенных признаков Q (например, функционирование в качестве Q и, шире, выполнение в той или иной "игре" роли Q , такая же, как у Q , ценность (в том или ином смысле), возникновение таких же, как в случае Q , юридических, моральных, практических и т.п. последствий и т.д.): *Постановили: считать осла львом; На Крайнем Севере год считается за два; Не зря играл я в ту игру — коров считал за кенгуру...* (Л. Мартынов).

Особую группу составляют P , которые мы назовем "эпистемическими конструктами". К этой группе относятся P , образованные, как и P описанного выше типа, в известной степени условным подведением X под то или иное понятие. Однако мотивом такого "произвола" является здесь не отсутствие определенных границ в действительности, но эпистемическая неопределенность в уме С, при том, что по тем или иным причинам необходима концептуальная точность. Так, человек с юридической точки зрения считается ($=$ признается) погибшим, если с момента его исчезновения прошло какое-то (определенное законом) количество лет.

Наиболее близки к объективным P , выведенные мысленным, логи-

ческим путем из каких-то объективных данных: различного рода прогнозы, гипотезы, общие суждения, полученные индуктивным и дедуктивным путем, и т.д. (см. и ср. [2, 10]). То, что есть в действительности, это основания для прогноза, гипотезы, вывода и т.п., что касается самого *P*, то его или еще нет, как, например, *P*, описываемого прогнозом (понимаемого именно как прогноз, а не как констатация будущего): *Я считаю, что он успешно сдаст экзамен*, — или же оно принципиально недоступно проверке посредством сличения его с действительностью (относится к далекому прошлому, находится в других галактиках, недоступно прямому наблюдению по своей природе, включает квантор общности, относящийся к *X*-ам, представляющим бесконечный открытый ряд, и т.д.): *Считают, что Рубенс написал ее [картину] на рубеже 1602—1603 годов; Считается, что наиболее удаленный от нас объект, который может быть открыт, находится на расстоянии около 500 миллионов световых лет; Основным переносчиком внушения на расстоянии считают электромагнитное поле и т.д.* *P* данного типа в отличие от конструктов неконтролируемы: хотя они и строятся умом по определенным логическим законам, однако это именно законы, а не правила, и воле человека они неподвластны.

Противопоставление объективных и субъективных *P*, а вместе с ним и противопоставление *думать* и *считать*, имеет не только синхронический, но и диахронический аспект. С течением времени может происходить переход субъективных *P* в объективные и наоборот — не вследствие изменения их природы как таковой, но в результате изменения отношения к ним говорящих и имеющих в уме эти *P* (и как следствие в некотором смысле изменения их природы, поскольку она определяется отношением *Г*). Создавая субъективное *P*, человек проецирует его на мир. По прошествии времени, особенно если это *P* "разделяется" всеми членами данного языкового коллектива, его субъективное происхождение "забывается", перестает осознаваться и говорящие начинают принимать его за непосредственный объективный факт, лишь отражающийся в уме *С*. Это, например, путь от *Мы считаем, что социализм — это самый передовой общественный строй* через *Самым передовым общественным строем (справедливо) считается социализм* к *Самым передовым общественным строем является социализм*. Этот процесс может, однако, и инвертироваться: *Социализм считался самым передовым общественным строем; Маркс считал, что вершиной человеческой истории является коммунизм*. "Переплавление" субъективного в объективное — это путь обыденного и родственного ему мифологического сознания; осознание субъективности того, что ранее казалось объективным, — это общее направление развития науки.

Как было отмечено выше, противопоставление объективных и субъективных *P* выражается в русском языке (в области мнения) противопоставлением глаголов *думать* и *считать*. Однако противопоставление этих глаголов расплывчатое, "мягкое", так же как само противопоставление объективных и субъективных *P*. При этом маркированным членом оппозиции является *считать*. Признак объективности *P* для *думать* является латентным [4, 6]: если *P* явно

и безусловно является произвольным, субъективным, оно может быть "связано" с *С* глаголом *думать*: *И думайте обо мне, что хотите* (И.С. Тургенев, *Новь*); [Сталин:] *Стоит ли нам после всего сказанного печатать статью Энгельса? Я думаю, что не стоит* (А. Рыбаков, *Дети Арбата*); *Плутон — планета небольшая, думают, что он приблизительно такой же величины, как Земля* (А. Волков. *Земля и небо*).

Описанное принципиальное различие *думать* и *считать* имеет многочисленные синтаксические, коммуникативные и прагматические последствия. В частности, предложения с *думать* (но не *считать*) испытывают в 1 л. наст. вр., где *С* совпадает с *Г*, сильнейший прагматически обусловленный сдвиг. Сообщение об "имении в уме" *Р* становится в этом случае излишним: если человек говорит "*Р*", то, следовательно, он имеет *Р* в уме. Поэтому предложение (*Я*) *думаю, что Р* не может быть в силу "принципа экономии" произнесено в своем буквальном значении: в силу "принципа релевантности" (Г. Грайс) оно должно получить какое-то иное прочтение. Элементарное логическое рассуждение превращает сообщение об имении в уме *Р* в "мнение-предположение": раз *Г* подчеркивает, что *Р* имеется в его уме, а не говорит просто "*Р*", то, следовательно, он не уверен в том, что *Р* имеет место. Подчеркнем, однако, что значение "предположения" не является собственно значением глагола *думать*, но представляет собой коммуникативную импликацию (по Грайсу), что подтверждается тем, что в других формах это значение не возникает: *Сакердон Михайлович лопнет от зависти. Он думает, что я уже не способен написать гениальную вещь* (Д. Хармс, *Старуха*) — *С* считает, что *Р* факт, а *Г*, наоборот, что фактически не *Р*, но ни для того, ни для другого *Р* не является предположением.

Что касается *считать*, то с ним ситуация в 1 л. наст. вр. другая. Поскольку *Р* — объект *считать* создается *С*-ом (= *Г*) и не соотносительно с объективной действительностью, то если *С* считает, что *Р*, то *Р* тем самым есть и сомневаться ему в том, есть ли это *Р*, так же невозможно, как невозможно сомневаться в том, что его боль есть, тому, кто эту боль испытывает. С другой стороны, употребление *считать* в отличие от широкого, немаркированного *думать* и в 1 л. наст. вр. не совсем избыточно. Хотя и в этом случае, конечно, очевидно, что тот, кто говорит "*Р*", имеет это *Р* в уме, однако отнюдь не всегда столь же очевидно, что это *Р* "создано" в той или иной степени, в том или ином смысле умом *С* (= *Г*), субъективно. Соответственно характерной для *думаю* импликации некоторой неуверенности *Г* в *Р* не возникает, и эпистемический "префикс" (*Я*) *считаю* функционирует как показатель презумпции осознанной субъективности *Р*: '*Г(С)* понимает, что другие могут считать иначе'.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриовская М.А. Глаголы знания и мнения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
2. Дмитриовская М.А. Глаголы знания и мнения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.

3. Зализняк Анна А. *Считать и думать*: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
4. Зализняк Анна А. Функциональная семантика предикатов внутреннего состояния: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1985.
5. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
6. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
7. Шатуновский И.Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

Б.Л. Борухов

Мышление живое и мертвое:

"РАССУДОК" И "РАЗУМ" В ФИЛОСОФИИ П. ФЛОРЕНСКОГО (ПО КНИГЕ "СТОЛП И УТВЕРЖДЕНИЕ ИСТИНЫ")

1. Как и в "Критике чистого разума" И. Канта¹, сфера ментальных способностей человека членится в "Столпе..." на две области — РАССУДОК и РАЗУМ, с той, правда, разницей, что помимо этих двух Кант выделяет еще и третью — способность суждения [3, 216]. Что же касается использования Флоренским самих терминов "рассудок" и "разум", то здесь, скорее всего, сказывается влияние русских переводов работ Канта, и в частности перевода Н.О. Лосского (1907), на который Флоренский несколько раз ссылается [7, 626, 648 и др.], поскольку именно в этих переводах установилась традиция такой лексической интерпретации кантовских терминов *Verstand* и *Vernunft*².

Вместе с тем семантическое наполнение данных терминов у Флоренского совпадает с кантовским их истолкованием лишь отчасти. Кант понимает под рассудком способность "мыслить предмет чувственного созерцания" [3, 155] в форме априорных категорий и устанавливать правила для мышления [там же, 217], а разум трактует как способность устанавливать "принципы априорного познания" [там же, 120]³.

У Флоренского же приближается к кантовской лишь интерпретация термина "рассудок". Последний у него тоже устанавливает правила для мышления и заключает его в категориальный каркас (хотя проблематика априоризма рассудочных категорий Флоренского совершенно не занимает). Зато "разум" в интерпретации Флоренского с "разумом" Канта не имеет, по сути, практически никаких точек соприкосновения. Для русского философа это вовсе не способность снабжать рассудок принципами, а, скорее, способность прозревать в вещах смысл, наделять мир осмысленностью. В одном из контекстов термин "разум" прямо употребляется в значении 'смысл':

¹ О зависимости Флоренского от Канта см., в частности, [9, 495].

² Небезынтересно, что традиция эта сложилась в России не сразу. Так, еще в 1866 г. П.Д. Юркевич переводит *Verstand* как "разум" [10, 497]. С другой стороны, традиция эта сохраняется лишь в русской философской литературе, в то время как за ее пределами жесткой лексической корреляции между немецкими *Verstand* и *Vernunft* и русскими "рассудок" и "разум" в переводческой практике нет. Ср., скажем, статьи, посвященные соответствующим словам в немецко-русском словаре [4].

³ Подробнее о соотношении рассудка и разума у Канта см. [1, 242—255].

«Но почему же "это" есть именно "это", а не что-нибудь иное? В чем разум (т.е. смысл. — *Б.Б.*) этого самотождества непосредственной данности?» (25)⁴.

Речь здесь идет о логической формуле тождества $A=A$. Согласно Флоренскому, Формула эта не имеет "разума", т.е. смысла:

"...эта тавтологическая формула, это... безмысленное и потому бессмысленное равенство $A=A$ есть на деле лишь обобщение самотождества" (там же).

Не случайно, по Флоренскому, разум — это помимо всего прочего еще и "логос" (73), при том, что одно из значений этого греческого слова — именно 'смысл'.

Аналогичную семантику, по-видимому, имеет "разум" (и производные от него) и в других контекстах. Так, говорит Флоренский, "...рассудочное A есть, безусловно, неразумное, иррациональное, слепое A , непрозрачное для разума" (29).

Поскольку речь здесь снова идет о законе тождества, а выше мы видели, что закон этот (и выражающую его формулу) Флоренский считает "бессмысленным", логично предположить, что "неразумное" и "непрозрачное для разума" употребляется в аналогичном значении. В таком случае утверждение

"Жизнь, — текучая, несамотождественная, — может быть разумна, может быть прозрачна для разума" (там же) следовало бы интерпретировать как "жизнь может быть наполнена смыслом".

Флоренский здесь идет, конечно, не от Канта, а, скорее всего, от Владимира Соловьева, у которого встречается аналогичное истолкование термина "разум". Ср.:

"Для того, чтобы наше знание было истиной, оно должно представлять не одну действительность или реальность существующего, а его смысл, или разум. В истинном познании должен нам открываться общий смысл, или разум вещей. Разум, или смысл вещи состоит... в отношении ее ко всему... Разум, или смысл познаваемых вещей и явлений может быть познан только разумом же или смыслом познающего субъекта..." [5, 674—675].

2. Впрочем, точного определения слов "рассудок" и "разум" мы у Флоренского нигде не найдем, да и странно было бы требовать такой точности у мыслителя, сознательно декларировавшего ненаучность и несистематичность своего метода познания и изложения, называвшего свое мышление "круглым" [8, 27] и утверждавшего, что "не система соподчиненных философских понятий... но свободное соподчинение тем определяет (у него. — *Б.Б.*) сложение всей мысленной ткани" [там же, 31]. Поэтому о значении терминов в "Столпе..." можно говорить лишь предположительно. Флоренский работает с ними как с чем-то заведомо данным, интуитивно самоочевидным.

Однако, независимо от того, какой понятийный смысл вкладывает философ в свои термины, важно отметить другое: в отличие от Канта "рассудок" и "разум" для Флоренского — это не просто слова, обозначающие две разные познавательные способности, а, скорее, символы, олицетворяющие две враждующие друг с другом стихии человеческого духа. Если Кант всего лишь различает

⁴ Здесь и далее "Стопп..." цитируется по изданию [6] с указанием в тексте страниц в круглых скобках. Курсив в цитатах принадлежит цитируемым авторам, разрядка — автору данной статьи.

эти понятия, отнюдь не рассматривая их как нечто принципиально противоположное, то у Флоренского они абсолютно несовместимы друг с другом и образуют непримиримую оппозицию. Оппозиционность эта в "Столпе..." подчеркивается неоднократно. Ср.:

"Разум противен рассудку, как и этот последний — первому, ибо требования их противоположны" (29) или:

"То, что рассудочно, то неразумно, — несообразно мере разума" (там же).

Характерно при этом, что противопоставляются "рассудок" и "разум" в языке Флоренского не в качестве понятий, а главным образом с точки зрения ценностной, коннотативной. Коннотативная же окраска данных терминов определяется их соотносительностью с другой, чрезвычайно значимой для системы Флоренского оппозицией — ЖИВОГО и МЕРТВОГО.

3. В философском дискурсе Флоренского можно выделить два слоя категорий. Первый включает категории, являющиеся объектом рефлексии философа, предметом его непосредственного рассмотрения. Таковы, в частности, "рассудок", "разум", "интуиция", "дискурсия", "истина", "любовь" и т.п. Назовем их явными категориями. Второй слой содержит категории, которые можно обозначить как неявные. Не будучи объектом собственно рефлексии, они как бы обволакивают первые, "омывают" их, задают ценностные доминанты рефлексивного процесса. Если первый слой категорий по происхождению своему является понятийным, то категории, относящиеся ко второй группе, представляют собой категории мироощущения философа⁵. Категории "живого" и "мертвого" у Флоренского как раз и являются категориями такого рода.

Положительно окрашенный полюс в этой дихотомии составляет "живое". Поэтому определение "живой" (и родственные ему) всегда имеет безоговорочно позитивный смысл, а все положительное, в свою очередь, определяется через категорию "живое". Так, общее "стремление" своей книги Флоренский обозначает как "живой религиозный опыт" (4). Чтобы "разобрать буквы церковной письменности", т.е. постичь сокровенную суть Церкви, нужно "омыть их живою водою" (там же). Церковность — "это жизнь, особая новая жизнь, данная человекам..." (5). "...Личный характер личности — это живое единство ее самосозидающей деятельности..." (80). Победа над законом тождества "делает ее (личность. — Б.Б.) живым центром деятельности" (там же). Церковная жизнь "постигается... лишь жизненно, — не в отвлечении, не рассудочно" (7) и т.д.

И, напротив, все мертвое, безжизненное, связанное со смертью окрашено в "Столпе..." в негативные тона. Отсюда и отрицательная окраска соответствующих определений. В свою очередь, все, или почти все, оцениваемое отрицательно, сопровождается их отнесением к классу мертвых, мертвящих и тому подобных объектов. Так, отрицательная оценка философии Спинозы влечет и аттестацию ее как безжизненной: "...отсюда безжизненность его системы" (78). Изображение мук,

⁵ О категориях мироощущения в философском дискурсе см. [2].

переживаемых скептиком, тоже дается в терминах смерти: скептика леденит "мертвящий холод абсолютного одиночества и гибели" (37), он обречен "умирать в агонии" (66), его "ум умерщвляет" (38), скепсис — это "начало духовной смерти" (39), "умирание в безумии" (66) и т.п.

Практически все обсуждаемые Флоренским явные категории погружены в этот кипящий раствор ценностных антиномий; каждая из них втягивается в орбиту категорий "живого" и "мертвого" и как бы заряжается их ценностной энергетикой. Относится это и к понятиям рассудка и разума.

4. Коннотативная семантика термина "рассудок" у Флоренского формируется категорией "мертвого". Рассудок определяется как "враждебный жизни" (30). И наоборот, жизнь "невместима в рассудок, противна рассудку" (там же). Философия рассудка — философия "безжизненной неподвижности" (80). Рассудок несет смерть и разложение, он "искал бы умертвить ее (жизнь. — Б.Б.), прежде нежели согласится принять ее в себя" (303). В свою очередь, он убивает и себя самого, "погубляет" себя "ради своего Начала" (65). Носитель рассудочного познания — это "тварь, дерзнувшая возжелать стать на место Творца и неизбежно низвергающаяся из Него в агонию вечного уничтожения" (там же).

Ценностный ореол "смерти" создается Флоренским не только при помощи лексики, несущей эксплицитные семы "мертвого", "умирания" и т.д., но и за счет слов и понятий, выступающих в качестве знаков, признаков, спутников смерти (слепота, неподвижность, холод, бездушность, плотянность, безумие и проч.). Так возникают характерные метафоры: "рассудочное А есть, безусловно, слепое А" (29), крик рассудка — "это крик плотяности" (61), нормы рассудка — "слепые и бессмысленные" (там же) и т.п.

"Мертвым" коннотативным ореолом окружены в тексте "Столпа..." и концепты, связанные с различными проявлениями ментальной деятельности и соотносящиеся каким-то образом со сферой рассудка: соподчиненные ему, раскрывающие его содержание и пр. Таково, в частности, для Флоренского понятие. Оно "делает ненужным всякое проявление жизни. Мало того, так как никакая жизнь не может быть соизмерима с понятием, то всякое движение жизни неизбежно переливается за намеченные понятием границы и тем самым оказывается зловредным, нетерпимым" (6). И в католицизме, и в протестанстве "жизнь усекается понятием" (7).

Несовместима с жизнью и такая форма рассудочной (с точки зрения Флоренского) деятельности, как логическое определение. Поэтому все живое неопределимо, а то, что нельзя определить, соответственно является живым. Так, "неопределимость православной церковности... лучшее доказательство ее жизненности" (7). И наоборот, любая дефиниция — это смерть. Отсюда и характерная "гробовая" метафора: "Так как же эта *полнота*... Божественной жизни может быть уложена в узкий гроб логического определения?" (6)

В еще большей степени заряжены семантикой смерти у Флоренского нормы деятельности рассудка и в первую очередь ненавистный

философу закон тождества ($A=A$). Во многих контекстах, где о нем заходит речь, сема смерти сразу же всплывает на лексическую поверхность текста. Так, формулу $A=A$ Флоренский называет "безжизненным" равенством (25), "мертвым тождеством" (47), закон тождества — "мертвый и мертвящий" (там же), это "мертвое самотождество" (там же). Ср. также следующие метафорические контексты:

"Закон тождества есть дух смерти, пустоты и ничтожества" (27)
или

"Закон тождества есть неограниченный монарх, да; но его подданные только потому не возражают против его самодержавия, что они — бескровные призраки, не имеющие действительности, — не личности, а лишь рассудочные тени личностей, т.е. не-сущие вещи. Это — шеол, царство смерти" (28).

Как и сам "рассудок", закон тождества в "Столпе..." постоянно появляется в окружении упомянутых выше знаков "мертвого": он "пустой" (47), "плотный" (там же), это "тупое саморавенство" (80), входящее в него рассудочное "А" — "слепое" (29). Только победа над законом тождества "подымает личность над безжизненной вещью и... делает ее живым центром деятельности" (80).

5. В противовес "рассудку" и его проявлениям "разум" у Флоренского окрашен в тона "живого". В одном из контекстов "Письма третьего" разум прямо включается в ряд ценностно тождественных понятий, одним из которых является "жизнь":

"Я не знаю, есть Истина или нет ее... И я знаю, что *если она есть*, то она — все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье" (67).

Разум в "Столпе..." — это "живая деятельность человека" (73), познание при помощи разума "не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом (т.е. не есть убийство. — Б.Б.), а живое нравственное общение личностей" (74). Поэтому "жизнь — текучая, несамотождественная, — жизнь может быть разумна, может быть прозрачна для разума..." (29). Если подданные рассудка — призраки, тени (см. выше), т.е. вещи, не обладающие реальностью, "не-сущие", то разуму, наоборот, приписывается реальный статус, Флоренский называет его "реальной силой человека" (73). Именно поэтому христианская философия, будучи философией живой, есть "философия идеи и разума" (80). Соответственно если в своей рассудочной ипостаси закон тождества — "плотный, мертвый и мертвящий" (47), то, сделавшись разумным, "он может быть духовным, живым и животворящим" (47). "Вместо пустого, мертвого и формального самотождества $A=A$ " в этом случае получается "содержательное, полное жизни, реальное самотождество" (там же).

И так как жизнь должна победить смерть, разум должен "препобедить" (59) рассудок, "построить себе новую норму" (там же), "отрешиться от своей ограниченности в пределах рассудка, отказаться от замкнутости рассудочных построений и обратиться к новой норме, — стать новым разумом" (60).

6. Как видим, коннотативное содержание таких "рациоимен", как РАССУДОК и РАЗУМ, в языке "Столпа..." формируется категориями

"живого" и "мертвого", и в этом проявляется своеобразие концептуальной парадигматики Флоренского (в сравнении с тем же Кантом, например). Естественно задаться вопросом, почему именно эти неявные категории играют в его системе роль ценностных доминант и почему устанавливается именно такая корреляция между ними, с одной стороны, и рассмотренными выше рационалистами — с другой. Сказывается ли здесь какая-то философская традиция, или же это сугубо индивидуальная особенность мироощущения Флоренского? Ответ на эти вопросы мог бы дать ключ к пониманию целого ряда особенностей творчества мыслителя. Но это уже предмет для специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Иммануил Кант. М., 1973.
2. Борухов Б.Л. Философия и мироощущение (о природе философского знания) // Человек и мир. Саратов, 1992.
3. Кант И. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
4. Немецко-русский словарь / Под. ред. А.А. Лепинга, Н.П. Страховой. М., 1988.
5. Соловьев В. Сочинения: В 2 т. М., 1990. Т. 1.
6. Флоренский П.А. Том 1: Столп и утверждение истины. М., 1990. Ч. 1 (Приложение к журналу "Вопросы философии". Серия "Из истории отечественной философской мысли").
7. Флоренский П.А. Том 1: Столп и утверждение истины. М., 1990. Ч. 2.
8. Флоренский П.А. Том 2: У водоразделов мысли. М., 1990.
9. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
10. Юркевич П.Д. Философские произведения. М., 1990.

М.М. Вознесенская, М.А. Дмитриевская

О СООТНОШЕНИИ RATIO И ЧУВСТВА В МЫШЛЕНИИ ГЕРОЕВ А. ПЛАТОНОВА

Проследить соотношение рационального и эмоционального начал в мышлении героев Платонова важно не только для характеристики персонажей, но и для воссоздания целостного художественного мира отдельного произведения, в нашем случае романа "Чевенгур".

В современной критической литературе, посвященной А. Платонову, а именно в работах В.А. Подороги (см., например, [7]), уже отмечалась необычность позиции автора-повествователя при описании своих героев. Точка зрения автора является двойственной: он одновременно описывает героев как "изнутри", так и со стороны. При таком подходе становится возможным показать особенности жизнедеятельности персонажей как независимые от их воли и сознания. Это также ведет к тому, что, в противоположность обычному взгляду на человека как на нечто цельное в своих проявлениях (в языке это отражается в постановке указания на человека в позицию субъекта), у Платонова эта целостность разрушается, и мы видим ряд достаточно независимых друг от друга сфер тела, чувства и разума. Они одинаково важны для героев Платонова. Поскольку объединяю-

шей роли субъекта нет, то каждая из этих сфер получает самостоятельное функционирование, независимое от воли человека. (Неконтролируемость внутренней жизни подчеркивается также важностью понятия силы, действие которой ощущают в себе герои Платонова [3].) У Платонова на языковом уровне это выражается в том, что слова *ум*, *разум*, *голова*, *мысль*, а также *чувство* и *сердце* сами начинают занимать позицию субъекта. При этом сферы разума и чувства не являются полностью изолированными друг от друга, но обнаруживают постоянное сопряжение. Следующие примеры показывают, что эти понятия могут рассматриваться Платоновым как равноправные, равнозначные, не подлежащие единому волевому контролю со стороны человека, одинаково важные для описания внутренней психической жизни: "Наблюдая живое пламя, Захар Павлович сам жил — в нем *думала голова, чувствовало сердце* и все тело тихо удовлетворялось"; "От какой волнующей силы начнет *биться сердце и думать ум*" (Котлован). Ср. также в рассказе "Река Потудань": "— А я не виновата! Я и так не очень люблю кушать: это не я — голова сама начинает болеть, *она думает про хлеб и мешает мне жить и думать другое...*".

Остановимся более подробно на соотношении *ratio* и чувства в мышлении героев Платонова. Писатель постоянно решает вопрос о приоритете мысли или чувства в психической деятельности человека. Этот же вопрос беспокоит и его героев: "...что такое душа — жалобное сердце или ум в голове, — и о многом другом мучился Достоевский, не давая покоя семье по ночам". Помимо отмеченной выше равноправности этих сфер между ними обнаруживаются следующие соотношения: с одной стороны, резкая противопоставленность мысли и чувства, а с другой стороны, их нерасчлененность, слиянность.

Для обыденного сознания происхождение мысли не является обычно предметом рефлексии: мысль коренится в сфере сознания. У Платонова же это не так: мысль сопряжена со сферой чувства, она не существует сама по себе. Иерархически упорядоченный мыслительный процесс может быть представлен как трехступенчатый: чувство — мысль — слово. Соотношение между первыми двумя элементами представлено в следующем описании рождения мысли у Александра Дванова: "...то, что Дванов ощущал сейчас как свое сердце, было постоянно содрогающейся плотинкой от напора вздымающегося озера чувств. Чувства высоко поднимались сердцем и падали по другую сторону его, уже превращенные в поток облегчающей мысли". Однако поскольку чувство и мысль все-таки различны, то для героев Платонова процесс перехода от чувства к мысли не является гладким. Чувства в силу своей стихийности и нерасчлененности затрудняют мышление и даже мешают ему. Так, о Чепурном говорится: "Он боялся своего поднимающегося настроения, которое густой силой *закупоривает головную мысль* и делает трудным внутреннее переживание". О Соне Платонов пишет: "Соня не могла сообразить, она еще была полна ощущений жизни, *мешавших ей правильно думать*". Сходным образом характеризуется и мысль Александра Дванова: "Тогда Дванов опережал работу сердца, питающего, но и *тормозящего его сознание...*".

В то же время в силу того, что чувства имеют характер природный, стихийный и их происхождение естественно для человека, они оцениваются положительно в противоположность мысли, которая имеет характер достаточно искусственный и условный. Ум ограничивает, сужает и соединяет чувства. Так, Чепурный говорит о Прокофии: "...он своей узкой мыслью мои великие чувства ослабляет". Захар Павлович даже изобретение механизмов приписывает чувству, а не разуму: "По словам Захара Павловича выходило, что ум — это слабосудная сила, а машины изобретены сердечной догадкой человека".

Для героев Платонова характерно преобладание чувства над разумом (это уже было отмечено М.И. Стюфляевой [8]). Чувство рассматривается Платоновым как равноправная форма познания, при этом чувственное познание противостоит рациональному. Это находит свое выражение в противопоставлении глаголов мысли и чувства, ср.: "Он [Копенкин] не понимал, как это есть, но чувствовал, что Роза — продолжение его детства..."; "...бобыль еще больше удивился и ничего не понимал, хотя чувствовал происхождение ветра точно"; "Он скорее хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать".

Описывая отношение героев к миру и другим людям, Платонов подчеркивает чувственный характер их восприятия, — герои не просто воспринимают окружающее и окружающих, но чувствуют их. Это отражается в специфике употребления глаголов *чувствовать*, *воображать* и *ощущать*, ср.: "Он [Дванов] до теплотворности мог ощутить чужую отдаленную жизнь, а самого себя воображал с трудом. О себе он только думал, а постороннее чувствовал с впечатлительностью личной жизни..."; "Карчук доделал длинный ящик Кирею, которого Карчук начал чувствовать своей душевной необходимостью"; "...вы сейчас камень чувствуете, а не товарищей?".

При подобном восприятии окружающего мира у героев Платонова происходит соединение эмоционального и рационального начал. Это проявляется в том, что глаголы *чувствовать*, *ощущать* и глагол *думать* становятся близкими по смыслу, употребляются в сходных контекстах и легко допускают взаимозамены. Так, прибывший в Чевенгур Симон Сербинов наблюдает усиленную концентрацию чевенгурцев на выбранном человеке, что проявляется в их постоянном стремлении думать об этом человеке, то есть чувствовать его. "По-вашему, это ведь много значит: думать — это иметь или любить...", — говорит Сербинов Александру Дванову. На близости глаголов *думать* и *чувствовать* построен разговор трех персонажей романа "Чевенгур". Чепурный предлагает Карчуку отнести в почтовый вагон письма Сербинова: "...будешь идти и дорогой думать о нем...". Карчук первоначально отказывается: "Может, завтра пойду, — сказал он, — я его пока не чувствую...". Однако потом он соглашается идти и отвергает предложение Сербинова посидеть с ним перед дорогой: "...я буду думать о тебе один...".

Мысль для большинства героев Платонова не существует вне

чувства, точнее, чувство и является мыслью. Это выражается в необычных соединениях в пределах одной конструкции слов, относящихся к эмоциональной и ментальной сферам. Таким образом, можно говорить о существовании единой, нерасчлененной области мысли-чувства. Платонов делает акцент на этом, характеризуя особенности мышления отдельных персонажей: "Захар Павлович думал без ясной мысли, без сложности слов — одним нагревом своих впечатлительных чувств..."; "Яков Титыч привык жить молча, переживая свои рассуждения в тишине чувства...". Особенно часто Платонов говорит об эмоционально-рациональной основе мышления Чепурного: "Но у него болело сердце, и он сегодня мог думать"; "Чепурный что-то задумчиво почувствовал и тихо сообщил"; "Чепурный оправился от изнеможения и поднял голову, в которой созрело решительное чувство". Мышление с преобладанием чувственно-эмоционального компонента может быть только конкретным и образным. Здесь обращает на себя внимание употребление слов *воображать, представлять, воображение, фантазия* там, где описывается процесс мышления. Так, об Александре Дванове говорится: "...мысль его всходила *фантазией*"; "...он всегда *воображал что-нибудь чувством*"; "Под думой он полагал не мысль, а наслаждение от постоянного *воображения* любимых предметов".

Отмеченные выше особенности процесса мышления характеризуют не только отдельных персонажей, но вообще присущи человеку из народа: "...мысль у пролетария действует в чувстве, а не под плешью". Перед этими пролетариями и "прочими" возникает необходимость осознать себя, найти себе место в совершающихся революционно-утопических преобразованиях общества. Вразрез со стихийно-эмоциональным началом людей из народа революция требует организации и упорядочения жизни, а это может быть достигнуто только путем привлечения чисто рационального начала. Прохор Дванов противопоставляет чувство и мысль и говорит Чепурному о важности мысли для революции: "— Чувство... это массовая стихия, а мысль — организация. Сам товарищ Ленин говорил, что организация нам выше всего...". Таким образом, значение слов *ум, думать* и *мысль*, достаточно цельное в обычном языке, в платоновском мире расщепляется, и формируются два различных значения каждого из названных слов. С одной стороны, это описанное выше мысль-чувство, с другой стороны — чистая деятельность рассудка, абстрактное мышление, которое остается чуждым человеку из народа. Так, о Чепурном говорится, что он обучен в Чевенгуре "большому уму" и становится "умнее всего пролетариата" от должности. Но в то же время Чепурный продолжает отрицательно относиться к чисто рассудочной деятельности ума, поскольку она рассматривается им как характеристика "угнетающего класса" (буржуазии) и вследствие этого — как средство угнетения. Чепурный опасается, что Дванов может ввести в Чевенгуре науку. Он говорит Прокофию: "...ум такое же имущество, как и дом, стало быть, он будет угнетать ненаучных и ослабелых". Сходное отношение прослеживается также у Копенкина: "...в уме постоянно находится хитрость для угнетения тихого человека". Единственный

герой романа "Чевенгур", способный к абстрактному мышлению, — это Прокофий Дванов. Не случайно Копенкин сразу признает Прокофия за "хищника": на его лице виден "старый экономический ум". Этот ум оценивается им как "лишний", а лицо Прокофия — как "угнетающее".

Платонов, говоря о процессе мышления у своих героев, не ограничивается рассмотрением двух его составляющих — чувства и *ratio*. Он уделяет также большое внимание третьему необходимому компоненту мышления — языку. Роль языка огромна, ибо только словесное выражение полностью оформляет мысль и делает ее завершенной. Говоря словами Л.С. Выготского, "мысль совершается в слове" [1, 307]. Но поскольку Платонов подчеркивает основополагающую роль чувства в процессе мышления, то не просто "мысль совершается в слове", но слово способствует превращению чувства в мысль. Отсюда возникает противопоставление чувства единому комплексу мысли-слова: "Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует".

Процесс мышления с необходимостью включает в себя процесс вербализации. Таким образом, можно установить тождество думания с говорением, и наоборот. На сопряженность этих двух процессов постоянно обращают внимание герои Платонова и сам автор. В ответ на недоумевающее замечание Копенкина о том, откуда берется у Якова Титыча "смутное слово", тот отвечает, что он не просто говорит, а мыслит при этом: "— Я не говорил, а думал, — сказал он. — Пока слова не скажешь, то умным не станешь...". Связь этих двух процессов мы наблюдаем также у Александра Дванова, Ср.: "Он... вновь заговорил, чтобы думать". Платонов подчеркивает, что проговаривание слов вслух и вовне является необходимым условием мышления человека из народа, что он не "умеет соображать молча". Дванова и Гопнера не удивляет, когда на собрании в губернском городе сидящий перед ними человек "непрерывно бормочет", "думая что-то в своем замкнутом уме и не удерживаясь от слов". Сам Платонов объясняет это так: "Кто учился думать при революции, тот всегда говорил вслух, и на него не жаловались". Важно подчеркнуть, что процесс вербализации делает мысль или чувство понятным для самого говорящего. Говорение объективирует мысль, и уже в этом качестве мысль возвращается к своему носителю. Вторично увидев Чепурного, который продолжал "бормотать себе свои мысли", Дванов (а вместе с ним и автор) замечает: "Он не мог думать втемную — сначала он должен свое умственное волнение переложить в слово, а уж потом, слыша слово, он мог ясно чувствовать его. Наверно, он и книжки читал вслух, чтобы загадочные мертвые знаки превращать в звуковые вещи и от этого их ощущать". Чепурный сам говорит себе и сам же внимательно себя слушает, и только таким образом достигается понимание человеком самого себя. Этот процесс объективации мысли в слове и ее вторичного присвоения субъектом почти дословно повторяет соответствующее рассуждение В. Гумбольдта (см. [2, 76—77]). Без воплощения в слове чувства остаются "смутными", "темными", "неясными" и непонятными для человека. Платонов здесь говорит о "мучении чувства", о том, что без

слова чувства "превращаются в томление". Словесная формулировка освобождает человека от тяжести и напора чувств, и от "этого настает внутренних покой"; выговариваясь, мысль "охлаждается от истечения". Поскольку для Платонова мысль неотделима от ее словесного выражения, то сходное ощущение покоя вызывает у платоновских героев и процесс мышления сам по себе. Ср. такие употребления: "успокаивающая вода сознания", "умственный покой", "поток облегчающей мысли", "истощиться мыслью и успокоиться".

Сам процесс словесного оформления мыслей и чувств зачастую вызывает у героев Платонова непреодолимые трудности. Это соответствует затрудненности абстрактного мышления у них. Говоря о Захаре Павловиче, Платонов отмечает, что отставание в подборе необходимых слов "надоедливо тормозит его размышление", у Копенкина же многие чувства остаются невысказанными, потому что у него нет "необходимой силы мысли". И только у Прохора Дванова словесное выражение не вызывает затруднений. Платонов наделяет Прокофия необычной функцией: выступать в роли "толмача-переводчика" чувств Чепурного, облекать их в слово. Чепурный говорит о Прокофии: "[Он] парень словесный, без него я бы жил в немых мучениях". Между Чепурным и Прокофием происходит разделение ролей: Чепурный "чувствует", "предчувствует", "мучается", "дает руководящее предчувствие", Прокофий же "формулирует", "продолжает чувство Чепурного", "разгадывает его колеблющиеся чувства", "отгадывает воспоминания Чепурного", "соображает", "напрягается головой, отыскивая... организационную формулу", "надувается своим умом", "ясно выражает". Словесная мысль Прокофия коренится в "темном, но связном и безошибочном чувстве Чепурного". В случае необходимости Чепурный прямо обращается к Прокофию с просьбой сформулировать его чувства: "— Формулируй, Прош, — мирно сказал он, — я что-то чувствую" (ср. также: "Да ты мысли скорей, а то я волнуюсь"). Необходимость в Прокофии вызвана тем, что "язык революционной эпохи", с его штампами, лозунгами, политической терминологией, остается непонятным и чуждым для народа. Герои Платонова видят в этом языке воплощение "чужого", абстрактного ума. Так, Пиюся, считая революцию "умнее себя", боится "канцелярий и написанных бумаг", чувствуя в них "могущество черной магии мысли и письменности". Многие слова остаются для платоновских героев непонятными, и они путаются в их произнесении и истолковании. Чепурный, даже пользуясь этим языком, все же ощущает его как нечто неорганичное для себя. Он говорит Копенкину: "Ты думаешь, я своими словами с тобой разговаривал, меня Прокофий научил"*.

Рассмотренный комплекс проблем, касающихся соотношения чувства, мысли и слова в мышлении героев Платонова, позволяет не только реконструировать особенности художественного мира писателя, но и проникнуть в творческую лабораторию самого Платонова, проследить рождение его мысли и ее выражение в слове. Описывая мышление своих

* Ощущение языка как чужого и приобретенного прослеживается также у А. Белого. См. об этом [5].

героев, Платонов одновременно как бы говорит и о себе самом. Многими исследователями отмечалось, что писатель остается "внутри изображаемого сознания" [9, 197] (см. также работы С. Бочарова, М. Чудаковой, Ю. Левина). В своих записных книжках и письмах Платонов неоднократно обращается к проблеме соотношения эмоционального и рационального в своем собственном мышлении. В одном из ранних писем к жене Платонов пишет: "Чтобы что-нибудь полюбить, я всегда должен найти какой-то темный путь для сердца, к влекущему меня явлению, а мысль шла уже вслед" [4, 161]. Для Платонова мысль обязательно должна включать в себя чувство, она должна быть искренней: "Всякая мысль, всякое интеллектуальное движение без своего эквивалента и отображения в чувстве, усиливающего мысль в квадрате, есть ложь, нечестность" [6, 44]. "Писать чувством" — в этом Платонов видит особенность своего творческого метода: "Писать надо не талантом, а "человечностью" — прямым чувством жизни" [там же, 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1982. Т.2.
2. *Гумбольдт В. фон.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. *Дмитровская М.А.* Понятие силы у А. Платонова // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.
4. "...Живя главной жизнью": (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках) // Волга. 1975. № 9.
5. *Лотман Ю.М.* Поэтическое косноязычие Андрея Белого // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988.
6. *Платонов А.П.* Деревянное растение: Из записных книжек. М., 1990.
7. *Подорога В.А.* Евнух души: Позиция чтения и мир Платонова // Параллели: Альманах философской компаративистики. М., 1991. № 2: Россия — Восток — Запад.
8. *Стюфляева М.И.* Романтический элемент в прозе А. Платонова // Творчество А. Платонова. Воронеж, 1970.
9. *Шубин Л.А.* Андрей Платонов // Шубин Л.А. Поиски смысла отдельного и общего существования. М., 1987.

ПОДРАЖАНИЕ КАК МЕНТАЛЬНЫЙ АКТ (К ТЕОРИИ ЯЗЫКА У ПЛАТОНА)

Как кажется, на нынешний момент ко множеству терминов гуманитарных, да, наверное, и не только гуманитарных, наук вполне применимыми оказываются строки, написанные в иное время и по иному поводу: "Слова у нас до важного самого / В привычку входят, ветшают как платье". В самом деле, ученые сейчас нередко пользуются терминами, так по сути и не "договорившись о понятиях" или, наоборот, целиком полагаясь на тех, кто "договорился" о них давным-давно, так что теперь истинный смысл этих категорий и стоявшая за ними изначальная реальность бывают затемнены порой до полной неузнаваемости. Потому, вероятно, полезно время от времени брать тот или иной подобным образом "затертый" термин и, постаравшись убрать с его поверхности патину многочисленных употреблений и интерпретаций, попытаться хотя бы в какой-то мере восстановить исходное его значение, круг и характер представлений, некогда им отражаемых. В этой работе мы хотели бы попробовать вот так "сиять заставить заново" понятие, чуть ли не наиболее естественным и непосредственным образом перешедшее из античных теорий в арсенал современной гуманитарной науки, — представление об искусстве как подражании природе, иначе говоря, о поэтическом мимесисе и *мимесисе* как таковом.

Действительно, эта категория уже в течение многих десятилетий, а то и столетий Нового времени активно используется, причем не только собственно классической филологией, но и теоретической поэтикой, и общей теорией искусства прежде всего; а после известной книги Э. Ауэрбаха [1] понятие мимесиса стало своего рода общим местом и филологических, и общеполитических исследований. При этом самой первой и как бы "естественной" интерпретацией античной концепции мимесиса стала идея прямого воспроизведения искусством объектов реального бытия, творений природы. Впрочем, достаточно быстро такая идея непосредственного копирования была отставлена в сторону — во многом потому, что очевидно принижала роль самого искусства, и если применительно к античности ее еще можно было допустить для "ненавистника поэзии" Платона, то уже для Аристотеля, а тем более для всей дальнейшей античной и западноевропейской традиции такая интерпретация, безусловно, неприемлема. Отсюда возникли теории, описывающие мимесис как передачу не столько внешней, сколько внутренней структуры объекта, его "идеи", говоря языком того же Платона¹.

Однако наиболее существенный сдвиг в интерпретации исходного значения греческого термина *mimesis* произошел, пожалуй, уже во

¹ Обзор существующих концепций см. в [7, I—XXIX].

второй половине XX в.; к сожалению, достигнутые здесь результаты до сих пор еще остаются вне широкого научного обихода. В 50-е годы немецкий ученый Х. Коллер задался целью проследить истоки формирования теории мимесиса в доплатонову эпоху. При этом Коллер постарался доказать, что первоначальной сферой научного или по крайней преднаучного мировосприятия, внутри которой было сформулировано понятие о пресловутом "подражании", в античности была теория музыки и танца. В рамках этой теории *μίμησις* и родственные категории означали исходно не столько подражание, сколько изображение и, шире, выражение — в немецких терминах Коллера, не *Nachahmung*, но *Darstellung* и *Ausdruck* [6].

В недавнее время идеи Коллера получили блестящее подтверждение и развитие в работах Н.В. Брагинской, которая сосредоточилась уже на последующей судьбе терминов круга *μίμησις* а прежде всего в Аристотелевой теории поэзии и искусства вообще. В этой теории исследовательница обнаруживает следы все той же мусическо-орхестической природы этого понятия [3]. Кроме того, анализируя концепцию мимесиса, Н.В. Брагинская обоснованно переносит акцент с результата описываемого термином действия на само это действие, доказывая, что в античности подражание природе "...значит, что художник, создавая свои произведения, *действует подобно природе*, а не то, что он копирует ее творения" [2, 30—31].

Как кажется, в истолковании понятия мимесиса теперь на очереди следующий шаг все в том же направлении: нужно определить характер самого этого действия, попробовав ответить на вопрос "*как подражает подражающий?*". Делая этот шаг, мы сосредоточимся пока лишь на одном, частном преломлении концепции мимесиса — на использовании этой категории в рассуждениях Платона о языке. Внимание к языковедческому узусу этого понятия тем более оправданно, что именно в рамках языкового учения Платона мимесису отводилась центральная роль. Так, в основном "лингвистическом" диалоге Платона "Кратил" постулируется принцип, согласно которому имена суть *подражания* вещам. "Имя — подражание голосом тому, чему подражает и что именует подражатель" (Кратил 423 а). Впоследствии этот тезис будет в общем виде повторен и Аристотелем: τὰ ὀνόματα μίμητά ἐστιν (Риторика 1404 а). Как явствует из самой формы слова, ὄνομα как μίμημα знаменует собой результат (греч. -μα < *-mē — суффикс с результативным значением) некоего процесса, который и должен, следовательно, называться собственно *подражанием* — *μίμησις*’ом. Процесс же создания слов в описании Платона предстает как последовательное соединение звуков, или первоэлементов языка (στοιχεῖα), в слоги (συλλαβαί), а слогов — в слова (ὀνόματα): "...так вот и мы подставляем звуки для вещей, когда по одному для каждой... а то и по несколько сразу, производя то, что называется слогом, а затем уже и слоги складываются между собой, из чего возникают имена и речения" (Кратил 424 е). Подобное сложение элементов продолжается и далее, охватывая все уровни языка: "Сперва идут элементы и из них соединенное, а как сцеплено это, так и имена, а сцепление имен уже рождает речь (λόγος), ведь

природа речи в сцеплении слов" (Тезтет 202 b). Таким образом, на каждой из ступеней языковой иерархии: звук—слог—слово—высказывание (речь), — у Платона мы сталкиваемся со своей разновидностью одного общего принципа — принципа сочетания отдельных элементов в единое целое. Оттого и наука грамматики в изображении Платона предстает как своего рода "наука о сочетаниях": "Он [Тевт, мифический изобретатель письма и грамматики. — Н.Г.] распознал, что никто из нас ни одного из этих [элементов] по отдельности выучить не способен, и, вычислив эту их единую связь (δεσμός), приводящую всех их к некоему единообразию, этой связи он дал название грамматического искусства" (Филеб 18 d).

Итак, если за каждым языковым феноменом и за словом, в частности, стоит процесс взаимного соединения элементов языка и одновременно то же слово являет собой некое "подражание" вещи, то чисто логически мы вправе предположить, что между двумя этими действиями — "соединением элементов" и "подражанием" — существует определенное соответствие, если не тождественное, то подобное. Но в учении Платона о языке такое подобие мимесиса и "соединения" подтверждается порой реальным и непосредственным соотносением двух этих понятий. Так, в том же "Кратиле" они не раз дополняют друг друга в определении имени: "Невозможно было бы, чтобы имена были бы чему-нибудь подобны, если бы не существовало изначально какого-то подобия меж тем, из чего составлены имена, и тем, чему имена подражают" (ἐξ ὧν συντίθεται τὰ ὀνόματα ἐκείνοις ὧν ἔστι τὰ ὀνόματα μιμήματι — Кратил 434 b). Подражающий именем должен согласовывать между собой его части: μεμίμηται τῷ ὀνόματι συναρμόσας (Кратил 414 b). Наконец, самое общее описание языкового мимесиса строится как своего рода последовательность сочетаний: "Каков же будет способ разделения (διαίρεσις), из которого будет исходить в своем подражании подражающий? Не справедливо было бы, раз здесь мы будем иметь подражание сущности в звуках и слогах (συλλαβαῖς τε καὶ γράμμασιν), сперва поступить подобно тем, кто занимается звучаниями (ῥηήμοι): они-то сначала определяют суть каждого отдельного элемента (στοιχεῖον), затем их соединений (συλλαβαί), а затем уже переходят к самим звучаниям... Так же и нам нужно вначале отделить гласные..." и т.д. (Кратил 424 b—c).

Подражание и соединение прямо соотносятся и в Платоновой теории искусства (τέχνη). В "Софисте" все виды искусств разделены как бы на два класса: искусство "приобретения" (κτητική) и "созидания" (ποιητική). Ко второму классу отнесено "все, что касается соединения (τό τε περὶ σύνθετον) и рукоделья, то есть все, что мы называем утварью (σκεῦος), а с этим и подражательное искусство (ἢ τε μιμητική)". В этом контексте искусства "соединительное" и "подражательное", объединенные демонстрирующими тесное примыкание частицами τε... τε [5, 496, 503], вместе противопоставлены (с помощью частицы αὐ 'с другой стороны') идущим перед ними "земледелию и всем прочим заботам о смертном теле" (Софист 219 a—b). Взаимосвязь этих понятий доказывает и фрагмент из

"Государства" 373 b, где в ряду ненужных для идеального государства людей названы "всякие охотники да подражатели", причем к последним причислены "разные искусники по утвари (σκεύη)". Таким образом, в "Софисте" "утварь" — синоним искусства соединения², в "Государстве" — результат подражания: очевидна связь и между контекстами, и между понятиями.

По-видимому, именно родственность подражания соединению и позволяет Платону говорить о том, что язык и искусство подражает природе. Вся космогония "Тимея" построена на описании того, как природа, или демиург, образует мир из сочетания первоэлементов (ср., например, Тимей 31b и далее). При этом два процесса: соединение первостихий в единое целое космоса и соединение звуков в единое целое языка, — у Платона зачастую также прямо соотносятся. Так, в том же "Тимее" (48 b—c) об огне говорится, что это не только не элемент (или буква — στοιχεῖον) Вселенной, но его нельзя назвать даже ее "слогом" (συλλαβή) — это гораздо более сложно устроенная субстанция (т.е., если продолжить уподобление, "слово" или "фраза" Вселенной). Приведенный выше отрывок из "Филеба" с описанием методов грамматики призван на примере букв продемонстрировать соотношение в природе единственного и множественного (Филеб 17 d — 18 a). В "Политике" 278 a—d способность человека воспринимать звуки и сочетания звуков (συλλαβαί) становится залогом того, что он может уловить первоэлементы и сочетания первоэлементов (συλλαβαί) в вещах. Следуя той же парадигме, в дальнейшем многие авторы, включая Аристотеля (Метафизика 1014 a), будут использовать алфавит в качестве наглядной модели, иллюстрирующей соотношение элементов и целого природы. Тем самым оказывается, что язык и искусство подражают природе не столько просто потому, что воспроизводят некие природные сущности, сколько потому, что, воспроизводя их, они следуют, как и природа, определенному механизму соединения частей в целое.

При таком понимании концепт мимесиса оказывается термином с вполне нейтральным значением. Разумеется, у Платона мы сталкиваемся и с использованием этого понятия, аналогичным нашему "подражанию" и по смыслу, и по пейоративному оттенку. В наибольшей степени это относится, конечно, к описанию поэтического мимесиса в "Государстве" (595 a слл.). Вероятно, именно Платону принадлежит "заслуга" отрицательной коннотации изначально амбивалентного понятия. Тем не менее такая исходная нейтральность и амбивалентность понятия мимесиса сохраняется в рамках Платоновой теории языка. В "Кратиле", где, как известно, последовательно излагаются две точки зрения на происхождение и сущность языка — теории языка "по природе" и "по закону", — учение о языковом подражании помещено в композиционный центр диалога и равномерно распределено между двумя его частями — "природ-

² "Соединение", "составление" у Платона вообще основная характеристика "утвари": τὰ σύνθετα πάντα σκεύη (Государство 381 a).

ной" и "установленческой". В части "природной" подражание — это обоснование реальности сходства имен и предметов (имена подражают вещам, а значит, в них есть что-то от вещей — см. 423 а слл.), в рамках "условной" теории языка подражание — лишь способ создания иллюзорного подобия предмета в слове (430 а сл.; ср. 439 а слл.). Таким образом, одновременно внутри одного диалога понятие мимесиса оказывается способным нести сразу оба знака — и плюс, и минус³.

Неизменной остается лишь основная идея: в "Кратиле" слово-подражание всегда есть результат соединения — и звуков, и значимых частей слова⁴. Этот принцип, как мы постарались показать, является одним из основных постулатов, на которых основано учение Платона о языке и суть которого вполне можно выразить словами, почерпнутыми из того же источника: "Единица — вздор. Единица — ноль". Соединение единиц — вот что важно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ауэрбах Э. Мимесис: Пер. с нем. М., 1976.
2. Брагинская Н.В. Композиция "Картин" Филострата Старшего // Балканские чтения-2. М., 1992.
3. Брагинская Н.В. Из комментария к "Поэтике" Аристотеля: *rhythmos, mimesis, lexis* etc. // *Mathesis*. М.: Наука, 1993.
4. Гринцер Н.П. Оппозиция *природа — закон* в системе античной теории языка // Балканские чтения-2. М., 1992.
5. Denniston J. The Greek particles. Oxford, 1924.
6. Koller H. Mimesis in der Antike. Bern, 1954.
7. Mimesis in contemporary theory: an interdisciplinary approach. Philadelphia; Amsterdam, 1984.

Е.Д. Смирнова

ПАРАДОКСЫ И МЫШЛЕНИЕ

Тема данной статьи — теоретико-познавательные предпосылки возникновения парадоксов, роль парадоксов в исследовании ментальных сущностей и выявлении ряда важных положений, связанных с языком и мышлением.

Когда мы говорим о логических и семантических парадоксах, речь идет о подлинных антиномиях, т.е. противоречиях, которые выводятся из очевидных основоположений посредством столь же очевидных правильных рассуждений. Их следует отличать от простых противоречий.

³ Подробнее о месте мимесиса в смысловой и композиционной структуре "Кратила" см. [4, 5—7].

⁴ Именно поэтому в этимологиях "Кратила" за словом очень часто угадывается целая фраза ("слово получилось из выражения" — 399b; "слово как предложение" — 396a и т.п.). "Выражение", "фраза" здесь — зримый носитель стоящей за каждым словом идеи соединения.

Решить проблему парадокса, на наш взгляд, не значит просто "устранить" парадокс, поставив на его пути барьер. Дело не в том, чтобы блокировать парадоксы, вводя определенные запреты и ограничения: важно выявить, о каких несогласованностях в системе нашей познавательной деятельности они говорят. Парадоксы играют роль того окошка в доменной печи, которое позволяет заглянуть в скрытую от обычного взгляда лабораторию познавательной деятельности, увидеть приемы и принципы, обычно остающиеся вне поля зрения и, казалось бы, столь самоочевидные, что мы их принимаем без обоснования.

Возникновение антиномий ведет к переосмыслению основополагающих принципов, связанных отнюдь не с содержанием той или иной теории, скорее это принципы общего, методологического порядка. Парадоксы связаны не с неоправданным употреблением понятий той или иной теории, например геометрии или теории множеств, а с принципами использования понятий вообще, с употреблением основных логических понятий — скажем, таких, как суждение, мысль, объем понятия, смысл, истинностная оценка и т.д.

Парадоксы выявляют "несостыковку" определенных аспектов познавательной деятельности, несогласованность вводимого концептуального каркаса, логики и принимаемых способов абстракции и идеализации, способов конструирования идеальных объектов. В область рассмотрения включаются способы образования понятий, их согласованность с логическими постулатами, трактовка объектов универсума рассмотрения, особенно в тех случаях, когда речь идет об абстрактных, идеальных объектах, таких, как классы, множества или фикции, идеальные объекты теории, заведомо не существующие объекты. Каков статус этих объектов? Что можем мы говорить об их существовании? Это и вопросы референции, и вопросы условий истинности и осмысленности наших суждений.

В процессе познавательной деятельности мы не просто отображаем, как зеркало, что есть в самой действительности, мы конструируем мир идеальных объектов, используя логические строительные леса. Оказывается, логика, логические законы, как лакмусовая бумажка, реагируют на введение такого рода объектов, на используемые приемы абстракции и идеализации. Таким образом, логика неразрывно связана с теорией познания. Парадоксы заставляют задуматься о принципах нашей ментальной деятельности.

Более того, познание совершается не просто посредством понятий. Мы обобщаем предметы мысли в понятия, но познание — и прежде всего теоретическое — совершается посредством "конструирования понятий", т.е. как по проекту мы строим дом, так конструируются и соответствующие понятию объекты. Без этого невозможно теоретическое познание, но за это мы и расплачиваемся, так как отрываемся от эмпирического мира конкретных объектов и попадаем в мир идеальных конструкторов. Мы полагаем, что в этом глубинный источник парадоксов и антиномий. Они свидетельствуют о несогласованностях в мире ментальных сущностей.

И решение проблемы тех или иных парадоксов идет по линии устранения этих несогласованностей.

Следует, однако, подчеркнуть, что логика не изучает законы и формы некоторого природного процесса ментальной деятельности людей. Логика не есть "физика мышления", как полагал Липпс. Логика основывается не на закономерностях психической деятельности людей: логические формы и законы обусловлены вовсе не особенностями человеческого сознания, так же как не являются они и результатом конвенций. Это не законы природной мыслительной деятельности субъекта. Одно дело — как мы мыслим, как реально протекает процесс человеческого мышления, чем обусловлены наши суждения, другое — принципы и законы логики. Объяснение хода мышления и суждения, полагал Г. Фреге, — важная задача, но не логическая. Мы можем мыслить, нарушая законы логики, значит, это не законы мышления как объективного природного процесса психической деятельности людей.

В основе логических структур и связей лежат вовсе не эмпирические связи феноменов сознания. Логика базируется на идеальных связях. В основе логики лежат определенные объективные, идеальные связи в сфере результатов познавательной деятельности людей. Тем самым нормативный характер логических законов и правил определяется не свойствами нашего ума и не априорными формами мышления, а определенными объективными связями между нашими высказываниями, определенными объективными зависимостями истинности одних утверждений от истинности (ложности) других. Логика и выявляет типы такого рода связей, и они лежат в основе логических принципов и правил.

Центральным понятием логики является понятие истинности. Дело заключается в особом (принципиально отличном от всех остальных дисциплин) отношении логики к понятию истинности. Любая наука заинтересована в истинности своих положений, однако в логике анализ понятия истинности включается в ее предмет. Нормативный, аподиктический характер логических законов и правил означает только, что так, соблюдая логические законы и правила, мы должны мыслить не в силу природы нашего ума, а чтобы из истинных посылок получать истинные заключения. Логика не описывает, как рассуждает человек, как из посылок извлекаются следствия человеком или компьютером или как ищут доказательства, ее задача иная — обосновать возможные способы рассуждения. Это означает, что основная ее задача — выявить и систематическим образом описать способы рассуждения, гарантирующие при истинности посылок истинность заключения. Попытки в логике учесть, включить в семантическое рассмотрение те или иные аспекты понятия истинности приводят к созданию нового типа логических систем.

Однако рассмотрение понятия истинности, как оно используется в контекстах естественного языка, выявляет ряд трудностей, связанных с употреблением этого понятия. Парадокс Лжеца поднимает

целый комплекс вопросов, связанных с философией языка, с анализом таких понятий, как высказывание, суждение, пропозиция, осмысленность предложений, истинность, ложность, отрицание, т.е. с важным кругом логико-семантических понятий. Затрагиваются фундаментальные основоположения, наши интуиции, касающиеся осмысленности высказываний, условий истинности предложений. Дело не просто в "устранении" семантических парадоксов, а в исследовании того круга логико-семантических понятий, которые лежат в их основе. Анализ парадоксов типа парадокса Лжеца, причин их возникновения позволяет выявить наши допущения относительно истинности и смысла высказываний, их семантической корректности. (Это в свою очередь позволяет рассмотреть те средства, которые "блокируют" ведущие к противоречиям допущения.) Таким образом, наиболее сложным, на наш взгляд, является вопрос связи истинности и осмысленности наших предложений.

Прежде всего встает вопрос, что собой представляет истинностная оценка суждений в логике. Является ли истинность свойством наших мыслей, предикатом, относящимся к осмысленным высказываниям, или же выступает в качестве значения (денотата) повествовательных предложений, как у Г. Фреге? Рассмотрение указанного круга вопросов ведет к уточнению понятия истинности, к введению этого понятия точным и строгим образом, что, как показал А. Тарский, возможно для формализованных языков. В качестве исходного философского понятия истинности принимается классическое, аристотелевское понятие истинности. Если то, что утверждает высказывание, имеет место, высказывание истинно, в противном случае — ложно. Уточнением этого понятия истинности выступает известная схема Тарского:

(I) X — истинно, если и только если p ,
где вместо X подставляется имя высказывания, а вместо p само это высказывание (или его перевод в метаязык в случае разграничения объектного и метаязыка). Например, подстановкой в схему (I) будет:

"Der Schnee ist weiß" истинно \equiv снег бел.

Схема Тарского, естественно, не является определением понятия истинности, она уточняет условие истинности для любого предложения языка. Согласно схеме истинность рассматривается как предикат, приписываемый высказываниям языка. При этом подходе понимать высказывание — значит знать условие его истинности. Если мы можем указать условие истинности высказывания, т.е. указать предложение p , то тем самым мы придаем интерпретацию рассматриваемому высказыванию. И наоборот, если мы понимаем высказывание, т.е. знаем ситуацию, которую оно утверждает, мы можем указать условие его истинности — то положение p , которое должно в этом случае иметь место.

Однако не всегда при достаточно естественных условиях требования схемы (I) могут быть реализованы. Может оказаться, что имеет место то, о чем говорит предложение, и в то же время оно

не будет истинным. Предложение Лжеца не является истинным, но это как раз то, что оно утверждает.

Говорят, что язык семантически замкнут, если в нем для каждого выражения может быть построено его имя (или описание) и если он включает семантические понятия, относящиеся ко всем выражениям этого языка, например предикат "истинно", определенный на всех высказываниях языка. Если язык семантически замкнут, то нетрудно средствами этого языка построить предложение, утверждающее свою собственную неистинность. Если мы к тому же допустим, что действует обычная классическая логика, то предложение, говорящее о своей собственной неистинности, приводит к противоречию. Получаем известный со времен античности парадокс Лжеца.

Как известно, Тарский предложил ограничиться семантически незамкнутыми языками, разграничив объектный и метаязык. Такой подход элиминирует некоторые процедуры самоприменимости; в частности, в семантически не замкнутом языке не может быть сформулировано предложение, утверждающее свою собственную неистинность. Указанный подход прежде всего пригоден только для искусственных, формализованных языков. Далее, нередко отмечают, что ограничение языков семантически не замкнутыми не решает проблему семантических парадоксов в принципе, а только "механически" устраняет парадоксальные предложения из языка. Наконец, указанный подход не согласуется с употреблением понятия истинности высказываний в естественных языках, где истинностная оценка высказываний принадлежит самому языку и где вполне правомерна итерация истинностных оценок.

Основным является то, что схема Тарского не срабатывает для всех осмысленных предложений. Мы понимаем предложение Лжеца, понимаем, что в нем утверждается, но не можем указать условие его истинности. Парадокс заставляет пересматривать критерии осмысленности наших предложений, понимание того, что такое смысл предложения.

До сих пор, в соответствии с нашей интуицией, предполагалось, что если мы понимаем предложение, то мы понимаем мысль, которую оно выражает, и тем самым предложение может оцениваться как истинное или ложное. В связи с парадоксом Лжеца возникает вопрос, всякое ли осмысленное предложение (речь идет о повествовательных предложениях) может оцениваться как истинное или ложное. Казалось бы, так. Предполагается — и это соответствует нашей интуиции относительно осмысленности предложений, — что любое осмысленное предложение выражает суждение. Суждение же определяется как мысль, в которой нечто утверждается (отрицается) о предметах и явлениях действительности, суждение как форма мысли может соответственно оцениваться как истинное или ложное.

Если же предложение не может характеризоваться как истинное или ложное, означает ли это, что предложение не является осмысленным, что оно не выражает суждения, или же дело в том, что не всякое суждение может оцениваться как истинное или ложное?

К пересмотру таких глобальных установок приводит парадокс Лжеца. Что представляет собой смысл предложения? Мысль, суждение? Или же смысл предложения — это то положение вещей, которое проецируется, моделируется предложением, как полагал Л. Витгенштейн? Мы приходим к пересмотру понятия "осмысленное предложение". Есть предложения, которые мы понимаем, но они не поддаются истинностной оценке. Можно трактовать такие предложения как лишенные смысла — в том плане, что они не детерминируют определенное положение вещей. По Расселу, например, утверждение, что все высказывания истинны или ложны, лишено смысла (не бессмысленно, но именно лишено смысла — *senseless*), ибо оно есть утверждение о совокупности, к которой само принадлежит. Мы высказываемся обо всех высказываниях, как будто это множество завершено, но наше высказывание по своей природе само принадлежит этому множеству. В этом смысле высказывание обо всех высказываниях лишено смысла. Рассел видит в этом процедуру, близкую к порочному кругу. Высказывание нечто утверждает о себе самом посредством ссылки на совокупность, к которой оно само также принадлежит. Подобного рода высказывания лишены смысла и не могут соответственно оцениваться как истинные или ложные.

Естественно, не всякая самоприменимость является пагубной и приводит к противоречиям в случае истинностной оценки высказываний. Следует различать "пагубную" и "непагубную" самоприменимость; проблема как раз заключается в установлении строгих критериев такого разграничения. Вообще говоря, вопрос стоит шире. Каковы критерии применения предиката "быть истинным" в логике? Как соотносятся между собой понятия "быть истинным" и "быть ложным"? Охватывают ли они всю область высказываний языка? Пока не уточнены условия и особенности истинностных характеристик суждений, лишено смысла обсуждение вопроса о действии таких логических законов, как закон непротиворечия и закон исключенного третьего; бессмысленно решать, могут ли наши утверждения быть ни истинными, ни ложными или одновременно истинными и ложными.

Еще Гегель отмечал, что о духе нельзя сказать, что он зеленый, как и нельзя сказать, то он не зеленый. Такой подход приводит к идее, что и предикат "быть истинным" не является определенным на всем классе высказываний. Предложение Лжеца, утверждающее свою собственную неистинность, приводит к противоречию при допущении, что понятие истинности является всюду определенным: относительно любого высказывания можно утверждать, что оно истинно или ложно. Предполагается также, что никакое высказывание не может быть одновременно истинным и ложным. Отказ от этих допущений позволяет устранить парадоксы типа парадокса Лжеца без подразделения языка на объектный и метаязык. Семантическая замкнутость языка при таком подходе сохраняется. Однако логические правила в такого рода семантически замкнутых системах не совпадают с правилами классической логики. Можно

сформулировать самоприменимое предложение Лжеца, оно принадлежит языку, но не является детерминированным (истинным или ложным).

Выделение области применения предиката "истинно" связано с правилами языка, с принимаемыми критериями осмысленности высказываний. Так, семантически некорректными могут рассматриваться предложения типа "Цезарь — простое число", "Дух зеленый". Они не просто лишены истинностного значения, но они нарушают определенные категориальные требования языка. Однако следует отметить, что правила и соглашения, управляющие естественным языком, недостаточны для того, чтобы детерминировать условия истинности любого предложения. Вводимые дефиниции, постулаты значения в известной мере корректируют указанную ситуацию, уточняя условия семантической корректности предложений. Кстати, в живом языке в некоторых случаях нарушение категориальных критериев осмысленности не приводит к семантической некорректности, например в случае метафор.

Можно выделить целый класс предпосылок, детерминирующих условия истинностной оценки высказываний. Это могут быть предпосылки, связанные с прагматическими, ситуационными, временными и иными параметрами, особенно в контекстах естественного языка, с существованием объектов, о которых идет речь. Так, в случае высказываний типа "Завтра будет морское сражение" (о будущих случайных событиях) или высказываний типа "Все дети Джонни спят", если у него нет детей или неизвестно, есть ли они, определение условий истинности высказываний осложняется. Что должно иметь место, чтобы эти предложения были истинными? Какое положение дел должно фиксировать предложение p в схеме Тарского?

Д. Гильберт рассматривал предложения математики, относящиеся к идеальным образам нашей теории — "идеальным элементам", заведомо нереализуемым объектам, фикциям, как предложения, которые не могут оцениваться как истинные или ложные. Таким идеальным элементом теории является, например, бесконечно удаленная точка в проективной геометрии. Именно с допущением такого рода фикций, ментальных "монстров" связана возможность появления парадоксов. Поэтому встает вопрос об их "временном допущении" и условиях их элиминации из контекста всей теории. Вообще возникает вопрос возможности осмысленного употребления и истинностной оценки изолированных высказываний, взятых вне контекста теории. В принципе обсуждение условий истинности изолированных высказываний — сильная идеализация.

По Гильберту, обычная, классическая логика нас не подводит, если мы применяем ее к реальным предложениям математики (относящимся к объектам, конструируемым в рамках абстракции потенциальной осуществимости). Поэтому дело не в отказе от средств классической логики — от закона исключенного третьего или доказательств сведением к абсурду, а в правомерности и условиях включения идеальных элементов.

В случае изменения понятия истинности, введения не всюду опре-

деленного предиката "истинно" логика меняется. Меняется по сравнению с классической трактовкой отрицания отношение истинности и ложности, не действует закон исключенного третьего. Возникают логики с истинно-значными провалами.

Смысл, который мы вкладываем в классическое понятие истинности, получил выражение в схеме Тарского. Парадокс Лжеца ставит вопрос, не является ли противоречивым понятие истинности, вводимое схемой, или же оно не противоречно и все дело в неправомерности тех допущений, которые мы делаем в связи с этим понятием, например наших интуитивных допущений, связанных с критериями осмысленности высказываний, с выражаемыми ими суждениями.

Парадокс, во всяком случае, показывает, что если подстановки в схему (I) формулируются в самом языке, действуют обычные законы логики и допускаются определенного вида самоприменимые предложения, следует противоречие. Парадокс Лжеца также показывает, что в обычном языке, в случае обычной классической логики, следует отказаться от фундаментального интуитивного допущения, что любое осмысленное предложение (утверждающее или отрицающее нечто об объектах) может оцениваться как истинное или ложное. Встает вопрос об универсальности схемы Тарского. Парадокс Лжеца дает нам урок, что соединение классической логики, понятия истинности и достаточно богатого синтаксиса языка (позволяющего строить самоприменимые предложения) ведет к противоречию. Если присутствуют все три составляющие, схема Тарского ведет к противоречию и, следовательно, к переосмыслению условий истинности высказываний.

С другой стороны, вопрос о возможности истинностной оценки осмысленных предложений зависит, как мы видели, от трактовки их осмысленности. Всегда ли смысл повествовательного предложения составляет суждение? Иной подход к анализу предложений, их смысла находим мы у Г. Фреге.

Предложение трактуется Г. Фреге как сложное имя. В качестве смысла повествовательного предложения выступает выражаемая им мысль. Как полагал Л. Витгенштейн, форма выражения пропозиционального знака — письменная или печатная — затемняет сущность пропозиционального знака, и этим объясняется то, что Фреге мог назвать предложение сложным именем. "То, что пропозициональный знак является фактом, замаскировано обычной формой выражения — письменной или печатной. (Потому, что, например, в напечатанном предложении пропозициональный знак существенно не отличается от слова. Поэтому Фреге мог назвать предложение составным именем)" (Трактат, тезис 3.143). Иная трактовка пропозиционального знака ведет к пониманию предложения как образа положения вещей и к выходу на ситуационные семантики.

Какова же связь истинности и смысла при подходе Фреге? В анализе предложения, согласно Фреге, в принципе можно было бы остановиться на смысле предложения, т.е. выражаемой им мысли. И только потому, что нас интересует истинность мысли (а смысл

предложения этого не дает), мы должны двигаться дальше от смысла предложения к его значению.

Возникает вопрос, можно ли в этом случае рассматривать отношение мысли к истинности как отношение субъекта и предиката, т.е. трактовать истинность как предикат, и если нет, то почему.

Фреге полагал, что предложение "Мысль, что 5 — простое число, истинна" выражает ту же мысль, что и просто предложение "5 — простое число". Таким образом, приписывание предиката "истинно" ничего не добавляет и может рассматриваться в таком случае как способ речи и не более того. Но тогда, во-первых, нет никакого "движения дальше" от смысла (мысли) к истинности. Во-вторых, на наш взгляд, представляет особый интерес сопоставить указанное утверждение Фреге относительно употребления предиката "истинно" с приведенной схемой Тарского, со способом анализа истинности, задаваемой ею. Обратим внимание, что в первом предложении, приведенном Фреге (содержащем предикат "истинно"), речь идет о смысле предложения "5 — простое число", а во втором — нет.

Принимаемый метод анализа приводит к введению таких идеальных конструкторов, предметов универсума рассмотрения, как истина и ложь (*das Wahre* и *das Falsche*). Тогда в случае замены тождественных по значению составляющих значение предложения в целом (истинностное значение) не изменяется.

Отношение мысли к истинности Г. Фреге рассматривает как отношение смысла предложения к референту. Смысл знака трактуется им как способ репрезентации обозначаемого. Тогда трактовка предложений как сложных имен и принятие в качестве значений предложений таких абстрактных предметов, как истина и ложь, делает непонятным продвижение от смысла к такого типа значениям. Предложение — дескриптивное имя, но в качестве значения выступает отнюдь не описываемая им ситуация. Поэтому продвижение к референту становится, на наш взгляд, возможным только благодаря введению особого акта — суждения.

Суждение (*Urteil*) выступает не просто как понимание мысли, выражаемой предложением, но и как признание ее истинности. Актом суждения указывается, что значением предложения выступает *das Wahre*, идеальный предмет — "наличествующий факт". Само суждение, естественно, не может оцениваться как истинное или ложное. Это действие, указание — и таким путем осуществляется связь мысли с истинностным значением, продвижение дальше от смысла к истинности. Суждение — это внешний акт, не включаемый в смысл предложения.

Кроме того, получается, что суждение относится к имени, к обозначающему выражению. Содержание предложения естественного языка как бы включает два компонента: смысл и акт суждения. Так пересматривается кардинальным образом соотношение таких ментальных сущностей, как мысль, смысл, суждение, истинностная оценка. И иные идеализации предполагают этот подход.

КАРТЕЗИАНСКОЕ COGITO В СЕМАНТИКЕ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Картезианский принцип Cogito ergo sum (Я мыслю, следовательно, я существую) породил множество дискуссий и практически необозримую литературу. Задача данной статьи — анализ новейших логических реконструкций принципа cogito на основе семантики возможных миров. Наше исследование ограничивается двумя классическими проблемами:

1. Является ли принцип Cogito ergo sum утверждением о наличии какого-либо варианта логического следования между мышлением и существованием (cogito и sum), и если нет, то какой смысл можно придать использованию термина "следовательно" (ergo) в формулировке картезианского принципа?

2. Каков концептуальный статус той сущности, существование которой может быть продемонстрировано принципом cogito?

В предлагаемом подходе к решению первой проблемы существенно используется аппарат семантики возможных миров для исчисления речевых актов, в то время как вторая проблема тесно связана, на наш взгляд, с широко дискутируемым в семантике возможных миров вопросом о специфической референции первого лица.

I

Вопрос о возможности трактовки принципа cogito как утверждения о логическом следовании имеет долгую историю. Уже самые первые возражения Т. Гоббса, П. Гассенди, А. Арно против принципа cogito были спровоцированы его формулировкой в виде утверждения о следовании.

На языке современной логики можно сказать, что всякий, кто стремится интерпретировать принцип Декарта как утверждение о следовании, встает перед дилеммой: использовать либо логику с экзистенциальными допущениями (т.е. с предпосылкой о референциальности всех сингулярных терминов), либо свободную логику (допускающую и нерепренциальные сингулярные термины типа "Пегас" или "Гамлет"). В логике с экзистенциальными допущениями принцип cogito оказывается правильным рассуждением, но не в силу какой-либо логической связи между мышлением и существованием, а просто потому, что "Я" признается сингулярным, а значит референциальным, термином. В этом случае совершенно справедливо возражение против принципа cogito Гассенди, отождествлявшего его с рассуждением "Я гуляю, следовательно, я существую". Более того, такая интерпретация принципа Декарта, по сути, сводит его к знаменитому положению Августина о невозможности сомнения в собственном существовании. Принцип Августина "По крайней мере в одном нельзя сомневаться — в том, что я существую" не уста

навливают какой-либо связи между мышлением и существованием. Именно такая ситуация складывается в логике с экзистенциальными допущениями, где утверждение "Я существую" само по себе является истинным постольку, поскольку "Я" признается сингулярным термином. Таким образом, логика с экзистенциальными допущениями вряд ли может быть признана адекватным средством реконструкции принципа *cogito*. Вместе с тем в свободной логике нет каких-либо формальных оснований признавать корректным переход от "Я мыслю" к "Я существую". Признание "Я" сингулярным термином языка свободной логики вовсе не влечет утверждения о его референциальности. Сингулярный термин "Я" не имеет никаких формальных преимуществ по сравнению, скажем, с термином "Гамлет", реально не существующему референту которого вполне может быть предписано свойство "мыслить".

Возможность выхода из указанной дилеммы открывает перформативная интерпретация принципа *cogito*, первый вариант которой был предложен Я. Хинтиккой (см. [4]). Основная идея этой интерпретации состоит в переключении внимания с предложений, входящих в формулировку картезианского *cogito*, на суждения. Если для предложений существенно быть истинными или ложными, то для суждений как речевых актов существенно исполняться или не исполняться. Таким образом, главным в принципе *cogito* оказывается не связь по истинности различных его частей (предложений "Я мыслю" и "Я существую"), а исполнение (*performance*) суждения "Я существую" как акта мышления.

К сожалению, предложенный Я. Хинтиккой вариант перформативной интерпретации *cogito* имеет существенный дефект (см. [3]). Дело в том, что в своей интерпретации Я. Хинтикка опирается на введенные им понятия экзистенциальной противоречивости и экзистенциальной самоверифицируемости. Предложение *p* считается экзистенциально противоречивым для персоны *a*, произносящей *p*, если предложение "*p*, и *a* существует" противоречиво в обычном смысле. Если *p* экзистенциально противоречиво для персоны *a*, то $\neg p$ является экзистенциально самоверифицируемым для *a*. "Я не существую, и я существую" противоречиво, а поскольку "Я" всегда обозначает говорящего, "Я существую" самоверифицируемо для любого говорящего. Экзистенциальная противоречивость и самоверифицируемость являются свойствами предложений, произносимых некоторым субъектом, его суждений. Таким образом, обнаружение самоверифицируемости "Я существую" предполагает исполнение речевого акта суждения, т.е. проявление ментальной активности "Я". Очевидно, что предложенная Я. Хинтиккой интерпретация принципа *cogito* не связана с трактовкой его как утверждения о следовании. Однако характерная для этой трактовки дилемма воспроизводится и в отношении подхода Я. Хинтикки. Действительно, в логике с экзистенциальными допущениями из факта "Я произношу, что я существую" следует, что я существую. Но в этой логике "Я существую" следует и из факта "Я гуляю". С другой стороны, в свободной логике, допускающей обсуждение ментальных действий ре-

ально не существующих индивидов, из факта осуществления Гамлетом суждения "Я существую" вовсе не следует существование Гамлета в актуальном мире.

На наш взгляд, критика подхода Я. Хинтикки не может служить аргументом против самой идеи перформативной интерпретации *cogito*. Наиболее эффективным средством прояснения этой интерпретации нам представляется концептуальный аппарат исчисления речевых актов Дж. Сёрля и Д. Вандервекена (см. [2]). Фундаментальным для этого исчисления является понятие иллокутивной цели, т.е. замысла речевого акта, внутренне присущего ему как акту данного типа. Среди различных видов иллокутивных целей выделяется декларативная цель, которая заключается в изменении мира посредством осуществления данного акта. "В произнесениях, имеющих декларативную цель, говорящий каузирует положение дел, репрезентируемое пропозициональным содержанием, исключительно в силу успешности совершения им данного речевого акта" [там же, 253]. Хорошо известны такие декларативы, как "выносить приговор", "нарекать", "отлучать (например, от церкви)", "объявлять (например, мужем и женой)", "благословлять" и т.п.

Предлагаемый нами вариант перформативной интерпретации принципа *cogito* состоит в трактовке глагола *cogito* как специфического декларатива. Конечно, акт моего мышления может иметь декларативную цель лишь в особых возможных мирах, лишенных предпосылки о существовании в их предметных областях субъектов осуществляемых ментальных актов. Допущение таких миров расходится с постулатом классического исчисления речевых актов о том, что "индивид, который является возможным говорящим или слушающим в некотором мире произнесения, есть объект данного мира" [там же, 246]. Такой постулат естествен для любого мира возможного осуществления речевого акта, но не для любого возможного мира. С целью выявления информационного содержания логических законов неклассическая логика допускает логически невозможные (т.е. противоречивые и неполные) возможные миры. Мы полагаем, что для выявления иллокутивной силы некоторых специфических декларативов вполне можно допустить некие "иллокутивно невозможные" возможные миры, в предметные области которых не включаются субъекты речевых актов. Смысл принципа *cogito* и состоит, на наш взгляд, в утверждении об успешности декларативного акта "Я мыслю" в каждом таком "иллокутивно невозможном" возможном мире. Иначе говоря, *cogito* оказывается декларативом в отношении самих предпосылок построения предметных областей возможных миров иллокутивной логики.

С точки зрения предложенного варианта перформативной интерпретации *cogito* представляется характерным замечание Декарта о том, что он не ставил своей задачей объяснять вещи, на самом деле существующие в действительном мире. "Отрешитесь, — пишет Декарт, — на некоторое время от этого мира, чтобы взглянуть на новый, который я хочу на ваших глазах создать в воображаемых пространствах" [1, 196]. В условиях отказа от каких-либо

предпосылок принцип *cogito* "создает" мир, в предметную область которого с необходимостью включается субъект ментального акта.

Таким образом, в соответствии с перформативной интерпретацией принципа *cogito* "Я мыслю" и "Я существую" связаны не как посылка и заключение рассуждения, а как действие и результат, процесс и продукт. Принудительный характер принципа, подчеркнутый использованием термина *ergo*, — это не необходимость логического следования, а специфическое декларативное принуждение.

II

Центральный вопрос любой, в том числе и перформативной интерпретации *cogito*, — это определение концептуального статуса той сущности, существование которой демонстрируется методом Декарта. Ответ на этот вопрос предполагает спецификацию критериев индивидуализации картезианского "Я", т.е. его кроссидентификации через предметные области возможных миров.

В семантике возможных миров различаются два метода кроссидентификации: дескриптивный, или объектно-центрированный, и перспективный, или субъектно-центрированный (см., например, [5]). Если в соответствии с дескриптивными критериями индивиды из предметных областей возможных миров отождествляются на основании объективно присущих им свойств, то перспективные критерии идентификации предполагают выбор некоторого субъекта, с точки зрения которого проводится отождествление. Рассмотрим, например, идентификацию в визуальном пространстве и выберем ее субъекта, скажем Джона. В соответствии с критериями перспективной идентификации тела, занимающие одно и то же место в визуальном пространстве Джона, могут считаться идентичными вне зависимости от того, видит ли Джон, кем (или чем) они являются. Дескриптивный метод идентификации предполагает, что Джон видит, кто именно (или что именно) является объектом его восприятия.

По мнению Я. Хинтикки, картезианское *cogito* может продемонстрировать существование лишь перспективно, но не дескриптивно идентифицированного индивида (см. [5]). Дескриптивная идентификация объекта означает возможность помещения его в сферу интерес-субъективного знания, т.е. его интерпретации как ответа на вопрос "кто?" или "что?". Перспективная идентификация позволяет нам говорить о своем окружении с "субъективной точки зрения" без какой-либо дескриптивной интерпретации. Можно было бы понять, скажем, заявление Декарта "Я, Рене Декарт, торжественно клянусь..." как стремление совместить два принципа самоидентификации, подчеркнуть совпадение в данном случае субъектной и объектной центрации. Но, как замечает Я. Хинтикка, утверждение "Я мыслю, следовательно, Картезий существует" звучало бы как логическая шутка даже из уст самого Декарта [там же, 187].

Главная трудность состоит, однако, в том, что недопустимость дескриптивных критериев для идентификации картезианского "Я"

вовсе не означает возможности его перспективной идентификации. Перспективная идентификация предполагает предварительный выбор субъекта, в перспективе которого производится эта идентификация. Следовательно, сам субъект как источник любой перспективы (а именно таково картезианское "Я") не может быть идентифицирован на основании перспективных критериев.

Условием адекватной реконструкции картезианского *cogito* нам представляется признание не сводимого ни к дескриптивному, ни к перспективному метода идентификации — идентификации через самосознание. В соответствии с картезианским пониманием мышления как "внутреннего сознания" этот метод представляет собой самоидентификацию через мышление. Именно в результате такой идентификации "Я" предстает у Декарта как "мыслящая вещь" и возникает такой вариант принцип *cogito*, как *Ego cogitans exito*.

Таким образом, непосредственная данность сознания в картезианском *cogito* может пониматься как несводимость самоидентификации через мышление к другим методам идентификации. А поскольку "мыслящая вещь" является субъектом любой потенциальной перспективной идентификации, "ровным счетом ничто не приводит нас к познанию какой-либо другой вещи, не давая нам при этом много более достоверного познания нашего ума" [1, 318].

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1.
2. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18.: Логический анализ естественного языка.
3. Feldman F. On the performatory interpretation of the *cogito* // *Philosophical Review*. 1973. Vol. 82, № 3.
4. Hintikka J. *Cogito ergo sum: Inference or performance?* // *Philosophical Review*. 1962. Vol. 71, № 1.
5. Hintikka J. The cartesian *cogito*, epistemic logic and neuroscience: some surprising interrelations // *Synthese*. 1990. Vol. 83, № 1.

А.Д. Шмелев

"ХОТЬ ЗНАЮ, ДА НЕ ВЕРЮ"

Вынесенные в заглавие слова персонажа комедии Я. Княжнина "Хвастун" Пушкин в своем "Опровержении на критики" цитирует как пример очевидной нелепости, когда отвергают реальные факты на основе априорных представлений о том, что "этого не может быть". Впрочем, опровергая умозаключения подобного рода, Пушкин не ограничивается указанием на то, что так оно и было в исторической действительности, но старается обосновать психологическую достоверность описываемых событий, приводя исторические и литературные аналогии:

"...Во-первых, объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб

женщина влюбилась в старика, и что, следственно, любовь Марии к старому гетману (NB: исторически доказанная) не могла существовать.

Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю.

Я не могу довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиду, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?..

...Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. Заметили мне, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, — Мазепа мог долго помнить обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытный, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпленные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус неприятеля (см. Летопись Кониского)".

Вообще говоря, достаточно было бы и простой апелляции к фактам: возможность выводилась бы сама собою, поскольку *ab esse ad posse valet consequentia*, или, как писал Солженицын, «мы заключаем „могла, мог быть“ из того, что так оно и бывало». Поэтому-то Горнфельд, возражая критикам, усомнившимся в правдоподобии некоторых эпизодов "Русских женщин", ограничился указанием на подлинные воспоминания княгини М.Н. Волконской, известные Некрасову. Рассуждения людей, которые, основываясь на своих априорных представлениях о невозможности соответствующей ситуации, подобно персонажу Княжнина, отвергают очевидные факты, по общему мнению, не отвечают здравому смыслу [5, 148].

В то же время высказывания, имеющие вид *X знает, что P, но не верит, что P*, не так уж редки в естественных языках, и далеко не всегда они выглядят столь же абсурдными, как приведенное высказывание из пьесы "Хвостун". Так, например, Н.Я. Мандельштам писала в "Воспоминаниях": *"Можно ли поверить, что целовека забирают из дома и просто уничтожают... Этому поверить нельзя, хотя это можно знать умом. Мы это знали, но поверить в это не могли"*. Сходные построения встречаются и в текстах на других языках, ср.: *On peut-être qu'on le sait mais on n'arrive pas à y croire* (фраза из французского перевода Стивена Кинга) или *I knew (in the way one knows things one does not quite believe) that I was considered pretty by some...* (последний пример указан Анной А. Зализняк).

Общим для всех высказываний такого типа является то, что

описываемая ими ситуация воспринимается как несколько отклоняющаяся от стандартных ожиданий (это, в частности, объясняет использование уступительных и противительных союзов *хоть, но* и т.д.); в то же время высказывания эти допускают вполне естественное осмысление и ни в коей мере не могут рассматриваться как семантически аномальные. При этом степень отклонения от стандарта варьируется от языка к языку, а внутри одного языка — от высказывания к высказыванию и зависит от самых разных факторов. Особенности русского материала, служащего предметом рассмотрения в настоящей статье, обусловлены, с одной стороны, тем, что глагол *знать* объединяет значения *cognoscere* и *sapere* (фр. *connaître* и *savoir*, ср. [9; 10]), а с другой — спецификой глагола *верить*, отличающей его от таких аналогов, как *croire* или *believe*, и позволяющей отвлечься от сложной и неоднократно обсуждавшейся проблемы соотношения знания и мнения (knowledge and belief).

Глагол *верить* в последнее время подвергался рассмотрению в ряде работ ([6; 7; 8], ср. также [4]); обсуждались как конструкции с изъяснительным придаточным (*верить, что Р*), так и конструкции *верить в кого, что; верить кому, чему*. Материал этих исследований свидетельствует, что глагол *верить* обозначает установку, возникающую в результате свободного волеизъявления. Посредством соответствующего акта (обозначаемого глаголом *поверить*) субъект признаёт истинным "содержание веры", на которое говорящий может указывать непосредственно (при помощи изъяснительного придаточного) или косвенным образом. Косвенное обозначение содержания веры может состоять в указании на источник соответствующей информации (тогда используется дательный падеж — *верить кому-л.; верить чьим-л. словам*) или на объект веры (тогда используется предлог *в* с винительным падежом — *верить в приметы, в леших, в успех*). Если указывается источник, содержанием веры является информация, исходящая от этого источника; если указывается объект, содержанием веры может быть соответствие объекта идеальному представлению о нем (*верить в народ*), настоящее или будущее существование объекта (*верить в леших*), то, что соответствующая ситуация имела, имеет или будет иметь место (*верить в торжество справедливости*), достоверность интенционального объекта (*верить в приметы, в теорию*). В целом при указании объекта конкретное содержание веры зависит от ряда факторов и не всегда устанавливается однозначно: *верю в судьбу* ≈ 'верю, что существует судьба (потусторонняя сила, определяющая нашу жизнь)'; *верю в твою судьбу* ≈ 'верю, что в твоей судьбе (жизни) все будет хорошо (т.е. твоя судьба будет соответствовать идеальному представлению о ней)'; *верил в побег* ≈ 1) 'верил, что побег удастся'; 2) 'верил, что побег имел место' (именно второе понимание иллюстрирует приведенный И.Б. Шатуновским [7, 265] пример *О побеге не говорил — не верил в побег* = 'не верил, что [Соловейчик] действительно бежал').

Поскольку установка, обозначаемая глаголом *верить*, обусловлена актом свободной воли, то отношение говорящего к содержа-

нию веры может оказаться различным — в зависимости от того, совпадает ли говорящий с субъектом установки. В случае несовпадения, т.е. за исключением употреблений в первом лице в настоящем времени, *верить* может нести на себе отпечаток "снисходительного пренебрежения к чужому заблуждению" [6]; используя глагол *верить*, говорящий как бы подчеркивает произвольность и немотивированность установки, которую сам, вероятно, не разделяет. Если же глагол употреблен в настоящем времени в первом лице (т.е. когда субъектом установки является сам говорящий), он часто несет на себе печать космического оптимизма [там же]. Действительно, декларируя свободное принятие содержания веры, говорящий, если это не простое следование внешнему авторитету, как бы открывает свою волю: *верю* фактически означает 'хочу верить' [4].

Рассматривая глагол *знать*, можно обратить внимание на то, что содержание знания может указываться непосредственно (чаще всего при помощи изъяснительного придаточного) или скрываться за указанием на "область знания", например при помощи косвенного вопроса (о том, что косвенный вопрос при глаголах знания скрывает за собою "положительное суждение", см. [3]), конструкций с прямым или косвенным объектом и др. Употребление обозначения области знания вместо описания его содержания может объясняться отсутствием у говорящего сведений по данному предмету или желанием скрыть эти сведения (*Он знает, кто разбил окно*), а также тем, что содержание знания не может быть кратко и исчерпывающе описано эксплицитным образом (*знать французский язык, знать вкус кофе*) [7, 260]. Именно разграничение области и содержания знания позволяет объяснить следующий "парадокс": фраза *Я знаю испанский язык* предполагает, что говорящий по меньшей мере понимает и способен объясниться по-испански; но, ответив на вопрос: *Какие романские языки ты знаешь? — Французский, испанский, итальянский, румынский...* — говорящий никак не претендует на владение этими языками — он просто сообщает, что знает о существовании этих языков и о том, что они относятся к романским. Дело в том, что в первом случае *испанский язык* обозначает лишь область знания, а содержание знания — приблизительно говоря, испанские словарь и грамматика; во втором случае эксплицитно указывается содержание знания, а имя "области знания" — романские языки.

Установку, описываемую глаголом *знать*, можно метафорически представлять себе следующим образом: в сознание субъекта в какой-то момент было введено содержание знания, которое хранится в участке его памяти, соответствующем "области знания" в виде своего рода "мысленного досье". Таким образом, область знания — это адрес такого "мысленного досье", а содержание знания может пониматься как содержание этого "досье".

Мы видим, что субъект знания полностью пассивен, он не волен знать или не знать что-л. Как только он поставлен в известность о чем-л., он уже *знает*. Именно поэтому в высказываниях *Знай*,

что *P* глагол *знать* выступает как квазиперформатив [4], а высказывания **Не знай, что P* оказываются самофальсифицируемыми.

Таким образом, *знать* и *верить* различным образом относятся к воле субъекта. Субъект знания пассивен, знание не зависит от воли, субъект веры активен, вера является результатом свободного выбора (ср. замечание З. Вендлера о том, что *believe* обозначает действие, а *know* никогда не может рассматриваться как действие [11]). Не случайно можно сказать *мне (не) верится*, но нельзя **мне (не) знается* (о возможности употребления предиката в подобных конструкциях как показателе контролируемости см. [2]).

Приведенные соображения помогают объяснить, как можно одновременно *знать* и *не верить*.

Прежде всего, отметим, что парадокс возникает лишь в том случае, когда совпадают именно содержание знания и содержание (несостоявшейся) веры. Если же совпадение объектов при глаголах *знать* и *верить* сводится к тому, что имя области знания совпадает с именем объекта веры или с именем источника информации, никакого парадокса нет, ср.: *Я знаю Ивана и именно поэтому не верю ему; Я знаю эту теорию, но не верю в нее*.

Конструкции же *X знает, что P, но не верит, что P* интерпретируются следующим образом: *X "знает"* в том смысле, что независимо от своей воли поставлен в известность, что *P*, но по своей воле принять *P* он не желает*. Ситуация вполне вероятная; некоторое ощущение отклонения от стандарта возникает лишь потому, что верить поступающей информации естественнее, чем не верить: язык в этом смысле вообще относит веру к норме, а неверие — к аномалии (см. [8]); ср. *Что-то я не верю, но не *Что-то я верю* (о возможности присоединения *что-то* как показателя того, что ситуация отклоняется от нормы, см. [1]).

Несколько иная картина возникает при совпадении субъекта с говорящим, т.е. в высказываниях вида *Я знаю, что P, но не верю, что P* (в настоящем времени) (ср. цитированное высказывание из пьесы Княжнина). Употребляя глагол *знать*, говорящий дает понять, что он считает *P* истинным, а это противоречит утверждению *не верю*. Таким образом, высказывания такого рода действительно абсурдны (в отличие от высказываний *Он знает, но не верит* или *Я знал, но не верил*).

Подобное различие интересующих нас высказываний при совпадении и несовпадении субъекта с говорящим обнаруживается и в других языках. Характерен диалог из произведения Джозефины Тей, приводимый (по несколько другому поводу) З. Вендлером: "*Well, well,*" said Barker indulgently, "*let us say, how do we know you did it?*"

*При этом в отличие от *X-а* говорящий, разумеется, считает *P* истинным (верит, что *P*); это дает ему основание употребить фактивный глагол *знать*.

"How do you know?" she repeated. "What do you mean? You didn't know till now, but now I've told you and you know." "But you know, just because you say you've done it is no reason that we should believe you have," Barker said. Оба участника диалога правы — каждый со своей точки зрения. Героиня права, говоря: *Вы знаете это*; она имеет в виду: 'я поставила вас в известность'. Именно так мы употребляем глагол *знать*, говоря о других лицах. Спрашивая: *А Иван знает, что семинар отменяется?* — мы интересуемся, сообщили ли об отмене семинара Ивану, а не тем, поверил ли Иван этому сообщению. Но и Баркер прав: ведь он мог сказать: *Мы знаем*, только если он сообщению поверил.

Неоднократно отмечалось, что в первом лице настоящего времени глаголы *знать* и *верить* ведут себя не так, как в прочих формах. Материал, рассмотренный в этой статье, добавляя нечто к уже накопленным наблюдениям, подтверждает этот вывод. Но еще более существенным представляется разобранное различие между *знать* и *верить*: состояние, обозначаемое глаголом *знать*, пассивно и обуславливается информацией, поступившей к субъекту; состояние, обозначаемое глаголом *верить*, обуславливается свободным выбором субъекта и вытекающими из этого выбора ментальными актами. Поэтому, интересуясь, что субъект *знает*, мы интересуемся тем, какое образование он получил, чему его научили; интересуясь, во что он *верит*, мы узнаем о нем самом, о его желаниях, о его душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой "картины мира") // ВЯ. 1987. № 3.
2. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью // Логический анализ языка: Знание и мнение. М., 1988.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
5. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. "Возможности" естественного языка и модальная логика // Язык логики и логика языка. М., 1990.
6. Селезнев М.Г. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
7. Шатуновский И.Б. Эпистемические предикаты в русском языке (семантика, коммуникативная перспектива, прагматика) // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
8. Шмелев А.Д. Вера и неверие сквозь призму языка (revisited) // ИВАН СССР / Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников: Языкознание. М., 1988.
9. Franckel J.-J., Paillard D. Discret — Dense — Compat: Vers une typologie opératoire // Travaux de linguistique et de philologie. XXIX. Strasbourg; Nancy, 1991.
10. Lebaud D. Savoir et connaître (1ère partie) // Le gré des langues. Paris, 1990. № 1.
11. Vendler Z. Telling the facts // Contemporary perspectives in the philosophy of language. Indianapolis, 1979 (русский перевод: Вендлер З. Факты в языке // Философия, логика, язык. М., 1987).

SUMMARY

SPATIUM MENTALE. Ju. Apresjan: The article contains a dictionary entry for Russian putative verbs such as *думать*, *считать*, *полагать*, *находить*, *рассматривать*, etc. It is intended for a new explanatory dictionary of Russian synonyms. The dictionary is concerned with semantic, pragmatic, referential, prosodic, syntactic, morphological and selectional similarities and differences between synonyms. For example, semantically *думать* is a simple statement of belief, while *рассматривать* classifies and interprets. *Считать* implies the will to think something and a great amount of certainty that the subject's opinion is true, while *думать*, being more like an hypothesis, has no such implications. *Считать*, *думать* and *полагать* do not presuppose an immediate perception of the situation which is the object of belief, while this presupposition is necessary for *находить*. Contextual neutralization conditions are also discussed.

The dictionary is based on the theory of systemic lexicography claiming that: 1) the wordstock of every language breaks up into a number of lexicographic types — groups of lexemes with common properties following the same or similar rules of grammar; 2) the set of lexicographic types is determined by the pattern of conceptualizations (the "naive picture of the world") inherent in the language, and by peculiarities of its formal structuring (such as derivational patterns); 3) complex meanings should be gradually reduced to semantic primitives — senses that cannot be further decomposed within the given language, although they are not necessarily elementary; 4) dictionaries should be active, i.e. geared to the needs of producing a text rather than.

V. Gak: Mental lexical field includes: a) the centre (*to think, a thought, an idea*, etc.); b) field sectors conditioned by particular parameters of mental processes: the situation of thinking with its subject, object, various characteristics, etc.; novelty and maintenance of the knowledge; its conformity to reality, orientation to the past or to the future, etc.; c) general modifications of processes (phases and duration; intensity; voice and diathetic transformations; negation; interpersonality; emotivity, etc.). The parameters of thinking and modifications that occur in the process engender various distinctive features in the mental lexicon. The "nearest neighbours" of the mental field relate to the substrata of thinking (feelings, evaluations, wishes, volitions) or to its consequences (speaking, acting). The mental field intersects with more distant fields such as movement, possession, etc.

G. Kreidlin: An object in a language can be qualified either directly — by giving a feature ("Snow is white"), or indirectly — by putting it into a class and attributing a qualificative (taxonomic) feature to it ("Peter is an experienced teacher"). One subset of taxonomic characterization embraces axiological sentences having the pattern NP1 V A NP2: NP1 and NP2 are noun phrases denoting the object and its class, correspondingly; V is the

copula *be* or its equivalents, and *A* is an adjective of "reference-modification." (D. Bolinger) — *real, true, genuine* and the like. Such adjectives do not exclude the object from the class, they indicate to what extent the object possesses generic characteristics of the class, or compare the object with other members of the same class. The semantics and syntax of such adjectives as well as the semantic and syntactic properties of sentences with these words have been described.

I. Makeeva: In ancient and in old Russian the verbs *думати, мыслити, мнѣти, гадати* had different meanings from those in modern Russian. The changes were brought about by specifics of their semantic structures and by the tendency to loose resemblances. For example, in translations from Greek the verbs *мыслити, думати* were both equivalents for *entumēomai, fronēo, logīdzomai, voēo*; the verb *мнѣти* — for the Greek *nomīdzo, dokēo, oīomai*.

E. Muravenko: The article describes self-sufficient linguistic puzzles, and is dedicated to the memory of A. Jurinsky, whose work was crucial in establishing and developing this specific genre of linguistic research. The main characteristic of such puzzles is that they include all the information necessary for finding the correct answer. The only thing one needs to do is make inferences. The description of the genre is illustrated by four linguistic puzzles.

N. Riabtseva: Mental modus is the obligatory characteristic of scientific discourse that makes it communicatively definite. It differentiates between knowledge and belief, cognition and cogitation, necessity and will, etc. It can be expressed either lexically or "grammatically", i.e., through auxiliary means of text organization. Delexicalization of mental modus makes the text more compressed, recursive and even expressive, cf. *The task of this article (intention) is to investigate (cognition) the differences between A and B (belief) — vs. — A and B never coincide (knowledge), because... (recursion).*

V. Trub: Intentionality is an act of volition as well as practical reasoning, evaluation of action, decision, and action proper. Every intentional predicate can be associated with one of these steps, or a number of them. According to this scheme words meaning 'intending', 'attempting', 'persuading', 'succeeding', etc., have been interpreted.

VERBA MENTALIA. N. Arutiunova: The article deals with two Russian predicates *правильно* ('correct, true') and *верно* ('right, true'). Both state the relation of a judgement to a certain world model (as opposed to raw data). The first expresses correspondence of the world conceived as a system of norms, rules, laws or schemes, that is to conventional reality. The second refers to "God's truth" — the very essence or eternal prototype (eidos) of the world.

The predicate *правильно* is applied to judgements about mental acts and behavioural actions. Both are purposeful. The aim of mental acts is verity. So the rules of reasoning are verity aimed. If a mental act conforms to the rule, its result is true. The norm-value of mental action is thus equivalent to the truth-value of the judgement. Where there is compliance with the rule, there will be agreement with the truth. The predicate *верно* is applied mostly to general judgements about human life

expressed literally or metaphorically, as well as to artistic creations — to images. Neither of them can be verified nor proven false. Such judgements and images result from intuition, inspiration or revelation. They have no system of proofs to rely upon, but still they permit truth-evaluation.

T. Bulygina, A. Shmelev: Parentheticals *наверное, вероятно, может быть* may be regarded as illocutionary force indicating devices (IFIDs), marking a sentence as one that makes a hypothesis. That would account for the fact that those IFIDs do not co-occur with other explicit IFIDs, e.g. with interrogative or imperative ones (though an utterance with *наверное* e.a. may be used, indirectly, as a question or, say, advice).

The verb *мочь* functions in Russian as a modal, rather than an illocutionary, operator. The corresponding modalized proposition can be associated with a variety of illocutionary acts (IA). An assertion of the possibility of a state of affairs may sometimes be pragmatically equivalent to an IA of making a hypothesis (about the factuality of the state of affairs). Hypotheses should be distinguished from another type of IA explicitly expressing the speaker's commitment, or lack of it, to a truth of the proposition, namely, "quasi-assertions" based on the senses which are possibly fallible or on hearsay: "impressives" and "quotatives."

M. Glovinskaja: The article is concerned with three groups of speech act words denoting mental influence. They differ, above all, in regard to the resulting mental state which the speaker purports to produce in the hearer. It may be: 1) understanding, 2) knowledge, 3) opinion. The basic verbs of the respective groups are *объяснять — объяснить* 'to explain' (the aim is to make the addressee understand something, he has not understood), *доказывать — доказать* 'to prove' (replacing smb's opinion with knowledge or a different opinion which is maximally close to knowledge); *убеждать — убедить* 'to convince' (replacing one opinion with another). The three types of verbs also differ as to the hearer's attitude (when perceiving explanation he is an ally, but when being convinced — an opponent), to the essence of what is conveyed (one explains what is difficult for understanding, but proves what is not apparent), to the character of the arguments employed, and the manner of arguing. Therefore, full lexicographic explications of the three verbs have been proposed.

E. Ioanesian: According to the way the speaker gets information about the reported situation, mental predicates fall into three classes:

— characteristic information: the speaker makes his utterance having direct contact with the situation (f.e. Russ. *казаться, считать*);

— non-characteristic information: the speaker makes his utterance without any contact with the situation. He makes his claim only on the basis of his personal knowledge of the world (f.e. Russ. *наверное*);

— context-linked information: the speaker makes his utterance having only indirect contact with the situation. For example, if we call Peter and he doesn't answer, we can use in Russian the evidential of context-linked information *видимо: Он, видимо, уже спит* 'He is apparently sleeping' (the fact that Peter doesn't answer is indirect evidence of the situation 'Peter is sleeping').

I. Kobozeva: The meaning of a mental noun can generally be derived from the meaning of the corresponding mental predicate through ordinary

modification (cf. a *thought* is "what one *thinks*"). But the meaning of such nouns as *idea* cannot be described in this manner, because they have no predicate counterparts. In order to discover the semantic peculiarities of *идея* we study its distribution and compare it to that of *мысль* — a general noun for the object/result of mental state/action in Russian, and find out that *идея* is a thought about what ought (needs, is desirable, etc.) to be done. This basic distinction of *идея* motivates the metaphors it "lives by" which only partially coincide with those of *мысль*.

N. Laufer: Two mental states predicates of Russian — *уверен* and *убежден* — are usually considered to be synonymous. However, they differ in the following respects: (1) in co-occurrence with negation, gradual words and non-propositional objects; (2) in placement of communicative focus; (3) in possibility of argumentation; (4) in temporal characterization; (5) in emotional accompaniment. Thus *убежден* denotes an epistemic and emotional state (at a certain moment), can be graduated and motivated, and its object refers to a real situation. On the contrary, *уверен* means a purely epistemic state (unrelated to time), can't be graduated, needs no argument, and its object is an abstract proposition.

E. Padutcheva: Opposite aspectual forms of mental verbs in Russian can have similar contextual meanings, cf. *Я понимаю (понял), что ты сказал* ('I understand (have understood) what you said'). Aspectual pairs with this quasi-synonymous semantic relation are called *perfective pairs*. Three classes of Russian mental verbs forming performative aspectual pairs are distinguished. Those are verbs meaning (1) opinion and perception; (2) qualification; (3) encounter. Semantic, syntactic and pragmatic characteristics of this kind of aspectual pairs have been specified.

V. Plungian, E. Rakhilina: Two Russian adjectives — *безумный* and *сумасшедший* — have the same meaning 'mad', but differ contextually, therefore they convey two opposite concept of madness. The first one refers to irrational uncontrolled forces imposing danger or fear; the second one implies mainly uncommon, deviant behaviour, in particular, excessive activity.

I. Shatunovsky: The chief difference between two main Russian believe-verbs *думать* 'to think' and *считать* 'to consider' is that the first refers to opinions based upon some objective data and mostly verifiable, while the second refers to a subjective or conventional world created by the speaker. The difference in a subjectivity and objectivity of opinions has various syntactic, communicative and pragmatic consequences. The article reveals some of them.

LINGVAE MENTALES. B. Borukhov: In "The Pillar and Support of the Truth" by P. Florensky the terms "mind" (*Vernunft*) and *ratio* (*Verstand*) differ not only in meaning, as they do in the philosophy of Kant, but are also symbols, signifying two hostile elements of the human spirit. Moreover, the connotative semantics of "mind" is formed by means of the category of the "living" and its Russian derivatives, and that of *ratio* — by means of the category of the "dead" and its derivatives. For Florensky all manifestations of "mind" are "alive", and those of *ratio* — "dead."

M. Voznesenskaja, M. Dmitrovskaja: The relations between *ratio* and

emotions in the mentality of A. Platonov's characters ("Chevengur") are of an ambivalent nature. They can oppose, coincide, or be transformed into each other. That's why the words *думать* 'to think', *мысль* 'thought', and *ум* 'mind' can mean both "thought-as-emotion" or "thought-as-pure-reasoning." Emotions are transformed into thoughts through verbalization, and thus become clear to the speaker himself; and vice versa: verbalization makes the speaker "feel" his own thoughts. Verbal transformation of one into another often constitutes almost insuperable difficulties for the characters who reveal their eagerness for and inexperience in abstract thinking.

N. Grinzer: The notion of imitation, or mimesis, to be found in Plato's description of poetry, was also true of language according to him. In "Cratylus" Plato considers names (or words) to be simple imitations of things. But a more thorough analysis shows that Plato doesn't look on language as imitating nature only through reproducing some images of complete physical objects. Like nature it can itself create such physical objects by constructing of the whole from some primary elements. Therefore, mimesis implies the general notions of construction and order, which are most relevant for Plato's linguistic speculations. Mimesis, then, is a notion of ambivalent, not only pejorative character. The best illustration is "Cratylus" where this theory is symmetrically distributed between two opposite versions of the origin of language: "natural" and "conventional." So one and the same theory acquires contrasting interpretations evaluations in one and the same text.

E. Smirnova: The construction of idealized objects is connected with the activity of thinking. Paradoxes reveal possibilities, conditions and limits of that kind of objects. It appears that logic readily reacts to the methods of abstraction and idealization. It is not something given once and for all. In particular, the Liar paradox makes the concept of truth introduced by the scheme of A. Tarsky, seem contradictory. Is this scheme suitable for all kinds of sentences? What kind of sentences fix the state of affairs in reality? Can they be modal sentences, statements about future events? etc.

E. Tchernaja: Without losing the spirit of Hintikka's performatory interpretation of the Cartesian *cogito*, his results can be reworked in the calculus of speech acts by assigning declarative illocutionary forces to mental acts in the "illocutionary impossible" possible worlds. As a declarative the *cogito* introduces the subjects of mental acts into the domains of such possible worlds. The trans-world identification by self-consciousness has to be considered as an irreducible pattern of the mind grasping individuals.

A. Shmelev: One of the differences between Russian *знать* and *верить* is that the former refers to a completely passive (uncontrollable) mental state, while the latter — to an attitude resulting from an act of free will. This difference (together with some other peculiarities of the verbs in question) accounts for the fact that seemingly paradoxical statements like the one in the title of the article are fully acceptable and meaningful in certain situations.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Spatium mentale	
Ю.Д. Апресян. Синонимия ментальных предикатов: группа считать	7
В.Г. Гак. Пространство мысли (Опыт систематизации слов ментального поля)	22
Г.Е. Крейдлин. Таксономия и аксиология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики)	30
И.И. Макеева. Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов	40
Е.В. Муравенко. Еще раз о лингвистических задачах	45
Н.К. Рябцева. Ментальный модус: от лексики к грамматике ...	51
В.М. Труб. Лексика целесообразной деятельности (Опыт описания)	58
Verba mentalia	
Н.Д. Арутюнова. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно	67
Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. Гипотеза как мыслительный и речевой акт	78
М.Я. Гловинская. Русские речевые акты со значением ментального воздействия	82
Е.Р. Иоанесян. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений	89
И.М. Кобозева. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен	95
Н.И. Лауфер. Уверен и убежден: два типа эпистемических состояний	105
Е.В. Падучева. К аспектуальным свойствам ментальных глаголов: перфектные видовые пары	111
В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина. БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных <i>безумный</i> и <i>сумасшедший</i>)	120
И.Б. Шатуновский. <i>Думать</i> и <i>считать</i> : еще раз о видах мнения	127
Linguae mentales	
Б.Л. Борухов. Мышление живое и мертвое: "РАССУДОК" и "РАЗУМ" в философии П. Флоренского (по книге "Столп и утверждение истины")	135
М.М. Вознесенская, М.А. Дмитриовская. О соотношении <i>ratio</i> и чувства в мышлении героев А. Платонова	140
Н.П. Гринцер. Подражание как ментальный акт (К теории языка у Платона)	147
Е.Д. Смирнова. Парадоксы и мышление	151
Е.Г. Черная. Картезианское <i>cogito</i> в семантике возможных миров ..	160
А.Д. Шмелев. "Хоть знаю, да не верю"	164
Summary	170

CONTENTS

Editorial	3
Spatium mentale	
<i>Ju.D. Apresjan</i> . On the Synonymy of Mental Predicates: the <i>schitat'</i> ('believe') Group in Russian	7
<i>V.G. Gak</i> . The Space of Thought: Systematizing Mental Lexicon	22
<i>G.E. Kreidlin</i> . Taxonomy and Axiology in a Language and in a Text	30
<i>I.I. Makeeva</i> . Historical Changes in the Semantics of Some Russian Mental Verbs	40
<i>E.V. Muravenko</i> . Self-Sufficient Linguistic Puzzles as a Specific Genre	45
<i>N.K. Riabtseva</i> . Mental Modus: its Lexicon and Grammar	51
<i>V.M. Trub</i> . The Lexicon of Intentional Activity	58
Verba mentalia	
<i>N.D. Arutiunova</i> . Russian Truth-value Predicates: <i>pravil'no</i> , <i>verno</i>	67
<i>T.V. Bulygina</i> , <i>A.D. Shmelev</i> . Hypothesis as a Mental and Speech Act	78
<i>M.Ja. Glovinskaja</i> . Russian Speech Act Verbs Denoting Mental Influence	82
<i>E.R. Ioanesian</i> . Mental Predicates and the Types of Their Subordinated Propositions	89
<i>I.M. Kobozeva</i> . On Semantics of Russian Mental Nouns (With Special Reference to <i>mist'</i> and <i>ideja</i>)	95
<i>N.I. Laufer</i> . <i>Uveren</i> and <i>ubezhden</i> : Two Types of Epistemic States	105
<i>E.V. Padutcheva</i> . Aspectual Features of Mental Verbs	111
<i>V.M. Plungian</i> , <i>E.V. Rakhilina</i> . "Madness" as a Lexicographic Problem	120
<i>I.B. Shatunovskij</i> . Thinking and Believing: Types of Opinion	127
Linguae mentales	
<i>B.L. Borukhov</i> . "Ratio" and "Mind" in the Philosophy of P. Florensky	135
<i>M.M. Voznesenskaja</i> , <i>M.A. Dmitrovskaja</i> . Ratio and Emotions in the Mentality of A. Platonov's Characters	140
<i>N.P. Grinzer</i> . Imitation as a Mental Act (Contributions to Plato's Theory of Language)	147
<i>E.D. Smirnova</i> . Paradoxes and Thinking	151
<i>E.G. Tchernaja</i> . Cartesian <i>Cogito</i> in the Semantics of Possible Worlds	160
<i>A.D. Shmelev</i> . "I know it, yet I don't believe it"	164
Summary	170

Научное издание

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

Ментальные действия

Утверждено к печати

Институтом языкознания РАН

Редактор издательства *В.С. Матюхина*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректор *Т.И. Шеновалова*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 278

Подписано к печати 23.07.93. Формат 60×90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 11,0. Усл. кр.-отт. 11,4. Уч.-изд. 13,0.
Тираж 1950 экз. Тип. зак. **361**

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва, Открытое шоссе, д. 28

150-